

Предисловие

Об исламской угрозе говорят и пишут много. Об исламофобии тоже немало. Беда многих таких речей и писаний в неглубоком знании предмета, в излишнем, иногда чуть ли не мистическом страхе, в недостатке евангельского взгляда на проблему. А главное в том, что наши реальные жизненные проблемы: этническая преступность, хамское поведение некоторых пришельцев с Кавказа в русских городах и поселках, коррумпированность чиновничества, покрывающего этот криминальный беспредел, - достаточно необдуманно возводятся к религиозным корням ислама. Исламское и христианское религиозное невежество, сталкиваясь в национальных и социальных конфликтах, пытаются (каждое со своей стороны) разжечь пожар священной, межрелигиозной вражды.

А если посмотреть на ислам не теми глазами, какими смотрит американский солдат в Ираке? Не через прицел, не через броню... И не глазами обывателя, не видящего ничего, кроме телевизора и любимого блога в Интернете.

Ведь Россия не Ирак и не США. По сути дела в нашей стране две (а не четыре) традиционных, базовых религии, объединяющие значительное число людей. Это христианство (разных конфессий) и ислам (разных направлений). И есть долгая и поучительная история совместного существования.

Ныне наша беседа обращена к молодому русскому православному патриоту. Еще раз повторю специально для придирчивых бородатых критиков: это написано для молодых людей. С соответствующими особенностями, как стиля, так и объема информации.

Человек, любящий свою родину, ценящий ее историю, способный сострадать своему народу, может сделать для своей страны много добра. А может наделать и много зла, одушевляемый теми же самыми ценностями и идеологемами. Потому что многое зависит не только от глубины сердечного чувства и твердости воли, но и от ясности в голове, от знания и понимания уроков истории. С этой точки зрения и стоит подумать об исламе. Мы поговорим об исламе, как религии, а чтобы разговор был серьезным, надо, прежде всего, отложить все фразы, типа: "да, знаем их, понаперлись сюда и начали..." Все мы прекрасно знаем, кто "приперся" и что "начал". Пусть об этом говорят прокурор и следователь. А наш разговор будет о религии.

Часть первая. Национализм и империя

Но начать придется немного издалека.

Национализм, понимаемый, как любовь к своему народу и его культуре, - качество доброе, нужное и ценное. Вытекает оно из пятой заповеди Божией: *почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе* (Исх. 20, 12). Во множестве языков, практически во всех европейских языках, слово "родина" имеет прямую связь со словами: отец, мать, род. Здоровое почитание родителей – основание патриотизма. Семья дарит человеку его родной язык, его песни, книги и сказки.

Нормальный путь национализма здорового – это путь позитивный, идущий от почитания родителей, от семейной любви, через которую обретается чувство народа и родины. С чего начинается родина? – С картинки в твоём букваре, с той песни, что пела нам мать, и так далее.

Но есть другой путь к национализму, не позитивный, а негативный. Это путь подросткового бунта. Подросток стремится утвердить свое, личное, которое он едва только ощутил в самом себе. В этом своем личном может быть и корпоративная ценность. Мы, подростки, сбившиеся в стайку, ценим наше, компанейское, а главное, мы отвергаем чужое, то, что мы противопоставим нашему. Вот мы и русскими становимся потому, что мы не черномазые. Вчера мы дрались и конкурировали улица на улицу, а сегодня подросли и показываем тяжелый кулак всем инородцам.

И путь этот нехороший, и плод его, соответственно, тоже не лучше. Всякому молодому русскому националисту хочется задать вопрос: а каковы твои отношения с родителями? Ты действительно обрел святое чувство родины, как логичное расширение любящей семьи? Твоя

родина начиналась с той песни, что пела тебе мать? Или с дворовой ватаги пацанов? Или с подворотни, где рассказали первый анекдот про жидов и черномазых?

Проще сказать: на любви или на ненависти был основан твой патриотизм изначально? Что было вначале? От худого семени не жди доброго племени. Если ты строишь хорошую постройку на плохом фундаменте, то либо все у тебя развалится, либо получится какая-то уродливая кособокая хибарка, но совсем не то, что ты хотел бы видеть.

А как твои родители оценят твой патриотизм? – Тоже, кстати, довольно серьезный вопрос. Почему в националистических организациях так мало взрослых, зрелых людей? У них у всех не хватает патриотизма? Или сам патриотизм их другой?

В том-то и дело, что в подростковом возрасте я сам обретал свою родину, как и нынешняя молодежь: отталкиваясь от патриотизма старших (так сказать, казенного) к патриотизму бунтарскому, ксенофобскому, простому и зеленому, как три советских рубля. Поэтому я не осуждаю младших товарищей за свою же собственную ошибку (за нее осуждаю себя), но только при условии, что этой ошибке мои юные читатели не будут следовать долго, упорно и через преступления. И хочу рассказать сейчас то, что мне так нужно было бы услышать в свои семнадцать лет, и чего я не мог бы тогда ни от кого услышать.

До нас на земле жили разумные люди, которые тоже любили свой народ, желали ему добра, пытались принести ему добро. Они делали свои ошибки, которые являются даровым уроком нам. Понять их ошибки, выучить их, чтобы самому не повторять – и это будет прекрасно. За чужие ошибки ты платить не будешь, за них платил уже тот, кто их совершал, а также его дети. Поэтому умный человек учится на чужих ошибках. На бесплатном отделении жизненного университета.

А за свои ошибки придется уже платить самому. Причем иногда несправедливо большие суммы. Такова жизнь: последствия ошибки могут быть многократно больше ее самой. Эту большую сумму раздели надвое: половина пойдет за сам грех, а половина за науку. Средний человек, не умный, учится на таком вот платном отделении, учится на своих ошибках, за которые дорого платит. И, разумеется, вынуждает платить и свою родню, и своих детей.

Но кто даже на таких ошибках не учится... Тот уже по-настоящему дурак. А если он еще и злой дурак, то дров он наломает.

Итак, если ссориться с головой ты не желаешь, то несколько исторических уроков изучить с самого начала будет невредно.

Итак, первый хороший урок о плохом национализме преподает нам избранный народ еврейский. Очень важный урок о том, **как не надо** любить свой народ и свое отечество. Полагаю, излишней юдофилией ты не страдаешь, а потому и урок этот оценить сможешь правильно. Кстати сказать, много патриотических изданий, содержат в заглавии слово: "русский", но в самом содержании гораздо больше говорится о евреях и о всем еврейском. Однако даже при этом главный урок еврейской истории остается у нас невыученным. Мы его сами повторяем на каждом шагу!

Все началось задолго до Иисуса Христа. Бог действительно избрал еврейский народ, действительно заключил с ним завет, действительно любил его и заботился о нем. Многие русские патриоты этому не верят, но это правда. И это совсем не значит, что это был лучший народ. Просто устами Иисуса Бог имел призвать в будущем всех людей к любви по отношению к врагам, вот и Сам первым показал пример любви к не самым лучшим людям.

Первая ошибка большинства евреев (только не пророков!) в том, что это Божие избрание, они расценили, как высший бал, как "пятерку" себе в табель. Пророки не раз говорили им, что это не правильно, но их не слушали. Кстати, здесь же первейшая ошибка и русского национализма. Эта же ошибка присутствует и в семейных отношениях. Люди часто путают: если я люблю отца, мать, жену, брата, сына, - то это автоматически должно означать, что они вообще самые лучшие, по крайней мере, для меня. Но это не так! У всех людей есть грехи и недостатки, а любить мы должны не лучшее, что есть в человеческом роде – за то, что оно лучшее, - а должны мы любить тех, кого Бог послал нам на пути – несмотря на то, что они не самые лучшие. Если по ложной любви к своему ребенку внушать ему, будто он – самый лучший, то нет другого способа глубже исковеркать детскую душу. Также и народ свой любить – это вовсе не значит: воображать его самым лучшим, выдумывать ему самое высокое место среди других народов и самое высокое служение в истории. У

каждого народа – свой путь, свое избрание, своя задача, поставленная ему Богом. А если эти задачи и призвания, данные разным народам, просто не сравнимы между собою по такой простой шкале: кто лучше, кто выше?

И вот, еврейскому народу Бог не велел смешиваться с окружающими его племенами, имеющими неверные религиозные представления и скверные обычаи. Это привело к тому, что маленький Израиль на земле Палестины оказался, как семечко посреди жерновов. Маленькое царство среди больших империй: Египетской, Вавилонской, Персидской. Благодаря своей религиозной, национальной и культурной обособленности, Израиль не мог создать большую империю сам. Постепенно это стало его внутренней, а не только внешней бедой.

Несколько веков после Моисея израильтяне шатались между почитанием Единого Бога и чужих идолов. За это были посланы им наказания, вплоть до пленения вавилонского и разрушения Храма. После вавилонского плена они вернулись к единобожию и пытались стоять в нем крепко. Борьба за религиозную свободу при Маккавеях усилила чувство религиозной и национальной исключительности. Но при этом не дала иудеям чувства национального единства. Слишком много вокруг было врагов. Уже и глаз замылился, чтобы разглядеть рядом друга. И вот после освобождения от эллинизации при Маккавеях лет сто в Иудее шла почти непрерывная гражданская война за престол.

Вот урок второй из еврейской истории, очень плохо усвоенный нашими патриотами. Пропишите в тетрадке и подчеркните жирным красным карандашом: чувство национальной исключительности не создает в людях чувства своего народного единства! Это совершенно разные вещи! В русском патриотическом движении так и мелькают крошечные секточки под названиями типа: национальное единство, национальный собор. И все эти "единства" и "соборы" насчитывают жалкие единицы последователей, постоянно ищущих среди своих же по крови братьев всяких там "жидков и поджидков".

Гражданскую войну, столетнюю войну между патриотами Израиля, протекавшую после победы Маккавеев, описывает нам не какой-нибудь антисемит, а известнейший еврейский историк конца I века, любящий свой народ, Иосиф Флавий. Он же сообщает, что притихла эта война только под руководством римлян, когда по приглашению обеих противоборствующих сторон римский полководец Помпей в 64 г до Р. Х. вступил в Иерусалим и отдал царский престол той партии из иудеев, которую счел более законной.

Если все евреи терпеть не могли все иноземное и языческое, то римляне, напротив, относились с большим уважением к традициям других народов. Под их владычеством Афины оставались центром философии и учености, Александрия хранила свою библиотеку и школы, а Иерусалимский храм, в который, пользуясь случаем, Помпей все-таки заглянул, на следующий же день по его же приказу был освящен и продолжил обычное богослужение. Из храмовой казны Помпей не тронул ни одной монетки.

Вопрос: какой из двух народов способен создать большое и крепкое государство? Правильно, именно римляне. С их безмерной религиозной терпимостью и уважением к традициям других народов. А заодно – с удивительным правовым сознанием, с чувством законности и справедливости, которое очень привлекало к римлянам других людей, всю жизнь живших среди культа силы, произвола, самосуда и кровной мести.

И вот Иудея оказалась под римским владычеством. Ты, вероятно, слышал бесчисленные воздыхания о римской жестокости, о том, как худо бедным евреям жилось под их произволом. И о том, с каким героизмом они бросились в неравную борьбу за свободу.

Такая оценка, по самой малой мере, однобокая. Чтобы не сказать: просто лживая.

Приведу свидетельства только трех еврейских источников.

Первый – это оценка Самого Иисуса. Не запретив отдавать подать кесарю, повелев любить врагов, Он явно дал понять, что еврейский стон об угнетении не оправдан, а вооруженная борьба против римлян обернется для евреев национальной катастрофой. Иисус даже в подробностях предсказал, как это будет. И все это исполнилось.

Второй автор – Иосиф Флавий. Во Введении к своей книге "Иудейская война" он констатирует: "Ибо случилось так, что из всех государств, находящихся под властью Рима, именно наше сначала достигло вершин процветания, а затем пало во глубину ничтожества". Иосиф был

очевидцем и участником всех описанных им в этой книге событий. Ему нет смысла кого-то обманывать. И первый из семи томов "Иудейской войны" посвящен описанию того огромного строительства, накопления богатств и высокого уровня жизни в Палестине при Ироде Великом, в последние дни царства которого родился Иисус Христос.

Подробностей здесь много. Масштаб строительства был грандиозен. Храм при Ироде увеличил свою территорию в несколько раз, а его убранство стоило неисчислимых денег. Важнейшие города и крепости: Кесария, Антипатрида, Махерон, Масада и многие другие украсились стратегической важности постройками и роскошными зданиями. Такие стройки ведутся, разумеется, только там, где можно прокормить работников. Еврейские семьи были многодетными. Население Иудеи быстро росло.

Религиозная свобода в Иудее была полной. Ни один религиозный символ язычества не мог быть внесен в святой Город Иерусалим. Когда однажды Понтий Пилат (тот самый, по приговору которого распяли Христа) попытался внести в Иерусалим знамена с изображениями римских орлов, еврейская депутация смогла его отговорить от такого неуместного шага, показав неизбежность народного бунта. Попытавшись было запугать депутатов кровавой расправой, Пилат довольно быстро одумался и отступил, отменив свое решение. Иными словами, речи не могло идти о том, чтобы в столице якобы оккупированной страны было хотя бы религиозное равноправие. Речь не шла о том, чтобы хотя бы какое-то маленькое капище в честь Зевса прилепить где-нибудь на окраине Иерусалима, даже просто государственный флаг Римской империи не мог быть водружен в стенах Святого Города! И римляне такую пилюлю проглотили и долго терпели такое положение.

Представь себе, как англичане где-нибудь в Австралии или в Новой Зеландии нигде не имели бы права, чтобы над своей колониальной резиденцией поднять британский флаг. Можешь себе такое представить? Я тоже не могу.

На входе в Храм висели каменные доски, сохранившиеся, кстати, до наших дней, где по-гречески и по-латыни было написано запрещение любому необрезанному человеку вступать в священные пределы Храма под страхом смерти, - даже если это римский гражданин. И гордые римляне, эти глаголемые тираны и поработители, спокойно терпели такое к себе отношение.

Вот такая оккупация, при которой Иудея "достигла вершин процветания"!

И третий автор, описавший тогдашнее еврейское счастье – Альфред Эдершейм (1825-1889). Он родился в Вене, в еврейской семье, прекрасно знал и Библию, и Талмуд. Еще будучи студентом обратился в христианство и стал ведущим ученым своего времени в области доктрин и традиций иудаизма в период конца Второго Храма и в первые годы христианской эры. Его капитальный пятитомный труд "Жизнь и времена Иисуса Мессии", недавно до конца переведенный на русский язык, служит ценнейшим историческим источником. И вот, вся первая книга этого труда посвящена по сути подтверждению оценки Иосифа и описанию этих самых "вершин процветания". С учетом жизни евреев не только в Палестине, но и в рассеянии по всей римской империи.

Повсюду евреи беспрепятственно имели свои синагоги, кладбища, в том числе в самом Риме. Их не брали в армию, они имели налоговые льготы. Рабов из евреев практически не было – выгоднее было отпустить его за выкуп, чем заставить работать в субботу. В самой Палестине не было рабского труда, кроме как в порядке домашней помощи. Сельскохозяйственный труд в Палестине был вольно-наемным, что отражено и в Евангелии. И это в то время, когда повсюду были крупные рабовладельческие хозяйства, со множеством рабов на казарменном положении.

Император Август, друг и покровитель Ирода великого, очень благоволил евреям. С его легкой руки многие знатные римляне посылали щедрые пожертвования на Иерусалимский Храм, просили там приносить за них молитвы и жертвы. Многие греки и римляне знакомились с иудейской верой и принимали ее. Они веровали в Единого Бога, сотворившего небо и землю, давшего людям свое откровение в том Писании, которое хранят евреи. Эти люди назывались прозелитами, а в Новом Завете, особенно в книге Деяний они именуются: "боящиеся Бога". Далеко не все из этих "боящихся" решались принять обрезание (это достаточно больно). Потому полностью в иудейскую веру обратиться они не могли. Но в синагогах (не путайте их с Храмом; синагог было много везде, где жили евреи, Храм же, где приносили жертвы – только один, в Иерусалиме) и им было отведено особое место, и они ходили туда послушать из книг Закона и помолиться. К таким необрезанным

сами евреи относились с презрением и подозрением, не ели вместе с ними, не пользовались общей посудой.

И несмотря на это, библейская вера в Единого Бога пользовалась большой популярностью. Даже те, кто не становились прозелитами, считали, что с Богом Иерусалимского Храма им не нужно портить отношения.

До прочтения книги Эдершейма, я сам полагал, что золотой век мирового еврейства наступил после Второй мировой войны в результате создания ими собственного государства. Думаю, эта ошибка распространена, тем нужнее ее скорректировать. Нет, не теперь, а именно тогда, в конце царствования Ирода, при императоре Августе, еврейское счастье было на пике, достигало "вершин процветания". Конечно, все это относительно, как вообще, все, принадлежащее тленному миру. Но именно относительно всей истории евреев за три с половиной тысячи лет, пик был именно тогда.

Если рассказать немного дальше, то можно будет найти много иллюстраций к известной истине: революцию делают не голодные люди, а те сытые, которым дали две недели поголодать.

Этому невозможно найти рациональные причины, но именно к концу правления Августа в еврейской среде зреют революционные настроения. Конечно, их подогрел и сам Ирод, сознававший свою неполную законность, как царь, а потому ставший очень подозрительным. Интриги при его дворе, казни им своей ближайшей родни – захватывающее чтение для любителей исторической хроники. Конечно, все это вновь начало раскачивать притихшую междоусобную брань. И все же гнев евреев против Рима тогда не был исторически оправдан. Объясняется он только ложно понимаемым патриотизмом.

Первые восстания против римлян прошумели незадолго до рождения Иисуса Христа и когда Он был еще ребенком. Происходили они именно в Галилее, где и жило святое Семейство. И приурочивались к периодическим переписям населения. Иными словами, даже льготные подати платить евреи не хотели. Причем не по бедности, а именно из принципа.

Мало-помалу это бунтарство начинало римлян раздражать. И в целом после императора Августа, при Тиберии, затем в краткое правление полубезумного Гая Калигулы, затем при Клавдии и Нероне римлянам приходилось все ту же подтягивать палестинские гайки, пока наконец резьбу совсем не сорвало.

Большая резня началась в 66 году. Но и все время до этого огонь революции кипел в сердцах, периодически прорываясь наружу. Причины тому были и политические, иногда и экономические, вызванные злоупотреблениями некоторых римских прокураторов, особенно последнего – Гессия Флора, но главным двигателем революции была все же мессианская идея. Никогда ни до того, ни после иудеи с таким горячим желанием не ждали Мессию, как в эти самые годы, когда Он был к ним послан и отправлен ими на Крест! От Мессии ждали, конечно, не того, что проповедал Иисус, а чудодейственного и божественного уничтожения римлян и установления мирового еврейского господства.

Вы думали, это товарищ Троцкий придумал всемирную и перманентную революцию? Нет, копните поглубже, минимум на две тысячи лет.

И свои товарищи троцкие тут, разумеется, появлялись и конкурировали друг с другом. Вот в такой обстановке и началась еврейская революция в Палестине в 66 году, сразу перешедшая в борьбу еврейских мессианских партий. Тогда они делились не на большевиков, эсеров и анархистов, а проще: по именам предводителей Симона, сына Гиоры, и Иоанна.

Иосиф Флавий, сам один из лидеров этого восстания, затем попавший к римлянам в плен и перешедший на их сторону, свидетельствует, что междоусобная война среди вождей восстания обеспечила большинство потерь с еврейской стороны. А заодно она же привела к пожару на продовольственных складах в Иерусалиме и массовому голоду среди осажденных, унесшему сотни тысяч жизней. Повстанцы не стеснялись проливать братоубийственную кровь во дворах самого Храма, что особенно возмущало Иосифа.

Вот и третий урок. Национализм, возводимый уже на религиозный уровень, на уровень культа вождя-мессии, непременно обернется борьбой в своем же народе, а также стиранием всяких нравственных ограничений. Такая религия собственной исключительности достаточно быстро расчеловечивает человека. А расчеловеченный человек всегда опустится ниже кровожадного зверя или всеядной скотины, он уподобится не менее чем бесам.

И итог этой войны был достаточно закономерен. Иерусалим разрушен, Храм сожжен, жертвы междоусобицы, голода, рабства и гладиаторства над пленными, в общей сложности далеко превысили миллион человек. По сути, холокост, самый настоящий. Отношение к евреям по всей империи стало значительно хуже, чем прежде, а бывшее почитание Единого Бога и Храма сменилось презрением и ненавистью. К евреям в окрестных народах теперь отнеслись так, как сами лидеры этого восстания относились ко всему нееврейскому человечеству.

Вот четвертый урок, самый простой: что посеет неумеренный националист, то и пожнет весь его народ, включая и тех, кто не разделял его заблуждений. С "высоты процветания" в бездну падения привела евреев неправильная любовь к своему народу, неумеренная национальная гордыня, презрение к прочим народам, обожествление народа своего.

И если, прочитав историю Флавия (что я очень советую), ты, воскликнешь: "Ух, жида!" – то это будет означать только одно. Значит, главного ты в этой истории так не понял. Такие книги нужно читать не для того, чтобы запастись местью и антисемитизмом, а для того, чтобы никогда, ни при каких условиях не забыть еврейский урок и никогда самим не повторять их ошибку и великий грех.

Умный русский человек, прочитавши, хлопнет себя по лбу: "О, Боже, кому и в чем мы подражаем! На кого мы стали похожи!" И это сознание его отрезвит.

Я уверен, что если бы Гитлер вовремя прочитал эту историю без презрения к евреям, то и Германия не свалилась бы с вершин процветания в бездну национального падения и унижения, не выплачивала бы десятками лет репарации евреям за холокост, не видела бы на улицах Берлина гей-парадов в полмиллиона человек. А была бы сильной страной со здоровым и счастливым населением, хотя бы и с умеренными национальными амбициями. Точно так же, как и Израиль времен Иисуса имел реальные шансы быть процветающей, высококультурной страной в составе Рима и с духовным лидерством во всей империи.

А теперь время сказать пару слов и о Евангелии, к которому националисты традиционно питают недоверие, видя в проповеди Христа о подставленной другой щеке проявление слабости и чуть ли не обучение подхалимству.

Да, в Нагорной проповеди Иисуса достаточно много политической составляющей. Понимать ее нужно в контексте еврейских революционных мессианских настроений. Несомненно, Иисус сразу дает понять, что Он – Мессия, а потому сразу же раскрывает свою политическую программу. Под кратким девизом: любите врагов ваших!

Мы часто склонны эти слова прилагать к контексту бытовому. Переиначиваем их примерно так: терпи, сколько можешь, вредную тещу. Иисуса представляем отвлеченным философом на все времена. Но это однобоко и неточно. Конечно, и тещу нужно любить и терпеть. Конечно, учение Христа – это вечные истины, но в Его речах о любви к врагам содержится и совершенно явный политический подтекст для Его времени. Если угодно – целая политическая программа, соответствующая реалиям Его эпохи. И Он раскрывает ее сразу. И на уровне человеческих взаимоотношений (если отложить мысли о предвечном плане Божиим) именно эта Его политическая позиция привела Его на Крест.

Давайте снова прочитаем эти строчки глазами политического обозревателя первого века. Открываем 5-ю главу Евангелия от Матфея.

Блаженны нищие духом – понимающие всецелую свою зависимость, в том числе и политическую, от Бога, а не от римского прокуратора.

Блаженны плачущие. Мы привыкли в толкованиях добавлять: о грехах своих, но такой добавки в самих евангельских словах нет. Блаженны плачущие не только о грехах своих, но и об обидах, наносимых им; блаженны просто плачущие, но не мстящие. Утешение от Бога для них придет, оно близко.

Блаженны кроткие, то есть не мстительные. Как ни странно, именно они *наследуют землю* – святую Землю Палестины, как вековую ценность еврейского народа. Для евреев земля Палестины – это именно духовная ценность, высшая ценность. Иисус напоминает слова псалма, сказанные не о какой-то, а именно о Святой Земле: эту землю смогут наследовать только кроткие. Тогда это пророчество не сбылось, точнее, сбылось наоборот: еврейские повстанцы, полностью лишенные всякой кротости, землю свою потеряли. Потеряли на долгие века. И даже, вновь отняв ее

в XX веке, сделали ее землей крови до сего дня. Но вывод этим подтверждается, хотя и от противного: землю наследуют только кроткие!

Блаженны алчущие и жаждущие правды. Национально-освободительная борьба евреев времен Иисуса (в отличие от эпохи Маккавеев) не отличалась справедливостью. Это очень важно. При Маккавеях Храм был переделан в капище Зевса, евреям запрещали иметь свои книги, обрезываться, учить закону детей, иудеев принуждали насильственно приносить жертвы идолам и есть свинину. Евреи восстали за свою веру против этого ужасного гнета язычников. И тогда Бог помог еврейским повстанцам. А теперь даже римский флаг нельзя было внести в, так сказать, оккупированный Иерусалим. А евреи обижались на религиозное притеснение. Как говорится, почувствуйте разницу! И будьте же справедливы!

Блаженны милостивые – ко всем людям, а не только к своим.

Блаженны чистые сердцем. У нас это принято трактовать только про блудные помыслы и похотливые взгляды. А почему бы не увидеть здесь отказ от двойной жизни и от двойной морали, неизбежных для любого революционера-подпольщика? Чистый сердцем – это не Штирлиц среди своих же соотечественников в своей же стране. А таковыми Штирлицами и вынуждены были быть лидеры повстанцев.

Блаженны миротворцы, ибо их роль в данном случае в комментариях не нуждается.

И наконец, *блаженны гонимые за эту правду*. Совершенно верно: предложить евреям такую политическую линию – это было крайне опасно для собственной жизни.

Революционная борьба заполнена подозрительностью, недоверием, ненавистью. И вот Христос прежде всего учит мириться с братом своим, не молиться и не приносить жертв в состоянии вражды и подозрения, в состоянии непрощенности и непрощения.

И вот дальнейшая политическая программа Иисуса. Тут уж только слепому было не видно, что речь идет об отношении к римлянам, собирающим налоги:

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный. (Мф. 5, 38-48).

Кто раньше всех ударит по щеке, отберет одежду и заставит нести свои вещи целую милю? Сосед? Нет, конечно. Даже закон такой был в римских провинциях, что местный житель обязан при нужде помочь римскому воину пронести поклажу на определенное расстояние. Христос призывает подчиниться этому порядку. Более того, говорит о любви к врагам. Именно образ оккупанта первым всплывет при этих словах в сознании еврея. Но Иисус не призывал к какому-то предательству, лицемерию или подхалимажу. Нет. Любовь к врагу в Его понимании раскрывается далее. *Благословляй* – значит, по меньшей мере, не злорадствуй, не зложелательствуй. *Благотвори и молись* – тоже достаточно понятные дела, еще не требующие особого сердечного чувства. Делай добро тому человеку, при приближении которого ты привык ошетиниваться, от кого привык ожидать удара или обиды. Так ты будешь подражать справедливости и милости Небесного Отца.

Правильна ли эта позиция? Могла ли она принести какие-то хорошие плоды? – Безусловно!

Не забудем об интересе к еврейской вере в среде самих римских воинов, в среде знатных римлян, вплоть до императорского дома! Это не враги, даже не поработители, и уж менее всего их можно представить гонителями еврейской веры. На страницах Евангелия мы встречаем римского сотника, просившего у Иисуса исцеления для своего слуги. Иисус похвалил веру этого человека, присоединив пророчество, что многие язычники придут и возлягут в Царстве Божием. Христос Сам показал, как нужно выполнять Его повеление. Подобное же поведение прочих евреев могло не

только смягчить сердца римских воинов и чиновников, но и привести их к истинной вере. Для такой надежды были совершенно реальные основания.

Другого сотника из Италийского полка в Кесарии приводит нам 10-я глава Книги Деяний Апостолов. Вот еще один римский офицер, принявший веру сначала в Единого Бога, а затем (через проповедь Петра) и веру в Господа Иисуса. Благожелательное и терпеливое поведение евреев позволило бы и грекам, и римлянам, общавшимся с ними, скорее принять правую веру и спасение в ней. Это был бы прямой и правильный путь.

И он был столь же осуществим и доступен, как и для наших прародителей вполне возможно было соблюсти Божию заповедь в раю. Ничего фантастического, ничего запредельного тут не было. Элементарное терпение и отказ от национальной гордыни ради Божьего дела. Не так уж и много. Не требовалось жертвовать жизнью, своей и своих близких, не требовалось рисковать и подвергать себя многим лишениям, соизмеримым с бедствиями развязанной войны. Просто немного смирить свою национальную гордость – и все.

И что бы тогда было? – Вполне мог получиться тот же союз народов, какой получился у римлян с греками. Политическая воля, политическое лидерство остались за Римом, а философия, наука, культура стали преимущественно греческими. Так и здесь при сохранении политической столицы в Риме, духовной столицей империи вполне мог стать Иерусалим, подобно тому, как интеллектуальными столицами были Афины и Александрия. Дело прямо-таки и шло к тому. Бог Сам давал евреям в руки духовное лидерство в тогдашнем мире.

Так ведь нет, они полезли в политическую бутылку!

Теперь ты понимаешь, почему плакал Иисус, входя в Иерусалим со всем торжеством Мессии? Хотя и встречали Его с радостью, хотя и видели Его подчеркнутое миролюбие и кротость, - все равно скандировали в сердце своем: мы ждем политических перемен! А не других. Вот Он, и чувствовал эти сердца, и плакал о них, предсказывая с полной точностью то, что сбылось через сорок лет.

Теперь ты видишь, что в политической программе Иисуса было не какое-то идеалистически возвышенное нравственное содержание, недоступное, а потому даже вредное простым смертным. Как раз наоборот! Его позиция была реалистичной, здравомысленной и глубоко патриотичной, вдобавок вполне отвечающей текущему политическому моменту. Следуя Ему, своему Царю, Израиль утвердился бы на этих самых вершинах процветания не только в экономическом и социальном, но и главное – в духовном отношении. Только следуя за Иисусом, Его народ как раз и достиг бы предназначенного ему от Бога лидерства в мире. Правда, оставив при этом политическое лидерство за римлянами, как более способными к этому. Самое удивительное: мир сейчас уважал бы евреев, признавал бы их лидерство. Никакого антисемитизма не было бы!

Так ведь нет, евреи схватились за то, чего им Бог не давал и не повелевал, и довели самих себя до руин и черепков. Помнишь: добьемся мы освобождения своею собственной рукой! Ну вот, попробовали и чего добились?

Очень простой вывод: на такой национализм нет воли Божьей, только дьявольская и поработанная ей человеческая.

Снова выпишем в тетрадку красными буквами: обостренный национализм никогда не создаст ни национального единства, ни сильного национального государства. Мало примеров? – Пожалуйста, еще.

Сама Римская империя. Более долгого и сильного государства, наверное, вообще в истории не было. Удивительная справедливость к другим народам, полная веротерпимость ко всем традиционным религиям (христианство сюда не вписалось, как религия молодая и не принадлежащая конкретному народу). Вот основы римского могущества. Цари соседние искали союза с Римом, желая избежать собственной междоусобной борьбы.

С подъемом национального сознания входящих в империю народов сама империя всегда разрушается. Наследница Римской империи – Византия стоит мощно и богато, пока любовью и справедливостью обнимает все входящие туда народы. И одной из причин гибели этой империи опять же становится обострение местных национализмов и превращение имперского сознания византийцев (ромеев) в узкий греческий шовинизм.

Национальная гордость современных греков лишь чуть поменьше еврейской. Соответственно, и территория современной Греции лишь чуть побольше территории Израиля. Достаточно закономерно.

Еще один прекрасный пример дурного национализма – Балканы. Ты, наверное, слышал о свободолюбивом и гордом сербском народе. Пора бы уже все такие хвалебные песни-кричалки немножко приглушить. Тут уже не только национальные, но главным образом, межконфессиональные противоречия со всех сторон доведены до предела. Представить себе: один народ, один язык намертво разрезан на православных, католиков и мусульман, которые при любом удобном случае, каждый каждому, совершенно безжалостно вонзает зубы в горло. До поры до времени только империя как-то сдерживает эту национально-конфессиональную ярость. Сначала турецкая, потом империя Габсбургов, королевство сербов-хорватов-словенцев. Даже коммунистическая империя. Но в любой из них - только дай небольшую трещину – и потоки крови заливают несчастную Югославию. Причем, корень беды не в НАТОвских бомбежках, а именно в национально-конфессиональном сознании. И вот, вместо одного небольшого, но стабильного государства мы видим семерку кровавых карликов, в которой не видно конца-края остро или вяло текущей гражданской войне. Причем и православные здесь отнюдь не являются образцом кротости, - если только смотреть на них честно. Одно слово: пороховой погреб Европы, из которого начались две мировых войны.

Скажи честно: ты и своей родине **этого** желаешь?

Та же петрушка и в Средней Азии и на Кавказе. Нигде не проведешь справедливых границ, которые разграничили бы соседние народы: здесь мы живем, а здесь – вы живете. Потому как "вы", так и "мы" живут и там, и здесь, в одном селе, в одном городе. И даже не в одном, а во всех подряд городах целой области. Как провести границу национального государства? – Да, никак. Только общее сильное и справедливое многонациональное государство может решить такую проблему.

А если большое государство слабеет, национализмы тут же обостряются, вековые обиды вспоминаются, воинские песни со слезами умиления поются все громче, герои в них прославляются, ножи точатся – и все до первой искры. Все стороны мечтают о несбыточном – о своем национальном государстве. Выкидывают лозунги, типа: Лилипутия для лилипутов. И режутся бедные народы-лилипуты, за родную свою землю, которая тысячу лет назад была в одних границах, пятьсот лет назад – в других, а сто лет назад – в третьих. А пятьдесят лет назад товарищ Сталин вообще республику Лилипугию пытался пересадить на Северный полюс! Ну и как тут дальше жить?

И на таком-то фоне слышен бравый лозунг: Россия для русских!

Давай посмотрим, что получится, если за него взяться всерьез.

Чтобы не обидно сразу было про свою бузину в огороде, лучше сперва на киевского дядьку посмотреть. Вот ему, киевскому дядьке, выпал целый вагон яблок – такая территория, что съесть сразу нельзя, только понакусать. И стал дядька всю эту страну в голубую и желтую полоску раскрашивать, в вышиванку зашивать. Но ему говорят: извини, дядя, Украина – это прекрасно, национальное ее сознание – пожалуйста. Но поймей совесть, ты все это разверни на территории исторической Украины. Украина для украинцев – замечательно. Но только в границах Украины. Крым тут причем? Когда он был украинским? А Донбасс? А Закарпатье, Харьковщина, Новороссия, Таврия? При чем тут Украина? Все это стало Украиной лишь потому, что один усатый вождь когда-то любил перерисовывать карту. Границу Украины он провел по границам немецкой оккупации по давно уже отмененному Брестскому мирному договору. А теперь ты, киевский президент, будь любезен, отрежь эти территории: две трети по площади и три четверти по населению от государственного образования под названием Украина, - и пляши себе гопак на Крещатике. А если не нравится такой разговор, то смекни, что тебе волею радянської власти досталась по площади целая империя. В ней жить и управлять ею можно только с имперским же сознанием, но ни в коем случае не с узким своим национализмом.

Скажи, друг, ты хочешь, чтобы и современная Россия стала похожа на **такую** Украину? Наверное, ведь, нет! Ведь эта бедная страна, это государство-подросток никак не может начать заниматься своим хозяйством, жить и строиться, как независимая страна. Она двадцать лет только и занята криком о своей незалежности, доказательством своей независимости, раскручиванием исторических обид на Россию и бесконечной борьбой за власть между одними националистами и

другими националистами. И все это при постоянном недовольстве населения русских, татарской и гуцульской областей, волею сталинского и хрущевского карандашика пририсованных к жовто-блакитному прапору.

Согласен ли ты, что нам это не нужно? Ни балканский вариант, ни украинский, ни среднеазиатский или кавказский.

Отрезанная от единой империи часть Кавказа сразу вспыхнула множеством гражданских войн.

Тот же "отец народов", швыряющий целые народы единым росчерком пера в разные стороны, среди прочего Абхазию и Осетию пристегнул к своему малому грузинскому отечеству. И крепко "огрузинил" эти территории, перебив местную интеллигенцию и переселив в эти области грузин. Пока такие пестрые картинки были только на карте, а власть держалась в Москве – было еще полбеда. Едва только треснула центральная власть – кровь полилась ручьем.

И вот теперь: Россия для русских.

Но ведь сразу услышишь в ответ: что такое Россия? На какой ее части справедливо написать: только для русских?

И тебе в нос сунут карту Киевской Руси, точнее ее обрубков на территории нынешней РФ. И увидишь ты территорию от Твери до Рязани и от Ярославля до Брянска. И все! А как ты хотел? Какой Тамбов-Воронеж? Нет, это дикое поле, Великая Степь. Киев и Чернигов – пожалуйста, можешь забрать их у Украины, если тебе отдадут. Полоцк проси у белорусского батьки. Новгород? Это тоже "относительная часть" России. Это начало русской демократии, земноводная республика, член Ганзейского союза и почти что "зона евро". До Ивана III новгородцы были совершенно независимы от прочей России. Если бы новгородцы подхватили украинскую игру в независимость – у них на эту независимость от Москвы исторических прав не меньше, чем у киевлян. Милостью Божией только это сумасшествие на новгородцев не напало.

И уж тем более, если Россия для русских, то Татарстан для татар, Удмуртия – для удмуртов, Коми – для зырян, а Дальний Восток для китайцев. А Саха-Якутия, соответственно, для самой себя. И, короче говоря, получаем мы сербский вариант в масштабе 100:1, со стократным увеличением национализмов, где каждый гордый и вольный народ, чем гордее и вольнее, тем беднее и униженнее.

И над всем этим лоскутным одеялом восседать будет или заокеанский дядька или желтый наш сосед, с которым мы "братья навек".

Еще раз: ты **этого** хочешь?

Нет. Для России есть только один путь к выживанию и существованию: это империя, это дружба и единство всех входящих в нее народов, каждый из которых, в том числе и русский, в одиночку уже бессилен, как говорят: не конкурентоспособен. Мы должны жить только вместе, понимая и уважая все народы, входящие в наше большое содружество. Иначе нас разотрут в националистический порошок.

Заранее слышу законный вопрос: и против кого же мы дружим? Ответ прост: мы дружим против своей гражданской войны, против своей разобщенности. Если хотите, то и против наших гигантских просторов и нашего климата. На двух третях территории России жить невозможно, можно служить вахтенным методом и зарабатывать северную пенсию, подыскивая себе какое-нибудь жилье на так называемой "большой земле". А эта "большая земля" по территории составляет меньшую часть общей площади России. И на этой "большой земле" – лишь малая часть наших природных ресурсов. А там, где залегают эти ресурсы – там жить невозможно. Эти земли освоены лишь монахами, казаками да зэками, - вольными или невольными подвижниками, а сейчас там также работают и живут подвижники, и живут лишь на кое-как обжитом месте. И здесь единственный выход – сплоченность народов.

Так что дружим мы не против людей, а, так сказать, против самих стихий нашей природы. И если эта дружба народов России начнет кого-то раздражать – это его проблемы. А если он начнет здесь клинья вбивать и гражданскую войну в наш дом тащить – тогда пусть не обижается, мы его первыми не трогали.

Вспомни золотой век величия России на международной арене. Когда он был? Трудный вопрос? Конечно, патриотизм у всех нас разный, кому мила еще языческая Русь, кому киевский период, кому московский, кому петербургский. Люблю отчизну я, но странною любовью, - так

может повторить за поэтом всякий. И сказать, что, допустим, самой светлой в истории отечества была, с его точки зрения, эпоха преподобного Сергия Радонежского. Но государственное величие – это все-таки нечто, более-менее объективно оцениваемое в истории состояние. И в нашей истории оно попадает на XIX век. Империя от моря до моря по широте, и от моря до моря по долготе. И эпоха великого братства народов внутри великой страны. Посмотри дворянские фамилии. Великорусские среди них составляют малую часть. Малороссийские, польские, татарские, грузинские и армянские и в придачу фамилии всех народов Европы. В то время родилась поговорка: мама турка, папа грек, а я русский человек. И это было то время, когда русских во всем мире уважали. Не боялись, не ненавидели, а именно уважали.

Прекрасный пример из истории – поведение русских воинов в Париже в 1814 г. Помня пожар Москвы и свои многочисленные бесчинства, грабежи и мародерства в России, французы опасались возмездия. Но русские отплатили им воистину по-христиански. Не только не допустили грабежей или мародерства, но даже снабжение своих войск оставили за собою, практически не обременив французского обывателя. На Пасху того года служили царский молебен в центре Парижа, на месте казни последнего французского короля Людовика XVI, где сам государь Александр Благословенный христосовался и с союзниками, и с французскими маршалами. А если где-то французам и случались притеснения от пруссаков или австрийцев, то лучшим гарантом безопасности для побежденного француза всегда был русский офицер. Человек, неизвестно какого этноса из множества народов России и Европы, но зато в большинстве случаев знавший французский язык и понимавший основы евангельской нравственности. Преданный своему Государю и отечеству.

Вот тогда Европа уважала Россию по-настоящему. Вот тогда поход русской армии в Европу был подлинно освободительным – в коренном отличии от 1945 года. Вот тогда русских встречали во Франции, как подлинных освободителей. А карету с низложенным Наполеоном, препровождаемым на остров Эльбы (откуда он потом сбежал еще на сто дней), пришлось охранять русскому конвою, едва сдерживавшему негодование французской толпы, готовой повесить тирана на первом же суку.

Любишь ты славное прошлое своей страны, своего народа? Оцени вот эти его страницы. Вот именно тогда политическая программа Иисуса Христа была реализована, насколько это возможно, христианами, строителями христианской империи. *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас...* – Сожженная Москва и ликующий Париж, встречающий православную Пасху в своих стенах через два года! Разве это не иллюстрация к тому, что Иисус Христос не был каким-то философом-идеалистом, что Он дал умные, добрые и реальные практические заповеди, которым нужно, во-первых, поверить, во-вторых, следовать им.

Теперь понимаешь, почему Россия могла существовать и расти только как христианское государство? Потому что на полном серьезе умела руководствоваться политической программой Иисуса Христа. А почему теперь мы не можем руководствоваться ею же в своей жизни?

Не только можем, а просто обязаны. У нас вообще нет другого выхода, как ты видел на грустном примере почти всех наших соседей.

От общего введения в тему нам теперь пора перейти к более частной проблеме: как христианам и мусульманам научиться жить и ладить между собою в одной стране? Опыт этого сосуществования в императорской России накоплен огромный, но каждому поколению его нужно усваивать заново. Взаимная рознь и неприязнь постоянно находит для себя основания и пробивается наружу. Основания для ненависти очень просты; и главное из них вообще проще простого – это невежество. Ничего не знай и ни о чем не думай, кроме того, что мой сосед не похож на меня, и чтобы разжечь вражду и ненависть, этого будет вполне достаточно. Следуя таким путем, можно всю Россию пригнать в Косово.

А вот основания для нормальных отношений, необходимых в одной многонациональной стране, гораздо сложнее. Здесь нужно научиться друг друга слушать и понимать. Для начала – коль скоро мы называемся православными – слушать и понимать хотя бы Евангелие. Все эти его неудобные и непонятные страницы про любовь к врагам. Этого мало. Затем нужно будет научиться слушать и понимать Коран. А затем слушать и понимать самих мусульман, научиться говорить с ними на понятном для них языке.

А для начала неплохо бы выбросить из своего сознания образ мусульманина с кинжалом в зубах и взрывчаткой на поясе. Да, такие встречаются, но они встречаются в разных религиях и в разных народах. Наши революционеры-бомбисты XIX-XX века тоже вполне соответствовали такому образу, не будучи мусульманами.

Может быть, если ты интересовался исламской темой, то читал фантастический роман Елены Чудиновой "Мечеть Парижской Богородицы, 2048 г". Мусульмане там показаны, прямо скажем, карикатурно. Тупые и злые чудища, с которыми вступают в неравный бой доблестные бойцы французского сопротивления. Но по ходу дела в этой фантастике о будущем описываются и христианско-мусульманские отношения в России. И вот тут-то выясняется, что русские со своими мусульманскими согражданами как раз таки сумели найти общий язык. Освободительная национально-религиозная война идет во Франции, а в свой родной дом писательница не собирается и на порог пускать эту войну, даже в самых черных своих фантазиях. Мне это кажется очень характерным и показательным. При всей несправедливости романа к исламу, эта побочная черта в его сюжете говорит об очень многом. Для России христианско-исламская конфронтация однозначно смерти подобна. Нам с ними нужно учиться мирно жить в одном большом доме. Но мирная жизнь возможна только без ненависти. А без ненависти – это и значит, без страха.

Греческий язык богат своими словами и понятиями. Для обозначения любви там имеются, как минимум, три различных слова. Крайне интересно при этом, что страх и ненависть по-гречески выражаются одним словом: фобос, откуда и происходит наше: фобия. Исламофобия и христианофобия. Это психологически очень точно: ненависть боится, а страх ненавидит. То и другое человека ослепляет: и страх, и ненависть. Они сливаются во что-то одно. Победи страх – и ты победишь ненависть. Об этом же учит нас и апостол Иоанн: *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся не совершен в любви* (1 Ин. 4, 18). Именно эта диалектика страха и ненависти в основном и определяла поступки лидеров Иудейской войны 66-70 г. Апостол Иоанн, современник событий, знал, о чем пишет.

В заключение, если уж затронут вопрос, против кого мы дружим, то уместен и симметричный вопрос: ради кого мы враждуем? Здесь "мы" – это и разные народы России, и конкретно ее мусульмане и христиане. Пожалуйста, подумай сам над таким несложным вопросом: кому выгодно, чтобы Россия в штыки ударила на мусульманский мир, причем так, что эта война сразу станет гражданской? Думается, не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы найти ответ, он лежит на поверхности.

Все-таки, я немножко подскажу.

В конце 1990-х годов в среде русской эмиграции, в том числе в ее широких православных изданиях (например, в "Православной Руси"), пестрели сообщения о планах китайского руководства начать войну с Россией примерно в 1999-2000 г. Русские люди на Западе были более чем всерьез обеспокоены ближайшей судьбой своего отечества. Они прекрасно знали, были абсолютно уверены, что китайцы – это такие живые роботы, без души и совести, без малейших признаков человечности, которые для начала привыкли убивать, не моргая глазом, своих сепаратистов, а теперь с такими же не моргающими глазами идут на Русь. Вспоминаю, как ошарашила меня убежденная беседа русского человека, прожившего в Америке лет десять и точно узнавшего все тонкости гегемонистской политики Китая.

Последующий ход событий эту картинку существенно скорректировал.

Я лично знаком как с теми русскими православными людьми, кто жил в Америке и интересовался китайской угрозой оттуда, так и с русскими же христианами, кто в это же время жил в Китае и знает обстановку из этого угла. Две картины – диаметрально противоположны, притом, что обе опираются на некие факты. Тебе это тоже ни о чем не говорит?

Есть на белом свете такой "большой шайтан", который и рисует подобные картинки. У него хорошие краски и спецэффекты, с помощью которых картинки получаются очень убедительными. Он ненавидит мусульман. Он делает вид, как будто хочет защитить от них христиан, но это неправда. Христиане ему тоже не нужны.

Есть у него еще один друг и помощник на Ближнем Востоке, "малый шайтан". Хотя тут еще вопрос, какой из них значимее и какой другим руководит. Как в известном фильме: то ли собака

виляет хвостом, то ли более умный хвост виляет собакой. Не стану сейчас разбираться с этим вопросом, кто кем виляет. Мне важнее, чтобы ты понял принцип: кому и для чего нужен этот красивый рисунок: клинок в зубах и бомба на поясе?

Только еще одну важную оговорку сделаю: "большой шайтан" – это не сама Америка, хотя он там и живет, а "малый шайтан" – это не страна Израиль и даже не народ Израиля, хотя он там и живет. И не просто живет, а все рули держит. Есть и американцы, и израильтяне, отнюдь не способствующие шайтану, хотя есть и обманутые им. И, вероятно, обманутых больше. Но те, кто не следует за этим пропагандистским шайтаном, большей частью – христиане. Только Евангелие на самом деле дает нам возможность освободиться от его козней – точно так же, как и в конце первого века!

Это – самая важная мысль, которой я хочу с тобою поделиться: каждый из нас лично, и каждый народ на белом свете нуждается в спасении от своего греха. Грех придуман шайтаном (сатаной), и к нему сатана приобщил человека. Спасение это может подать только Иисус Христос. Спасение, которое приносит Иисус Христос, напрямую связано с Его заповедями о любви к врагам, заповедями, имеющими прямой политический подтекст, подходящий к политическим реалиям разных эпох, а также к отношениям между разными народами и религиями. Сам Его Крест является исполнением с Его стороны этих самых заповедей. На Кресте Его любовь к врагам, Его отношение к миру (можешь назвать это отношение Его политической программой, и ты не ошибешься) вступает в борьбу не только с метафизическим злом мира, но и с человеческим грехом (тоже можешь назвать его политической программой еврейского мессианизма и тоже не ошибешься). Иисус Христос побеждает в этой борьбе через собственную крестную смерть. Поэтому христианства нет без евангельского восприятия межнациональных и межрелигиозных отношений.

Неслучайно, Он – Царь Израиля, Царь мира и Спас душ наших. Да, конечно, Он - Царь не от мира сего, Он от вышних, в то время как мы от нижних, но в мире сем Он именно Царь. А Царь – фигура политическая.

Короче сказать: невозможно быть в полной мере христианином, отвергая, или игнорируя, или не понимая национально-политическую программу Иисуса Христа, рассказанную в Евангелии.

Если ты со мною в этом согласился, то давай совершим маленькую вводную экскурсию в мир ислама. А под конец ее подумаем, стоит ли нам веселить "большого шайтана", заслужил ли он такой подарок с нашей стороны, как наша вражда с мусульманским миром?

Часть вторая. Мекканский Пророк и его Бог

Прежде чем мы начнем разговор об исламе, сразу оговоримся об источниках. Некий справедливый человек из среды иудейских начальников пытался предостеречь собратьев от предвзятости по отношению к Иисусу: *судит ли закон наш человека, если прежде не выслушает его и не узнает, что он делает?* (Ин. 7, 51). Хороший принцип! Судишь о еврействе – суди по еврейским источникам (этого правила придерживается, кстати, любой грамотный и уважающий себя антисемит); пытаешься познать буддизм – читай буддистские источники, хочешь что-то понять в христианстве – никогда не сможешь заменить Евангелия словарем атеиста. Точно так же, изучая ислам, прежде всего, обратимся к исламским же источникам, а не к справочникам и энциклопедиям, написанным атеистами.

Что же касается мусульманских источников, то из них абсолютно непререкаемым для всех мусульман является лишь Коран. Даже толкования на него у разных толков в исламе расходятся между собой, как и у нас толкование Евангелия несколько отличается от протестантского и католического. Дело обычное и понятное. Популярные же изложения ислама для начинающих всякий раз окрашены конфессиональными деталями, которые также вызывают споры среди самих мусульман.

Все мусульмане верят, что через пророка Мухаммада миру дано новое и последнее откровение – Коран, что значит: чтение. Коран, и с исторической точки зрения, наиболее подлинный и бесспорный документ из всех древних первоисточников по исламу. Собран он в одну книгу лет через двадцать после кончины Пророка, и с тех пор тщательно переписывался буква в букву.

Кроме Корана, до нас дошли высказывания Мухаммада, переданные первоначально в устной традиции. Такие рассказы называются хадисами. Сами мусульмане разных течений (мазхабов) по-разному оценивают достоверность разных хадисов. В любом случае, хадисы – в отличие от самого Корана – не считаются у мусульман богодухновенными писаниями. Итак, как же пришел к людям Коран? Для понимания его необходима хотя бы самая краткая предыстория.

Религиозные верования арабов до Мухаммада

Мухаммад происходил из известного арабского племени курайшитов, в то время державших в руках Мекку и древнейшее святилище в ней – Каабу. Но что это было за святилище, и какова была религия курайшитов и окружавших их арабских племен? Вопрос этот далеко не простой. И наверное, он наиболее важен, поскольку задает весь исторический контекст проповеди Мухаммада.

Главной чертой арабской религии тех времен, пожалуй, был синкретизм. Религиозное смешение. Всего отовсюду и помаленьку. Верования смутные и накладывающиеся друг на друга. И иудаизм различных толков, и христианство, точнее самые разнообразные, древние и новые ереси в нем, и язычество, и что-то вроде своего арабского "самарянства" – все эти религиозные течения и идеи оказывали свое влияние и по-своему проявлялись в религии арабов.

И вот как раз Мухаммад оказался тем человеком, которому, во-первых, этот синкретизм оказался наиболее противен, а во-вторых, тем человеком, который сумел этому религиозному смешению реально противостоять с надлежащей силой и, безусловно, в лучшую сторону.

Одну из самых древних традиций в арабской религии той поры отметим особо. Она является единственной коренной, не пришлой, хотя ко временам Мухаммада ее держались единицы. Арабы – это древний библейский народ, который всегда помнил свою историю и свое благословение, когда-то изреченное ему Богом и записанное в Библии. Эта история описана в 16 главе Бытия:

Сара, жена Аврамова, не рождала ему. У ней была служанка Египтянка, именем Агарь. И сказала Сара Авраму: вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не родить; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее. Аврам послушался слов Сары. И взяла Сара, жена Аврамова, служанку свою, Египтянку Агарь, по истечении десяти лет пребывания Аврамова в земле Ханаанской, и дала ее Авраму, мужу своему, в жену. Он вошел к Агари, и она зачала. Увидев же, что зачала, она стала презирать госпожу свою. И сказала Сара Авраму: в обиде моей ты виновен; я отдала служанку мою в недра твои; а она, увидев, что зачала, стала презирать меня; Господь пусть будет судьей между мною и между тобою. Аврам сказал Саре: вот, служанка твоя в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно. И Сара стала притеснять ее, и она убежала от нее. И нашел ее Ангел Господень у источника воды в пустыне, у источника на дороге к Суру. И сказал ей: Агарь, служанка Сарина! откуда ты пришла и куда идешь? Она сказала: я бегу от лица Сары, госпожи моей. Ангел Господень сказал ей: возвратись к госпоже своей и покорись ей. И сказал ей Ангел Господень: умножая умножу потомство твое, так что нельзя будет и счесть его от множества. И еще сказал ей Ангел Господень: вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя Измаил, ибо услышал Господь страдание твое; он будет [между] людьми, [как] дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих. И нарекла [Агарь] Господа, Который говорил к ней, [сим] именем: Ты Бог видящий меня. Ибо сказала она: точно я видела здесь в след видящего меня (Быт. 16, 1-13).

И это еще не все, что сказано в Библии об Агари и Исмаиле. Конечно, великое потомство – это не верх благословений, даже по меркам Ветхого Завета. Конечно, Исаак в Библии, как собственный сын Сарры, получает большее благословение. Но и Измаил не забыт перед Богом. Бог чудесным образом спасает снова изгнанную Агарь с сыном в пустыне от жажды и гибели. И снова подтверждается пророчество о нем:

И увидела Сарра, что сын Агари Египтянки, которого она родила Аврааму, насмехается, и сказала Аврааму: выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком. И показалось это Аврааму весьма неприятным ради сына его. Но Бог сказал Аврааму: не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее, ибо в Исааке наречется тебе семя; и от сына рабыни Я произведу народ, потому что он семя твое. Авраам встал рано утром, и взял хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и

отпустил ее. Она пошла, и заблудилась в пустыне Вирсави; и не стало воды в мехе, и она оставила отрока под одним кустом и пошла, села вдали, в расстоянии на [один] выстрел из лука. Ибо она сказала: не [хочу] видеть смерти отрока. И она села против, и подняла вопль, и плакала; и услышал Бог голос отрока; и Ангел Божий с неба воззвал к Агари и сказал ей: что с тобою, Агарь? не бойся; Бог услышал голос отрока оттуда, где он находится; встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ. И Бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водою, и пошла, наполнила мех водою и напоила отрока. И Бог был с отроком; и он вырос, и стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука. Он жил в пустыне Фаран; и мать его взяла ему жену из земли Египетской (Быт. 21, 9-21)

Видишь, на этот раз Бог, понимая тяжелое положение Авраама, как отца двух сыновей от разных матерей, при возникшем конфликте этих матерей между собой, берет на Себя всю заботу об Исмаиле, причем берет ее чудесным образом.

Удивительно ли после этого, что некоторые, немногие арабы помнили своего родоначальника Авраама (Ибрагима), хранили историю Исмаила, а религия Ибрагима стала у них одной из коренных традиций в общем религиозном смешении! И хотя у них в свете рассказанной истории были все основания обидеться на библейского Авраама, они пошли другим путем. А именно сделали вывод, что библейский рассказ в этом месте намеренно искажен евреями с целью выгородить благородство Исаака, своего еврейского праотца, и его преимущественные права перед старшим братом Исмаилом. Агарь (Хаджар в арабском прочтении), хотя и невольница, возвышается теперь до статуса жены (в любом случае с этим трудно спорить). А Исмаил в арабском предании перестает быть изгнанником от отца. Напротив того, Ибрагим пребывает с сыном своим первенцем продолжительное время, а что самое главное, именно у Исмаила в Аравии Ибрагим вместе с сыном воздвигает жертвенник Богу, Единому Богу-Творцу, Тому Самому, Который много раз открывал свою волю Ибрагиму, Который и избрал Ибрагима и все его потомство. Этот жертвенник, этот древнейший храм Единому Богу, по арабскому преданию, и есть Кааба. Дальнейшая мусульманская легенда проследила историю Каабы вспять даже до Адама; Кааба якобы пережила даже всемирный потоп, будучи поднята на воздух архангелом Гавриилом (Джибрилом), но главный факт заключается в другом. Когда и кем ни была бы реально построена Кааба, важно, что она изначально рассматривалась, как святилище Единого Бога Творца, а отнюдь не как идольское капище.

Итак, самая глубокая и коренная арабская духовная традиция – это как раз вера в Бога Ибрагима – Единого Творца всему видимому и невидимому, который открыл себя пророкам, возвестил через них людям Свои заповеди, а особенно избрал Ибрагима, чтобы его потомство было благословенно на земле. Но верными этой древнейшей традиции единобожия в Аравии ко временам Мухаммада остались очень немногие. Их называли ханифы, а первым из них Коран именует самого Ибрагима.

В истории религий, как это обнаруживают этнографы повсюду в мире, традиция единобожия оказывается всякий раз первичной, более древней и возвышенной. Многобожие примешивается к этой религиозной основе лишь позже. А само многобожие всякий раз оказывается само основанным на идее полового размножения божеств. Человеческий разум, поврежденный грехопадением и соблазняемый духами тьмы, постоянно в разных народах стремится протащить на Небеса идею биологического размножения, "развести" пантеон богов, как разводят овец или кур, выбрать себе из них божка наиболее близкого и приручить его с помощью жертв, магии и колдовства. Таков общий путь возникновения язычества. Его не избегли и древние евреи во времена Моисея и позже (правда, тогда они не выдумывали своих богов, а перенимали культы Египта и Ханаана, поскольку это было проще). Тем же путем катилась религиозная мысль в разных племенах и в Азии, и в Америке. И жители Ближнего Востока, и греки, и разные народы Европы – все выводили генеалогию свою из родословия божеств. В раннее христианство та же самая идея проникла в виде гностицизма, сводившего на нет всю идею Единого Бога. В современном религиозном бескультурье, которое примешивает себя к православной традиции, зачастую идет тот же самый процесс, только здесь роль вторичных божеств, своих прирученных духов-покровителей, возлагается на святых. И точно так же, как и у язычников, этим "вторичным божествам" поручается задача экранировать от "своих" гнев Главного Бога, от Которого все исходит. (Такое религиозное восприятие топчется на порогах православных храмов, но, конечно, православием или христианством его не назовешь). Для

язычника этот Единый Главный Бог не совсем исчезает, но язычнику не хочется нести перед Ним ответ, чтить Его; язычнику нужен бог маленький, но свой, племенной, всегда безотказный, не обращающий внимания на нравственный облик своего поклонника, а иногда – действительно защищающий от гнева Верховного Бога. В глубоком язычестве у Верховного Бога пропадают уже все атрибуты личности, а на первых порах возникновения язычества, в процессе его отступления от единобожия, Единый Верховный Бог еще признается, только служение Ему уже не приносится.

Повторим: это общее духовное явление в мире людей. В эту схему хорошо укладывается поведение библейского народа Израиля. После Соломона мы видим целую плеяду царей-богоотступников, как в Северном, так и в Южном царствах, и все они спокойно относятся к существованию Храма Яхве; все они знают, что это – Тот Самый Бог, Который являлся Аврааму, Исааку и Иакову, Которого проповедал им Моисей. Богоотступники не желают нарочито бороться с этим Богом, готовы включить Его в свой пантеон на четвертые роли, как одного из древних племенных своих богов, а на первых ролях чтут богов Ханаана, которые разрешают пожить широко, блудить и безобразничать, чтобы потом не пришлось ни за что отвечать. Отсюда и понятно выражение пророка Ильи к своим соплеменникам: *долго ли вам хромать на оба колена? Если Яхве есть Бог, то последуйте Ему, а если Ваал, то ему последуйте* (3 Цар. 18, 21). Это говорится именно к сторонникам религиозного синкретизма, духовной всеядности, стремящейся Бога Творца и бесов почитать параллельно, с предпочтением к последним по сравнению с Первым.

Все пророки Израиля того периода – это, прежде всего, борцы против религиозного синкретизма, за чистоту единобожия. Илья здесь не исключение.

А теперь, если мы посмотрим на религию арабов того времени, то увидим практически то же самое. Кааба из древнего жертвенника Единому Богу Творцу, Богу Авраама, превратилась в "хранилище племенных идолов и договоров, куда на ежегодное паломничество собирались оседлые и кочевники" (см. Родионов, стр.10). Эти люди знают имя Бога Ибрагимова – Аллах, они даже знают, что Он – Творец, но уже давно не считают Его единственным Богом. А большинство, вероятно, и вовсе забыли Ибрагима. По точному кораническому выражению, они "придают Аллаху сотоварищей". Самое интересное, что "сотоварищи" Аллаха являются в виде Его дочерей. По языческому представлению арабов, у Аллаха три богини-дочери: Аль-Лат, Аль-Узза и Аль-Манат.

Аллах – тот же ли Бог?

Впрочем, прежде нам нужно проследить этимологию имени Аллах. С обеих сторон здесь существует много недоумений и предрассудков. Многие христиане считают, что Аллах – это вовсе не тот Бог, который говорил с Авраамом и Моисеем, не Тот, Кого Иисус именовал Отцом. А многие мусульмане со своей стороны полагают, будто иудеи и христиане поклоняются совсем не Тому Богу, Который говорил с Ибрагимом и Мусой (Моисеем), и имя Которому Аллах. На самом деле, это все предрассудки.

Скорее всего, имя Аллах происходит от арамейского *Элах*, которое в свою очередь происходит от древнесемитского *Элоах*. Множественное число этого имени – *Элогим* стоит в первой строке Библии и переведено, как Бог. Такое происхождение тем очевиднее, что арабский, арамейский, сирийский и еврейский (иврит) – все это очень близкие семитские языки, а в близких языках ключевые и основополагающие слова всегда практически одинаковы. Имя Аллах выводят и по-другому, как сочетание двух арабских слов: *ал* и *иллах*, причем первое слово представляет просто определенный артикль, а второе – непосредственно бог. Иными словами: бог с определенным артиклем. В правилах русского языка – это Бог с большой буквы, то есть Единый Бог, уникальный Бог – в отличие от всех тех языческих богов, которые пишутся без артикля и/или с маленькой буквы. А арабское *иллах*, естественно, тоже происходит от *Элах-Элоах*.

В любом случае, Аллах имеет гораздо большее основание на связь с Библией, чем даже наше санскритское слово Бог, чем греческое Феос и латинское Деус, которые стоят в первой строке Библии.

Иисус в Евангелии лишь однажды обращается к Богу именем Элах. Это возглас на Кресте: *Элои, Элои, лима савахфани!* – оставленный нам в Евангелии без перевода с арамейского, поскольку евангелистам нужно было пояснить, что этот вопль римские стражники, не зная толком арамейского,

приняли за воззвание к пророку Илии (см.: Мк. 15, 34). В остальных случаях Иисус призывает Бога: Абба, Отче. Но нет сомнений, что в те времена в Палестине имя Бога произносили как Элах, а возможно и Аллах. Будем помнить, что и это слово произносили крайне редко, едва ли когда-нибудь его упоминали вне молитвы, а уж имя Яхве вообще почти никогда не произносили, - все это ради соблюдения третьей заповеди. Имя Аллах употреблялось и ранними христианами Палестины и Аравии во всяком случае еще задолго до ислама. И монополизировать это имя ни у кого нет особых оснований.

Впрочем, дело не столько в этимологии, сколько в смысле. Каковы признаки Аллаха Корана, похож ли Он на Бога Библии или отличается от Него?

Непредвзятое прочтение Корана дает совершенно однозначный ответ. Аллах – Творец всего мира, всего видимого и невидимого. Он – Существо Духовное и Личное. Ему свойственны и Премудрость, и вездесущие, и вечность, и святость и милосердие. Ему не безразличны действия людей. Он устраивает судьбы людей, Он контролирует и то, что у людей в уме и сердце. Он будет судить поступки людей, воскресив всех нас на суд последнего дня, когда каждый получит или милость в раю или осуждение в аду.

Очень важно, что Аллах в Коране – это Бог библейских пророков, причем начиная от самого Адама. Коран много раз передает известные из Библии сюжеты о пророках с разными вариациями и, возможно, легендарными подробностями, но всегда довольно близко к библейскому сюжету. Самый смысл послания пророков в Коране, точно таков же, как и в Библии: это исправление нравов людей, отучение их от многобожия, возвращение к почитанию Единого Бога. Иными словами, Аллах – это Бог библейских пророков.

Но тогда это именно Бог Библии, а не какое-то иное духовное существо, не фантазия людей.

Конечно, мы, христиане, знаем Бога Единого в Трех Лицах: Отца и Сына и Святого Духа, но все, кто учил христианский катехизис, должны знать, что у нас не три Бога, а Единый Бог и все Его свойства в отношении к тому, что не есть Бог, остаются теми же. Вопрос о троичности Лиц Божества – это некоторое малое откровение нам о том, Кто есть Бог Сам в Себе, в своей внутрибожественной жизни. Но в отношении ко всему тварному – перед нами Тот же Библейский Бог. Единый и исключительный!

И библейские пророки, хотя и не ведали, что Бог есть Троица, тем не менее, поклонялись тому же Богу, что и мы, христиане.

Представь, что целый класс учится у своего учителя несколько лет. Как-то в его отсутствие к ним заходит их сверстник и спрашивает: а что вы скажете про своего учителя? Вы его знаете? – Да, конечно, - отвечают ребята и рассказывают о его характере. – Теперь я вижу, что вы его на самом деле плохо знаете, - говорит спросивший, - ведь я – его сын.

Можно ли сказать, что эти ребята и сын говорили о разных людях? – Конечно, нет. Можно ли сказать, что ученики не знали учителя совсем? – Это тоже неверно. Они кое-что верно знают об учителе. Но и сын его тоже прав, он отца своего знает лучше.

Та же ситуация и здесь. Речь об одном Боге, но только о знании Его с разных сторон.

Другое дело, когда речь пойдет о главе какого-то языческого пантеона или о вершине пирамиды гностических эманаций, или об Эн-Софе из Каббалы. Тут совершенно иное существо, и притом мифическое, но не библейский Бог. Это не Творец мира, не личность, не судья, не посылавший пророков, не заботящийся о человеке, не слышащий молитв. Если речь идет о языческих системах, то верховное божество там, возможно, рождено или как-то начало быть, оно не вечно. Все это уже никак не сопоставить с Богом Библии. Тут уж ясно: это просто **другой бог**. Но сказать, будто мусульмане поклоняются не тому же Богу, что и христиане, - было бы неверно.

Там и здесь Бог – Один. Понимание путей Его – разное.

Для древних арабов-язычников, Аллах – Бог верховный и даже Творец мира. Но Его дочери – покровительницы арабских племен. Им были посвящены особые святилища. Религиоведы прослеживают их связь с более древними божествами Ханаана, Вавилона и Персии. Не станем отрицать, что определенная связь между ними и Иштар (Астартой), так соблазнявшей древний Израиль, вероятно, существует. Впрочем, вопрос не очень ясный и не интересный.

Важнее, что как раз в это время к арабам приходит такой религиозный вождь, который совершит в своем народе великий переворот, аналогичного которому в других народах найти не легко.

Детство и юность Мухаммада

Вот что мы читаем о нем из исламского источника.

"Мухаммад происходил из рода хашим племени курайшитов, хранителей мекканского святилища. Говорят, что он родился в 570 г по Р. Х. Его отец Абдаллах умер до рождения сына, его мать Амина скончалась, когда ему исполнилось шесть.

По обычаю горожан, младенец Мухаммад был отдан кормилице из кочевников – ее звали Халима – и до пяти лет жил у бедуинов племени Саад. Покровителем мальчика в Мекке стал его дед Абд ал-Муталиб, а затем дядя Абу Талиб.

Мусульманское предание сообщает о множестве знамений, окружавших Мухаммада с детства и указывавших на его пророческое избранничество". (М. А. Родионов, "Ислам классический", Спб. 2008, стр. 12). К "знамениям детства", указывающим на великое будущее великих людей, всегда следует относиться очень осторожно. Такие рассказы обычно появляются не сразу после рождения, а спустя многие годы по кончине того человека, детство которого они описывают. В полной мере это относится к Иисусу и апокрифическим евангелиям о Его детстве. В то же время, некоторые из таких рассказов отвергать заранее нельзя, они могут оказаться подлинными. Поэтому здесь мы разбор всех "знамений детства" Мухаммада сократим, не имея возможности о них судить, а обратимся к фактам, которые едва ли могут быть подложными и искаженными. Здесь и далее в оценке подлинности нам остается руководствоваться простым принципом: кому это выгодно? Понятно, что сочинить какие-то чудеса для детства пророка, спустя сто лет после его кончины – это всегда интересно его последователям. Когда же они рассказывают достаточно прозаические детали его жития, не пытаясь их приукрасить, то у нас нет оснований для больших подозрений. Итак, идем дальше.

"С пятнадцати лет Мухаммад зарабатывал себе на пропитание: пас овец, торговал, ходил с караванами. В двадцать пять женился на состоятельной вдове Хадидже, которая сама сделала ему брачное предложение".

У него было три сына и четыре дочери. Сыновья умерли еще в детстве. При жизни Хадиджи Мухаммад был верен ей и не имел никакой другой жены. Они любили друг друга и всегда поддерживали друг друга, вместе пройдя самые суровые испытания. Достоверным можно считать и тот факт, что Мухаммад в юности бывал в Сирии и видел там христианских монахов. Также не подлежит сомнению, что он пользовался среди соплеменников большим уважением, которого достиг не насилием, не богатством или высоким родом, но личной справедливостью и благочестием. Уважение к нему выразилось среди прочего в том, что именно под его руководством была произведена перестройка мекканского святилища – Каабы, главный священный камень которого Мухаммад вынимал и потом ставил на место собственноручно.

Мухаммад с юности был глубоко религиозным человеком. Он не только почитал святилище Аллаха в Мекке, но и много времени посвящал уединенной молитве в горах. В своих путешествиях он знакомился с верованиями христиан и иудеев. К тому времени и среди арабов были христиане, но не в центральной Аравии, где жил Мухаммад, а в Южной, на территории нынешнего государства Йемен. Бывал ли там Мухаммад, точно неизвестно.

Когда над Мухаммадом насмехаются, обзывая его погонщиком верблюдов, христианину всегда следует задуматься, что и апостолов презирали не меньше этого за их простое рыбацкое ремесло, и что Давид "попал в цари", быв прежде "погонщиком овец". Не христианам, а скорее кому-то другому, должно быть присуще такое презрение к человеку за ремесло его юности.

Возможно, Мухаммад обладал первоначальной грамотностью, необходимой торговому человеку, ведущему караван. Но нет сомнений, что книг Священного Писания он не читал, и вообще, был некнижным человеком. Коран прямо называет его "пророком-простецом". Но зато он, несомненно, слышал много библейских историй в пересказе и, обладая высоким природным умом, слагал их в сердце и искал правильного пути угождения Богу.

Интересен вопрос: с какими именно христианами он встречался? Если посмотреть нашу христианскую историю, то окажется, что с православными, католическими христианами, его пути никак не могли пересечься. Причем не только до откровения, но и после.

Восток Византийской империи с середины V века был раздираем христологическими ересями. К временам начала VII века Персия захватила значительную часть Византии, подобравшись почти к самой столице. Чудесным образом спасшись от врагов, византийцы при императоре Ираклии вновь отвоевали часть Сирии и Палестину, возвратив из персидского плена Крест Господень. Это было как раз время проповеди Мухаммада и его борьбы с языческими единоплеменниками.

Ираклий, как и предшествовавшие ему императоры, шел на переговоры и компромиссы с монофизитами как раз потому, что весь Восток, вся область Византии, куда мог бы попасть Мухаммад, была в основном монофизитской. И удержать их в лоне христианской империи без богословского компромисса было невозможно. Так со знаменитого Экфесиса императора Ираклия началось то движение, которое впоследствии получило в истории Церкви именование ереси моноэнергизма и монофелитства.

Если на территории Византии, уже почти утраченной и лишь на краткое время вновь отвоеванной Ираклием, господствовали монофизиты, то в Персии и далее на Восток среди христиан преобладали несториане. В Сирии встречались и те, и другие. В Египте, Эфиопии и на Юге Аравии христиане были представлены в основном монофизитами. Кроме того, среди тех, кто представлялся христианами, можно было встретить и гностиков, и манихеев, и представителей других древних ересей и сект, настолько давно порвавших с католическим исповеданием и преданием, что верования и нравы этих людей могли быть самыми дикими.

Так в Коране Мухаммад возражает неким странным "христианам", у которых три Бога: Аллах, Иса (Иисус) и Марьям, Мать Иисуса. Возможно, что он встретил таких "богословов" и встретил их под именем христиан. Однако есть и другая возможность, которая заключается в том, что в зрелом возрасте Мухаммад узнавал мнения христиан лишь через третьи руки. По крайней мере, нет прямых свидетельств о его личных беседах с христианами в пору его пророчества.

Вот и представим себе такой религиозный синкретизм, помноженный на глубокое невежество, посреди которого оказался Мухаммад, и тогда мы сможем понять побуждения великого мекканца, вступившего с этим синкретизмом в борьбу.

Ночь откровения

Мухаммад регулярно удалялся на гору в окрестностях Мекки ради молитвы. Однажды там предстал ему Некто, представившийся ангелом Джабрилом (Гавриилом), в облике человеческой фигуры необыкновенной высоты. Вестник приказал Мухаммаду читать. Мухаммад отказывался, ссылаясь на свою неграмотность. Но Ангел настаивал. В конце концов, Мухаммад воспроизвел откровение, полученное им, с голоса. И с тех пор при разных обстоятельствах он получал откровения, которые читал вслух. И бывшие рядом запоминали их наизусть, а иные записывали. Сложенные потом вместе эти записи и составили Коран.

Что же произошло в ту памятную ночь 610 года по Р. Х.? Об этом сами мусульманские источники разнятся в деталях, что и неудивительно. Переживание Мухаммада было столь сильно, столь велико и реально, что субъективно он находился на грани жизни и смерти. Как адекватно описать неопишуемую реальность таинственного Присутствия, к которой прикоснулся Мухаммад? Ничего удивительного нет в том, что и сам он впоследствии не мог подобрать адекватных слов, чтобы изобразить пережитое.

Самый главный вопрос: от кого же было это потрясающей силы видение и откровение? В христианской среде распространено мнение, что все эти видения и откровения ложны от начала до конца, что ничего Божественного в них не было. Но давайте разберемся внимательно, а для этого историю этих откровений поставим в правильный контекст. В ее собственный контекст, не допуская анахронизмов.

Опыт святых отцов-подвижников, знавших действия падших духов в своей среде и написавших предостережения против прелести, нам весьма пригодится, только при правильном его применении.

Из Библии и из истории христианской письменности последующих веков известно об откровениях, бывших от Бога. Открытие человеку Божественной реальности, Божьего присутствия всегда тягостно, страшно, пугающе тяжело для человека. Особенно, когда это происходит в первый раз. Божьему избраннику едва удастся это перенести. Простому грешнику это присутствие вообще непереносимо. Так было для Моисея при Неопалимой Купине. Так ужас нападал на Авраама, в ночь, когда Бог заключил с ним завет (см. Быт. 15, 12). Так в трепете был Исаия, видевший Престол Господа и серафимов вокруг него. Пророк восклицал: *горе мне, я погиб!* (см.: Ис. гл. 6). Пророк ужасается своей греховной нечистоты, своей абсолютной неподготовленности к Божественной миссии, но Бог с высоты Своей славы, Сам или через Ангела, посылает пророку очищение и укрепление на несение поручаемой ему миссии.

В ужасе был и пророк Даниил, созерцавший Божий Престол и восходящего к нему Сына Человеческого. *Вострепетал дух* его в нем (см. Дан.: 7, 15). Иезекииль, увидев видение славы Господней, пал на землю и не смог встать своими силами, но был поставлен на ноги, чтобы слышать дальше слово Господне (см.: Иез. 2, 1).

В ужасе пребывали и христианские подвижники при видении Господней славы. По этому критерию и у Мухаммада мы не найдем ничего противоречащего библейской и христианской традиции. Напротив того, в описаниях состояния прелести, как например, в житии св. Никиты, затворника Печерского, впоследствии епископа Новгородского, все начинается с воодушевления и разгорячения, являющийся "ангел" приносит, так сказать, сгусток жизненного оптимизма, а с ним и самодовольства, удовлетворенного тщеславия. На состояние между жизнью и смертью, как у пророков, это совсем не похоже. Подобные же "входы в мистический мир" мы встречаем в житиях некоторых католических мистиков, у которых тоже в начальной точке оказывается слишком много духовного меда и нервного разгорячения.

Необходимо помнить, что Мухаммад сам не принадлежит христианской традиции и приходит к народу, лежащему вдалеке от христианской веры. Приходит в тот момент, когда нет никаких надежд, что правоверное христианство, (а не ересь), вооруженное духом миссионерского горения, (а не церковно-политическими расчетами), когда-то в ближайшие три-четыре столетия доберется до Аравии и принесет туда неповрежденное Евангелие. Так и сбылось. Христианство католическое, здоровое, культурное в Аравию еще долго добраться не могло. А сам Мухаммад и его народ – это все-таки ветвь Авраама, хотя и задичавшая язычеством, как не окопанный и не обнесенный изгородью виноград. Это все еще ветхозаветный мир, точнее, народ, пробивающий себе путь к родному дому Авраамова единобожия. Этот мир судить с позиций Нового Завета, благодати искупления, излияния Святого Духа, - как минимум, неуместно.

А теперь давайте посмотрим на ситуацию с точки зрения духов-обольстителей.

Христианскому подвижнику внушать прямое идолопоклонство с их стороны было бы более чем глупо. Наоборот, нужно прикинуться светлым ангелом или даже Самим Христом, чтобы легче вызвать к себе доверие. Но если нужно обмануть неумеренного богоискателя с духовными способностями и запросами, соответствующими его языческой среде, то, конечно же, нужно с ним заговорить от лица "дочерей Аллаха", культ которых бесы старательно воздвигали целых несколько веков. Заговорить же ему о Едином Творце – значит, во мгновение ока разрушить собственную многовековую кропотливую работу. Зачем бесам такие сложные обходные маневры?

При этом первые же по хронологии суры Корана говорят не просто о Боге, как о Едином Творце, но и о Его суде над миром. Это суры 96 ("Сгусток") и 74 ("Завернувшийся"). Людям, которые не очень-то верят в сам факт будущего Господнего суда, - кто этим людям станет возвещать о суде? Неужели бесы? Что-то сомнительно.

Я предложил бы лучше поверить свидетельству апостола Павла: *духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его?* (1 Кор. 2, 15-16). Лучше быть осторожным в суждениях, не пытаться с лета, с чьих-то дальних пересказов, судить о глубоком, не поверхностном духовном опыте. Не скажу, что и мне тут все ясно. Кроме

приведенных соображений общего характера, мне добавить практически нечего. Далее нужно будет просто вникать в сам Коран с учетом его контекста и постараться как-то рассудить по плодам.

Однако и из общих соображений встает важный для христианина вопрос: неужели возможны пророки, так сказать, "ветхозаветного типа", после пришествия Иисуса Христа?

Как ни странно, но история христианской миссии в различных народах земли, дает ясный положительный ответ: да, такое возможно.

Инкский "пророк Аллаха"

За полвека до открытия Америки Колумбом в государстве инков правил царь Пачакути. Историю инков удалось восстановить по некоторым письменным источникам. И вот, оказалось, что этот правитель постепенно и очень деликатно попытался перевести свой народ на поклонение Единому Невидимому Богу, сотворившему небо и землю. Как же он дошел до того, что солнце, столько веков почитаемое инками, богом не является?

Оказывается, ему помогли прекрасные познания инков в астрономии. Прекрасный, разработанный календарь на века вперед, предсказания которого постоянно сбываются. Вот и задумался Пачакути: почему бог-солнце никогда не сделает ничего неожиданного? Почему он так жестко подчинен тому порядку, который может понять и вычислить даже человек? Значит, есть какой-то порядок, сильнее бога-солнца? Кто же мог установить такой порядок, как не более могущественный Бог?

Хорошая логика, правда? А ведь эти аргументы использовались еще христианскими апологетами античности совершенно независимо от инков. Это хорошие суждения человеческого разума. Они позволяют постигнуть, что некоторые вещи, явления природы не являются богами. Но это еще совсем не то же самое, что бы постигнуть, что у мира есть Творец, обладающий разумом, доброй волей, желанием и возможностью общаться с человеком, открывать ему свою волю, устанавливать для него законы и контролировать (возможно, "на выходе") их исполнение. Такого Творца мы не можем знать иначе, как по откровению. Если бы на свете не было Библии, и никакого иного аналогичного откровения, то мы бы и не знали о Творце ничего. Даже догадавшись, что солнце это не бог.

Но в том-то и дело, что в разных народах знание о Творце периодически "подновляется" благодаря какому-то сверхъестественному откровению. Вот так познал Творца и царь Пачакути. На какой горе или при какой неопалимой купине открылся ему Бог Творец, так и осталось неизвестным для нас. Но важно, что скачок от собственного разума (догадаться, почему солнце не есть бог) к Божьему откровению непременно имел место.

Пачакути убедил и жрецов в истине того, что ему открылось. Большинство жрецов, видимо, было готово ему поверить. Но они, как и сам царь, опасались социального взрыва, если резко и открыто начать проповедовать народу единобожие. Ведь это означало бы признание в собственном обмане, совершавшимся этими же жрецами вплоть до дня признания. Поэтому религиозную реформу царь повел медленно и постепенно.

Впрочем, после него вновь произошло возвращение инков к привычному для них многобожию.

Царь Пачакути правил по нашему счету во второй половине XV века, намного позже как Иисуса Христа, так и Мухаммада. Но ведь если задаться вопросом: является ли он Божьим пророком? – то утвердительный ответ очевиден. Разумеется, он пророк, и это возможно именно потому, что он жил во внебиблейском мире. Он не видел и не слышал христиан или иудеев (и мусульман, конечно, тоже), и не читал, не имел возможности прочесть никаких священных книг. Как же можно быть заранее уверенным, что Бог Творец ни в какой народ, кроме еврейского, никогда не посылал Своего откровения? Тем более, когда мы сталкиваемся с явным фактом познания пророком того же знания, которое и библейские пророки постигали по откровению от Бога. И опять же, полагать, будто бесы внушили царю Пачакути почитать Единого Бога Творца, - это совсем уж глупо. Ведь инки жили в атмосфере достаточно жестокого и кровавого идолопоклонства, в такой религии, что бесам там нечего было желать лучшего, чем то, что уже есть.

И царь Пачакути не единственный в мире пророк, живший после Иисуса Христа и Мухаммада. В XIX веке миссионеры в Бирме обнаружили целую группу племен, у которых откровение о Едином Боге Творце, Которому они когда-то будут научены поклоняться правильно, жило с незапамятных времен. Причем имени бирманского пророка нам неизвестно, но несомненно, что такой пророк (или пророки) там был лет за триста или четыреста до пришествия европейцев. Это предшествующее знание о Едином Истинном Боге обеспечило быстрый успех христианской миссии. И это несмотря на то, что по соседству немало племен исповедовало буддизм, с его отсутствием Бога-Творца. Однако ждавшие обещанной религии Единого Бога не соблазнились буддизмом, пока не исполнились обетования их собственных, неизвестных нам пророков.

Христианское и иудейское учение согласно признают, что в **еврейском** народе после времен Иисуса пророков не было. Это просто констатация факта. Но ведь речь идет именно о еврейском народе. И все христиане знают, почему оскудели израильские пророки: ведь в Иисусе сбылись все их чаяния. Предмет пророчества для Израиля стал историческим фактом: Мессия пришел и заговорил с людьми, как человек. Нужда в пророчестве для Израиля кончилась. Но именно для Израиля. Как быть с людьми, живущими в других краях, вне мира библейских пророчеств? У нас ни в Писании, ни в Предании нет прямого указания, что нигде на свете больше никогда не может появиться пророков Единого Бога. Их не будет там, где уже проповедано Евангелие, потому что это означало бы запрягать телегу впереди лошади. Когда Мессия уже пришел и проповедан, возвещать Его приход поздно. Но там, где ничего толком не знают даже о Едином Боге? Там совсем другая ситуация.

Потому что Бог не оставляет без Своего руководства и тех людей, которые оказались отрезанными от библейского мира. Строго говоря, если посмотреть библейские пророчества о грядущем Мессии, то среди них окажется много допускающих иную интерпретацию (чем постоянно пользуются неверующие в Иисуса евреи), а иные с какими-то аллегориями и натяжками также можно "отвести" от исторической личности Иисуса из Назарета. И в то же время смутных пророчеств о некоем божественном Праведнике, который спасет людей путем своего страдания, и у других народов можно найти немало. Библия уникальна среди них лишь тем, что она все-таки устанавливает четкую связь: Спаситель мира это и будет Царь Израиля. Это будет человек иудейской культуры и библейского мира. Но сказать, будто другие народы никогда ни сном ни духом не имели для себя аналогичного извещения, было бы несправедливо. Иисус Христос подлинно был ожиданием народов земли. Многих народов. Пророк Аггей называл грядущего Мессию *желаемым всеми народами* (Агг. 2, 7). И народы временами получали пророчества о нем, пока христиане не приносили им свидетельства о Нем же.

Свои Пачакути бывали в разных народах земли, до и после пришествия Иисуса. Но бывали они лишь там, где прежде о Едином Боге и о Его Слове ничего не знали. И сама весть, переданная через этих пророков, ограничивалась единобожием, знанием о Едином Творце, Который желает человеку добра и может с ним общаться. И практически ничего сверх этого. Весть о Спасителе мира, пришедшем во плоти в конкретное время в конкретном месте, о Спасителе, пострадавшем за нас, призваны нести только христиане. Никакие ангелы, никакие пророки никогда в истории земли не передавали эту евангельскую весть помимо людей. Эта весть поручена христианам. Каждому христианину. Мне и тебе. Дело людей, дело, порученное людям, Бог за них не делает и делать не хочет. Когда христиане берутся за порученное им дело, то оказывается, что Бог не просто помогает им, но и делает это дело Сам, используя нас, как Свои орудия. Но без нас Он этого делать не будет.

Какая высокая дана нам задача! И какую огромную подготовительную работу к ней проделал Сам Бог через Своих пророков в разных народах. Читая Библию, можно подивиться милости и благодати Божией. Но, закрыв Книгу книг и открыв страницы религиозной истории человечества, удивишься, что, оказывается, Бог сделал для людей еще несравненно больше, чем мы знаем из Библии! Вместе с Павлом подивись глубине Его премудрости и благодати (ср.: Рим. 11, 33). Нам в этом смысле открыто на порядок больше, чем даже Павлу!

Искушение монотеиста

Но пора нам вернуться к Мухаммаду.

Теперь, по крайней мере, мы можем смело допустить, что откровение о Едином Боге, Творце и Судии, пришло к нему от Самого Бога. Ничего невозможного в этом не было. Но что же было дальше?

Потрясенный своим первым видением, прежде не знакомым духовным опытом, Мухаммад, как Исаия, Иеремия, Иезекииль, Иона, Даниил, - искал, куда бежать или скрыться от лица Господня, от ощущения обжигающего Божественного присутствия. Дома он пытался спрятаться под одеяло, просил Хадиджу укутать его, и ей первой поведал обо всем случившемся. Вот почему хронологически первая сура Корана - а в самом Коране она носит номер 74 - имеет наименование: "Закутанный". Мухаммад никак не хотел быть похожим на вдохновенных поэтов, которые тогда случались в арабском мире, и (почти, как и теперь) претендовали на роль "учителей народа" или "совести нации". Поведения Мухаммада в ночь откровения - столь же по-человечески понятное и столь же по-человечески неразумное, как у пророка Ионы, - свидетельствует в пользу его искренности. Не похоже это на поведение шарлатана, который взялся бы разыграть перед людьми роль пророка.

Хадиджа, женщина умная и преданная мужу, успокоила его, поверила ему, стала первой из его последователей. Весть Мухаммада принята была сначала только в его семье. Мусульманами стали вместе с Хадиджой два приемных сына Мухаммада (родные его сыновья умерли). Это были его вольноотпущенник Зайд ибн Сабит, будущий писец, секретарь Пророка, собравший потом все суры Корана, а также двоюродный брат Мухаммада, мальчик Али ибн Абуталиб, преданный с самого начала и до конца Мухаммаду, ставший четвертым из праведных халифов - наследников Пророка. Дочери Мухаммада также приняли его весть.

Итак, первоначальная община мусульман - умма - насчитывала лишь семью Мухаммада и его немногих близких. Мухаммад научил их молиться Аллаху - как научился сам из откровения. Откровения и дальше посещали его. Иногда это сопровождалось экстазом, выпадением Пророка из восприятия окружающей действительности. Ошибочно распространенное мнение, будто откровения приходили Мухаммаду только от Ангела Джibriла. Они приходили по-разному. Но всякий раз, по его признанию, ему казалось, словно душу его вынимают из тела.

Постепенно мекканцы начали прислушиваться к новому пророку. Он возвещал о Творце, о милости и милосердии Аллаха. С тех пор всякая сура в Коране начинается словами: "Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного". Аналогичная формула курайшитов при договоре или клятве звучала короче: "Во имя Твое, о Аллах!", - и не содержала, как видите, упоминаний о Божьем милосердии. Сура обычно и представляла собой откровение, пришедшее к Мухаммаду за один раз. Нужно помнить, что в Коране суры расположены не в хронологическом порядке, и этот порядок отчасти можно восстановить лишь по жизнеописанию Пророка с соответствующими ссылками. В первых сурах он говорил о воскресении мертвых, о суде, о райских обителях и об адских наказаниях тем, кто противится воле Творца. (А в Коране эти суры расположены большей частью в конце книги). Пророк призывал людей быть покорными Творцу, милостивыми и справедливыми, то есть строить общественную жизнь по воле Божией, заступаясь за слабых и бедных. Желал ли того сам Мухаммад, или нет, но его пророчества звучали в поэтической форме, которая производила на слушателей благоприятное впечатление, иногда прямо-таки чарующее, тем более сильное, что все понимали, что Мухаммад - человек некнижный, никак не профессиональный поэт. И с тех пор мусульмане очень ценят именно арабский оригинал Корана, в котором сохранена эта поэзия. Мусульмане считают, что сама эта поэзия абсолютно неподражаема; да и в самом Коране утверждается, что она невоспроизводима по любому вдохновению поэтов, и это служит доказательством Божественного происхождения Корана. Любой перевод мусульмане считают ущербным по сравнению с оригиналом, и вообще, считают слово "перевод" неподходящим. Правильно говорить: "перевод смыслов" Корана. А собственно Коран - не переводим.

Все могло бы обойтись для Мухаммада без особых проблем, если бы не важнейшая проблема - проблема Божественной ревности. Мекканцы и до этого почитали Аллаха, считали Его Творцом мира и Верховным Богом. И о рае и аде тоже имели определенное представление. Но вопрос о "дочерях" Аллаха неизбежно должен был быть поставлен. А заодно и вопрос о тех предках арабов, которые умерли, почитая Ал-Лат, Ал-Уззу и Аль-Манат. Мухаммад высказался здесь по своей религиозной совести, - и это создало ему тяжелые проблемы.

Впрочем, история и здесь не была прямолинейной и гладкой. Некоторые ранние исламские историки приводят такой рассказ (а другие его не приводят). Однажды Мухаммад высказался за "дочерей Аллаха", сравнив их с прекрасными птицами, заступничество которых одобряется Аллахом. Такое откровение вызвало восторг мекканцев, сам же Мухаммад был чуть позже обличен архангелом Джibriлом, что он высказал то, чего ему не поручалось, и был наставлен Ангелом к покаянию и исправлению сказанных неверных стихов. Мухаммад публично признал, что эти аяты внушил ему сатана, и заменил их иными. Соответственно, теперь этих "сатанинских стихов" в Коране нет, а стоят иные, противоположного содержания. Вот такого:

"Видели ли вы ал-Лат, и ал-Уззу, и Манат – третью, иную? Неужели у вас – мужчины, а у Него – женщины?[Это значит: для себя вы цените мужское потомство, а своему Богу поручаете только женское?- Т.] Это тогда – разделение обидное! Они – только имена, которыми вы сами называли, вы и родители ваши. Аллах не посылал с ними никакого знамения. Они следуют только предположениям и тому, к чему склонны их души, а к ним уже пришло от Господа их руководство" (Сура 53, 19-23).

Фактически Мухаммад отрицал самое бытие "богинь", признав их просто плодом человеческой фантазии и страсти к многобожию. Естественно, это вызвало негодование курайшитов.

Повторим, некоторые историки саму подлинность этого рассказа о "сатанинских аятах" отрицают. В наиболее ранней и достоверной биографии Мухаммада (составленной ибн-Исхаком) этого рассказа нет. В Коране тоже нет на него прямых указаний, но косвенные все же имеются. Но, естественно, у первых мусульман были очень веские причины не придавать эту историю огласке.

Если рассказ подлинен, то это лишнее подтверждение, что нет на земле безгрешных людей – основоположный факт христианской веры, отрицаемый в исламе. Если же рассказ вымышлен, то вообще непонятно, как сами мусульмане могли его приписать своему пророку?

В любом случае этот рассказ не свидетельствует о какой-то циничной лжи со стороны Мухаммада, а отражает его внутренние искания мира с соплеменниками, однако не за счет Божественной истины. Косвенное свидетельство в Коране о том, что вопрос о заступничестве "дочерей Аллаха" хотя бы каким-то образом ставился и не был лишен разумных доводов в пользу положительного решения, мы находим двумя стихами позже в той же самой 53-й суре:

"Сколько ангелов в небесах, заступничество которых ни от чего не избавит, если только не после того, как дозволит Аллах тем, кому Он пожелает и соизволит! Поистине, те, которые не веруют в последнюю жизнь, называют ангелов именами женщин. Но нет у них об этом никакого знания; следуют они только за предположениями, а ведь предположение нисколько не избавит от истины!" (53, 26-28).

Ясно, что были такие противники Мухаммада, которые не приравнивали "дочерей Аллаха" Ему Самому. Но можно ли было посчитать богинь ангелами? Так сказать, ангелами-хранителями арабских племен? Вот о чем здесь ставился вопрос. Бытие ангелов после встречи с Джibriлом лицом к лицу Мухаммад, естественно, не отрицал, даже их молитву за людей, как видим из приведенных аятов, ограниченно признавал. Так вот, эта тройка "дочерей Аллаха" – может быть, это ангелы? Как видим, вопрос не глупый, и ответ совсем не очевиден.

Поэтому вполне вероятно, что Мухаммад дал отрицательный ответ не без некоторого колебания, выразилось ли это в принятии им "сатанинских стихов" на время, или даже в том случае, если вся эта история с "сатанинскими стихами" ложна от начала до конца. Даже в этом случае есть в Коране и еще одно подтверждение некоторым колебаниям Мухаммада:

"И близки они были к тому, чтобы соблазнить тебя от того, что Мы внушили тебе, чтобы ты измыслил на Нас другое. А тогда они взяли бы тебя своим другом. И если бы Мы тебя не подкрепили, - ты был близок склониться к ним хотя бы немного. Тогда Мы дали бы тебе вкусить вдвойне и в жизни, и в смерти. Потом ты не найдешь против Нас помощника!" (Сура 17, 73-75).

Поистине, не часто Аллах в Коране не только упрекает Мухаммада, но и грозит ему суровым наказанием.

Задержаться на этом моменте пришлось нам потому, что он важен для православных христиан. Ведь мы признаем небесное предстательство и ангелов, и святых, угодивших Богу и отошедших к Нему. Кроме некоторых самых крайних протестантских толков, другие христиане тоже его признают. Не совсем отрицает это заступничество даже Коран. Но нужно все-таки помнить, что

в обращении к святым за их молитвами есть опасность постепенного отхода от Единого Бога. Ведь и ходатайство святых действительно лишь по воле Божией, никак не иначе. Только Господь должен быть для нас в середине всякого нашего внимания – и молитвенного в особенности. Все известные в истории отпадения в язычество начинали с этого же шага: сначала почитать некие ангельские силы, затем уже и силы природы, луну или солнце, приписывая им божественный статус. А идолы, или медведи (обезьяны) в качестве своих предков – это появляется уже в конце. И сейчас в современной православной практике, к сожалению, слишком повышенное значение придается почитанию святых, молитвенному обращению к ним. А ведь изначально не было так! На конец IV века, золотого века святоотеческой письменности, не существовало еще ни одного молитвенного обращения к святым, хотя праздники, панегирики и гимны в их честь уже были. До сего дня ни в одной православной литургии нет ни одного молитвенного обращения к какому-либо лицу, кроме Бога Отца. К сожалению, в современном православном сознании крен в сторону язычества обозначился очень четко, и многие пастыри по этому поводу бьют тревогу. Подлинное христианство, правильное поклонение Троице Богу, начинается все-таки с единобожия. А знание о предстательстве святых – это удел людей культурных, умеющих во всем соблюдать должную меру.

Но это еще не все. Мусульмане нередко четко и справедливо, с доказательствами в руках обвиняют нас в прикрытом многобожии. Такая критика, случается, способствует переходу православных христиан в ислам под таким объяснением: "надоело молиться всем подряд, я начал молиться Единому Богу". Если бы я сам не слышал такого исповедания, не привел бы его здесь.

Гонения

Итак, Мухаммад встал в оппозицию почти всей Мекке. Ряды его сторонников сильно поредели. Но чтобы описать дальнейшие события понятно, требуется несколько важных замечаний об общественном устройстве арабов.

Арабы жили тогда племенным строем, как кочевые племена, так и оседлые. Это значит, что города у них были, но никакой государственной структуры: полиции, армии, специальных судов, налоговой службы не было. Вожди кланов решали все вопросы, собираясь и советуясь, если нужно, между собой. Князей и царей тоже не было.

Общественный порядок в таком обществе, как это ни удивительно и ни странно, поддерживался законом кровной мести. Если люди племени (клана) А убьют человека из племени Б, то обязательно последует возмездие в виде ответного убийства любого члена клана А, кто скорее попадется. Поэтому убийства арабы остерегались так же, как мы сейчас боимся ядерной войны. С тех пор, как на земле появилось ядерное оружие, больших войн в мире не стало. Так и здесь: непредсказуемость последствий убийства удерживала поднятую саблю. Порядок держался на равновесии страха.

Более того, в обычае был набег (газв, от которого происходит слово: газават) одного клана на имущество или скот другого, но и в этом случае всякого, даже случайного, убийства арабы старались избегать.

Иногда ненамеренное убийство удавалось замять денежным выкупом, - если можно было доказать, что оно ненамеренное.

Вот где причина, что враги Мухаммада не имели возможности его убить. Ведь его родной дядя Абу Талиб возглавлял целый клан. И хотя сам он не принял ислам, но племянника своего в обиду не давал. Поэтому все понимали, что пока жив Абу Талиб, Мухаммада можно только ругать и оскорблять, но убить ни в коем случае нельзя, ибо это вызовет жестокую и долгую племенную войну. Неоднократно Абу Талиба уговаривали по-хорошему, чтобы он "сдал" племянника, но он этого так и не сделал, хотя до конца жизни так и не стал мусульманином.

Между прочим, вот вам и замечание по поводу дикости арабских нравов. Ах! и ох! - кричат у нас, - Азия-с, дикие нравы, кровная месть, коварство, никакого благородства! Да, вот такая кровная месть, вот такая атомная бомба. Интересно, а в правовом государстве, с судами и полицией, сколько протянул бы на свободе такой религиозный диссидент, как Мухаммад?

Однако, если сам Мухаммад, как человек родовитый, был в относительной безопасности, то простые мусульмане подверглись тяжелым преследованиям, хотя тоже пока без крови. И

вынуждены были совершить первую эмиграцию, включая и членов семьи Пророка. В 616 г они отправились в Эфиопию, христианскую страну, где церковь держалась монофизитского исповедания, и там изгнанники были приняты очень тепло. Предание говорит, что когда арабы рассказали о своем Пророке и прочитали наизусть из Корана суру 19 о Благовещении архангела Гавриила Деве Марии, то присутствовавшие там христиане, включая самого негуса (правителя) даже прослезились. И хотя негусу говорили, что Мухаммад – еретик, поскольку отрицает всякую Божественность Иисуса (это, кстати, не такая уж ясная мысль в Коране), а между тем, монофизиты признают Его именно Богом по преимуществу, принижая Его человеческое естество, – тем не менее, негус предоставил беглецам убежище.

А тем временем в Мекке целых два клана подверглись от остальных экономическому бойкоту. Маленький квартал, где они селились, был взят в блокаду. Никому не разрешалось торговать с членами кланов или родниться с ними в браке. Впрочем, запрет этот постоянно нарушался, да и простоял не более двух лет, пока был окончательно отменен по причине своей нецелесообразности. Кораническое слово продолжало в это время само приобретать своих сторонников, в том числе из среды гонителей, покоренных красотой и глубиной новой поэзии. Так внезапно обратился в ислам Умар ибн аль-Хаттаб, молодой и свирепый гонитель ислама, до самой глубины сердца тронутый словами Корана. Впоследствии он станет тестем Пророка и вторым из четырех праведных халифов.

После отмены экономических санкций против клана Абу-Талиба, эфиопские изгнанники вернулись в Мекку. Ситуация как будто стабилизировалась, но тут умма вступила в новую темную полосу.

Вскоре после отмены бойкота в 619 году умерла жена пророка Хадиджа. Она много значила в его жизни, будучи мудрой и преданной женщиной. Вскоре за этой смертью последовала еще более тяжкая: умер Абу Талиб. Новый глава клана Абу Лахаб, тоже дядя Пророка, уже с большой неохотой оказывал Мухаммаду покровительство, руководствуясь лишь безопасностью своего клана. Тщетно искал Мухаммад себе нового покровителя, начав проповедовать уже вне Мекки. Тучи вокруг него сгущались. И он двинулся сразу двумя путями.

Прежде всего, он взял двух жен. Одна из них была вдовой одного из сподвижников Мухаммада, а самое главное – родственницей главы одного из противостоящих кланов. Звали ее Сауда, ей было уже за тридцать лет. Второй была Аиша, дочь Абу-Бакра. Этот человек был в свое время состоятельным купцом, стал одним из ранних сподвижников Мухаммада, и очень сильно издержал свое состояние на нужды мусульманской общины, особенно во время экономической блокады. Он же стал и первым халифом, непосредственным преемником Пророка. Аише в 620 г было всего шесть лет; когда ее просватали за Мухаммада, образ ее жизни и детских игр практически не изменился. Оба брака, как и дальнейшие брачные союзы Мухаммада, были по преимуществу политическими союзами. На тот момент они имели цель как-то поддержать Пророка, обеспечить ему минимальную безопасность. В дальнейшем гарем рассматривался и как показатель социального статуса. Но он же таил потенциальную опасность расколов уммы, которая потом стала реальной.

Кроме того, ища поддержки, Мухаммад попробовал проповедовать пришельцам, посещавшим Мекку во время хаджа. Арабы почитали Каабу – это главное святилище Аллаха, и в определенное время приходили туда на поклонение. Если среди кочевников (бедуинов) проповедь имела малый успех, то гораздо больший интерес к личности Мухаммада возник у обитателей оазиса Ясриб, расположенного примерно в 200 км к северу от Мекки. Сама обстановка в этом городе-оазисе к тому располагала. Небольшой кусок плодородной земли, на котором жили два арабских и три еврейских клана в постоянном соперничестве между собою. Взаимная вражда измотала уже всех, все были бы не прочь и объединиться, но обитателям Ясриба нужен был некий "центр кристаллизации", какой-то третейский судья. И вот, однажды паломники из Ясриба встретились в Мекке с Мухаммадом и завязали с ним союзнические отношения.

Мусульманское предание постоянно подчеркивает ту мысль, что в те времена ожидание некоего нового пророка из среды арабов как бы носилось в воздухе. Его ждали и арабы, и евреи, и даже, будто бы христиане. Это ожидание тоже отмечается как фактор, способствовавший принятию арабами Ясриба проповеди Мухаммада. Такое знакомство продлилось два года. Мухаммад послал в Ясриб своего проповедника, который читал Коран жителям и разъяснял им единобожие. Многие

жители уже там обратились в ислам. Наконец, в 622 г несколько десятков новообращенных пришли на хадж в Мекку, и во время его встретились с Мухаммадом и дали ему тайно клятву верности.

И вот, вскоре после этого, Мухаммад, так и не сумевший обрести спокойствия в родной Мекке, решил перевести всю общину в Ясриб, заручившись поддержкой и клятвой тамошних мусульман. Эти мусульмане теперь стали именоваться ансары – помощники.

Хиджра

Итак, летом 622 года мусульмане практически полностью покинули Мекку и переселились в Ясриб. Ансары приняли их и на некоторое время разместили в своих домах, пока пришельцы не отстроили себе собственных. Сам же Ясриб после того времени стал называться Мединой – городом Пророка. В его пророческом служении мусульмане с тех пор выделяют два периода: мекканский и мединский. А эта новая эмиграция называется арабским словом хиджра.

Переселение это было достаточно дерзким, вызывающим поступком в сложившейся племенной системе. Беглецы порвали все связи с родным племенем, совершили, по понятиям родичей, неслыханное предательство, хотя оно было вынужденным. Запустили их брошенные дома в Мекке. Курайшиты же начинали всерьез беспокоиться за свою собственную безопасность, ибо этот бунтовщик Мухаммад собирал под своим началом новые племена, и ожидать от него можно было чего угодно. С такими мыслями мекканцы решили, наконец, его убить. А чтобы кровная месть не пала на представителей какого-либо одного клана, сговорились собраться юношам по одному от всех кланов и тайно прикончить Мухаммада всем сразу на выходе из дома. Против всех кланов родичи Мухаммада были бы бессильны, и убийство удалось бы замаять за какой-нибудь выкуп.

Мухаммад, между тем, как истинный капитан тонущего судна, покидал его последним. Он все еще оставался в Мекке, в большой опасности. Однако накануне убийства каким-то образом ему стало известно о заговоре, и он успел тайно ускользнуть из города, а на его постели остался спать его юный двоюродный брат Али, прикрывшись плащом Пророка. На следующий день он вышел в этом плаще из дома, и убийцы поняли, что произошел обман, но самого Али все-таки не тронули. Курайшиты тотчас снарядили погоню, и искали Мухаммада по всем окрестностям, но он вместе с Абу-Бакром, спрятался от преследователей в одной пещере. По преданию, каким-то чудом вход в пещеру за очень короткое время паук заткал своей паутиной, вследствие чего преследователи и не стали там никого разыскивать.

По прибытии в Медину Мухаммад начал строить мечеть. На строительство собралась вся мусульманская община. Когда мечеть была закончена, Мухаммад не стал строить себе даже своего отдельного жилища, а лишь пристроил небольшие комнаты для своих жен.

С еврейскими и арабскими племенами Медины Мухаммад заключил особый письменный договор, текст которого дошел до наших дней. По этому договору между всеми племенами оазиса заключался мир, включавший и всех язычников, если только они не вступят в предательские соглашения с враждебной теперь Меккой.

Что же касается мусульманской общины, то теперь она впервые становилось разноплеменной. Представители целых трех арабских племен составляли теперь единую общину. Общность в вере ставилась теперь выше племенного единства. С этого момента умма собственно и стала собою: теперь она единила разрозненных прежде людей. Символично, что именно в Медине к общине присоединился первый не араб – раб из Персии.

Вероятно, по этой причине, а может быть, и по другим, мусульманский календарь ведет отсчет от года Хиджры – 622 г. по Р. Х. Впрочем, календарь у них лунный. Годом называется 12 лунных месяцев по 29 дней, поэтому мусульманский год короче нашего дней на 15 и не соответствует полному обороту земли вокруг солнца. Соответственно, и праздники скользят по всем временам года.

В Медине Мухаммад более полно познакомился с религией евреев, многое узнал из Ветхого Завета. Вначале он проявлял к евреям высокое уважение, как почитающим Того же Единого Бога. Это выразилось в молитвенном поклонении в сторону Иерусалима. День собраний в мечети был назначен на пятницу, когда евреи готовились с вечера праздновать субботу. Пищевые ограничения, хотя и в упрощенном виде, мусульмане также заимствовали у евреев.

В Медине Мухаммад в продолжении долгого времени изрекал самую длинную суру Корана, вторую. Ее еще называют малым Кораном. В ней выражена не только критика, но и очень почтительное отношение к людям Книги – так именовались евреи и христиане. Большой разницы между ними арабы (и, вероятно, сам Мухаммад) не видели, почитая тех и других монотеистами, к которым откровение через пророков пришло прежде, чем к Мухаммаду. По вдохновению Мухаммад провозгласил свою миссию в том, чтобы утвердить и напомнить все, сказанное библейскими пророками прежде. Но об этом будет особый разговор впереди.

Некоторые евреи были настроены к Пророку дружелюбно. Есть мнение, что именно они сообщили ему историю Книги Бытия об Аврааме и его сыне Исмаиле, которую мы уже рассматривали. Есть мнение, что Мухаммад знал ее и раньше, а теперь, в Медине побужден был свыше вспомнить эту историю еще раз и внимательно. И вот, в ранних мединских сурах Пророк начинает возвещать о том, что его религия должна вернуться к первоизданной простоте и чистоте Авраамова единобожия. Только в Медине Мухаммад глубоко осознал тот факт, что иудеи с христианами разошлись очень далеко, и что между христианами много враждующих партий. А откуда разногласия? – вставал неизбежный вопрос. Из-за искажения людьми Божьего слова, данного в Писании, – в таком духе свидетельствует Коран (и мы это тоже рассмотрим позже). И чтобы стереть эти искажения и не утонуть в разногласиях, Мухаммад и предложил вернуться к точке общего единства всех: иудеев, христиан и самих арабов. Где эта точка? – Несомненно, Авраам, Ибрагим, отец по плоти всех иудеев, отец по вере всех христиан, и он же через сына своего Исмаила – отец всех арабов. "Ибрахим не был ни иудеем, ни христианином, а был он ханифом, предавшимся, и не был из многобожников. Самые близкие к Ибрахиму люди, конечно, те, которые за ним последовали, и этот пророк и те, которые уверовали. А Аллах – друг верующих" (3, 67-68).

И вот здесь в Медине наиболее серьезно осмыслен этот очень важный принцип ислама – возвращение к простому и универсальному единобожию Ибрагима, одного из первых ханифов.

С переосмыслением важности роли Ибрагима, мусульмане обратили внимание и на свою родную Мекку и Каабу. Кааба – храм Единого Бога, построенная изначально Ибрагимом и Исмаилом, лишь потом превращенная в оплот многобожия. Осознать эту мысль было для арабских мусульман очень важно, равносильно тому, чтобы осознать миссию своего народа и своей религии во всем мире. Это было обретением собственных святынь и собственных корней, очищение своей же собственной самой древней народной религии от языческих наслоений, а не придумывание чего-то нового. Опора на древность во все времена была лучшей из религиозных опор. В самом деле, разве не к обетованию, данному Аврааму, апеллирует апостол Павел в возникших спорах о Законе Моисея?! И справедливо, ибо эти обетования старше Закона! Вот теперь и ислам начал сознательно обретать такую же опору, отсчитывая от времен того же Авраама.

Очень важно отметить, что Мухаммад не пытался переводить евреев в ислам, считая это не сообразным с волей Аллаха. Он вполне искренне видел в них старших братьев. Между прочим, подумайте сами, характерно ли это для сектанта, который пришел установить религию во имя свое?

Но мединские евреи не ответили ему взаимностью. Не очень ясно, по каким именно причинам, но они стали насмехаться над Мухаммадом и не верили в его пророческий дар. Причем свои насмешки они не стеснялись высказывать и на пятничных собраниях в мечети, что приводило даже к столкновениям. Мне думается, причиной была еврейская национальная гордость и презрение к человеку некнижному. Ведь подобную мотивацию видим мы и в Евангелии: кто учит, не пройдя раввинскую школу, да еще и с претензией на пророческое слово, того они будут презирать, независимо от того, галилеянин перед ними, или араб.

Духовный разрыв с мединскими евреями закончился в 624 году тем, что Мухаммад по пришедшему к нему откровению переменял киблу – направление молитвенного поклонения. И вместо поклонения на Иерусалим, стал поклоняться в сторону Каабы. Если учесть место Медины на карте, то получалось изменение направления прямо в противоположную сторону. Ислам, как религия, с этим получал свою, так сказать, независимость. Естественно, что и евреи это поняли, и им это не понравилось. Соответственно, и их положение в Медине все более становилось похоже на предательскую "пятую колонну", особенно в перспективе неизбежного столкновения с Меккой.

И все-таки отметим, в опровержение общепринятого предрассудка, относительно того, будто ислам – религия меча, что в продолжении целых 14 лет от начала проповеди Мухаммада, несмотря

на жесткий религиозно-идеологический конфликт, никто из арабов еще не убивал и не был убит за новую религию. Меня это обстоятельство сильно впечатляет. Право же, не следует превозноситься, не следует обзывать тогдашних арабов дикарями, зверями и прочими кличками. Христиане за эти же самые годы пролили больше крови в конфликтах между собой, в христологических спорах с монофизитами. Вот вам и кровная месть, и племенная система! Вот вам и религия Иисуса Христа в государстве римского права! Реальная жизнь – штука сложная.

Первый джихад меча. Сражение при Бадре

Однако с переселением в Медину разрыв мусульман с родной Меккой стал настолько очевидным и окончательным, что обойтись совсем без крови теперь не получилось бы никак. Началось с очень простого. Оазис в Аравийской пустыне – это не бескрайние целинные степи. Прокормить сразу большую группу пришельцев с семьями здесь было непросто, ресурсы были ограничены. Как добыть пропитание? И Мухаммад вновь вынужден был уважить обычаи своего народа. А они включали такое понятие, как газв – грабительский набег на чужое имущество, при котором старались по возможности избегать кровопролития по соображениям кровной мести.

Медина лежит к северу от Мекки, очень близко к караванным дорогам, пролегающим вдоль Красного моря. Вся торговля с Персией, Византией, Сирией, Египтом шла через эти караванные тропы, единственные транспортные артерии на Север. Так как же найти пропитание мекканским изгнанникам? Конечно, они стали выслеживать мекканские караваны. Мекканцы, в свою очередь, тоже все это сообразили, и приняли меры безопасности. Они стремились, прежде всего, крепко хранить тайну своих передвижений. До какой-то степени это помогало: мусульманские отряды появлялись на торговых путях не вовремя. С другой стороны, в Аравии были установлены священные месяцы, в которые никак нельзя было вести газв, а кровопролитие было двойным преступлением.

И вот, получилось так, что первый маленький караван, при котором было всего трое мекканских купцов без охраны, мусульмане захватили в последний день священного месяца. При этом один из троих караванщиков был убит, а двое взяты в плен. Поначалу Мухаммад не одобрил нападавших и не принял добычу. А потом, получив откровение, объяснил братии так:

"Спрашивают они тебя о запретном месяце - сражении в нем. Скажи: "Сражение в нем велико, а отвращение от пути Аллаха, неверие в него и запретную мечеть и изгнание оттуда ее обитателей - еще больше пред Аллахом: ведь соблазн - больше, чем убиение!" А они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если смогут" (2, 217).

Таким образом, один большой грех был оправдан ради борьбы с другим еще большим грехом противников – единоплеменников, родственников по плоти, ставших уже совсем чуждыми по духу. Нарушить священный мир – худо, но еще хуже – выгнать поборников единого истинного Бога из их родного города, от святого храма. Так рассудил Мухаммад по откровению. Добычу захваченного каравана поделили, а война стала набирать обороты.

Сравнительно больших сражений за эту войну, впрочем, было только два. Первое из них случилось после того захвата, весной 624 г. Мухаммад возглавил новый набег на большой караван из Сирии, желая перехватить его на водопое у колодцев возле местечка Бадр. Но разведка его противников выяснила, что он идет на перехват. Караванщики изменили маршрут, а заодно послали быстрого гонца в Мекку за помощью. Рассвирепевшие мекканцы тут же собрали около тысячи всадников и поспешили на помощь каравану. У Мухаммада было всего 350 воинов, из которых только 70 – мекканские переселенцы, а остальные – ансары, помощники. Когда стало ясно, что караван все равно ускользнул, сама собой вроде бы отпала необходимость в сражении. На обеих сторонах были те, кто вовсе не желал сражения с кровными родственниками. Часть мекканцев даже повернула назад. Но мекканские вожди горели желанием свести с Мухаммадом счеты, используя подвернувшийся случай. И Пророк не стал убегать, тем более что в бегстве разбить его отряд мекканцам было бы еще легче.

Мухаммад расположил своих людей у самых колодцев, в более удобной позиции. Войско мусульман, в отличие от мекканцев, было лучше организовано и крепче духом. Интересно, что перед началом сражения мусульмане еще не знали, что противник превосходит их более чем вдвое. В

разгоревшемся сражении мусульмане действовали слаженно и храбро, не рассчитывая на легкую победу, не пытаясь взять противника на испуг. В итоге мекканцы бежали, оставив на поле боя около полусотни именитых людей, включая и самого предводителя, а около 70 курайшитов было взято в плен.

Мухаммад проявил к пленным милосердие. Откровение об этом он получил прямо на пути домой. Дома он часть мекканцев (своих родственников) освободил без выкупа. Кого-то еще – за выкуп. Остальных велел содержать по семьям, причем кормить с хозяйского стола и помогать им, если их посылают на тяжелые работы. В итоге часть пленников, пораженная этим великодушием, приняла ислам, освобождавший их от рабства, даже такого необременительного.

Победа при Бадре оказалась воспетой в Коране в воинственных песнях. Естественно, как всегда бывает в таких случаях, причастным к успеху оказалось и помогавшее мусульманам небесное воинство. Не только человеческие, но и ангельские мечи поражали врагов, - история вполне обычная в описании военных побед. В Коране победа при Бадре названа особым термином: аль-Фуркан, что значит: различие. Здесь как бы сам Аллах отделил своих от чужих, добрых от злых, терпеливых и стойких – от заносчивых и гордых. Тем же именем Фуркан обозначена и победа Моисея при Красном море, когда войско фараона было чудесным образом потоплено, а Израиль спасен. И если от Красного моря начинается свободная жизнь спасенного Израиля, то от Бадра начинается самостоятельное и славное существование уммы на политическом и религиозном пространстве Аравии (пока только Аравии). Читая, можно подумать, что речь идет об огромных армиях и целых нашествиях кого-то на кого-то. А на самом деле менее тысячи участников и менее сотни погибших с обеих сторон. Право же, это не Мамаево побоище! И даже не те битвы, что в это же время вели Византия и Персия, которым очень вскоре суждено было быть побитыми мусульманским воинством.

Авторитет Медины после Бадра среди арабов возрос, но при этом и сам Мухаммад, и его соратники прекрасно понимали, что это только начало.

С военно-тактической точки зрения это была первая и последняя военная победа мусульман под предводительством самого Пророка (т.е. до 632 г). Дальше на протяжении всей оставшейся войны с курайшитами он бился вничью или проигрывал, даже подписывал унижительный для себя договор, о котором скажем чуть позже, но в результате победил именно он, а мекканцы в итоге практически поголовно приняли ислам. Как конкретно реализовался этот парадоксальный сценарий, как именно Мухаммад сумел подняться по лестнице, ведущей вниз, мы посмотрим дальше, а пока нам придется подчеркнуть, что его окончательная победа была добыта отнюдь не мечом, не насилием, - хотя они и использовались Пророком ислама. Но все-таки, начатая Мухаммадом священная война (джихад) рассматривалась им лишь как вынужденная и жизненно необходимая ответная мера, для спасения истинного богопоклонения от натиска многобожников.

"Дозволено [сражаться] тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены... Поистине, Аллах может помочь им, тем, которые изгнаны из своих домов без права, разве только за то, что они говорили: "Господь наш - Аллах". И если бы не защита Аллахом людей одних другими, то разрушены были бы скиты, и церкви, и места молитвы, и места поклонения, в которых поминается имя Аллаха много" (22, 39-40). Характерно, что в других смысловых переводах этих аятов слова "места молитвы и места поклонения" переводятся, как "синагоги и мечети". Это наглядное свидетельство того, что Коран не считает каким-то зловерием иудаизм и христианство, ибо "люди Писания" поклоняются тому же самому Богу. Кроме того, кто из христиан: католиков, православных и даже протестантов, - всерьез взялся бы оспорить это положение Корана? Ведь и христианам всех конфессий тоже приходилось отстаивать мечом свое право под солнцем на поклонение Богу согласно своей вере.

Поражение при Ухуде

Но вернемся к событиям в Медине. После победы, с одной стороны, авторитет Мухаммада возрос, но с другой стороны, колебания и шатания внутри оазиса усилились. Все понимали, что если курайшиты соберутся с силами и нагрянут в Медину, то Мухаммад со своими людьми против них долго не продержится, а в конечном итоге расплачиваться за это придется всем мединцам. Усилились трения между всеми группами оазиса. Особенно были недовольны все три еврейских

клана, не понимавшие, почему они должны быть заложниками в арабской междоусобице. Конечно, они пытались навести мосты с Меккой. Кроме того, евреи опирались на ту партию арабов Медины, которые не приняли ислам, или же держались своих обязательств по договору с Мухаммадом лишь лицемерно (они и названы в Коране тем словом, которое переводится, как "лицемеры"). Если бы все антимусульманские силы оазиса даже теперь, после Бадра, создали единую прочную коалицию, то они могли бы победить мусульман даже без помощи Мекки. Но именно этого и не произошло.

Сначала выяснилось, что вождь одного из трех еврейских кланов вел тайные переговоры с мекканцами и выдал им разведывательные сведения. Мусульмане осадили этот "еврейский квартал". Евреи рассчитывали, что "лицемеры" придут им на помощь, но этого не произошло. Конфликт разрешился сравнительно бескровно: этот еврейский клан сдался и был выселен из Медины. Но этим Мухаммад только лишь удалил врагов из своего тыла, но нисколько не победил и не убрал их совсем. Поселившись неподалеку, евреи продолжили свою деятельность против мусульман. С евреями двух других кланов мусульмане держали пока напряженный нейтралитет.

Следующей весной 625 г курайшиты выступили на Медину с войском уже в три тысячи человек. Было ясно, что мусульманской армии такого удара не отразить. Но мекканцам явно не хватало хорошего военачальника. Двести миль до оазиса они двигались не спеша, так скажем, явно не по-суворовски. В результате все мединцы собрались в укреплениях оазиса и держали военный совет. Горячая молодежь предложила вступить в сражение за пределами плодородной зоны, поскольку урожай был еще на полях, и отдавать его мекканцам было жалко. Другие же, более осторожные, а также партия "лицемеров", хотели отказаться от сражения и переждать осаду в укреплениях оазиса. В итоге все-таки мусульмане выступили в поход, из которого три сотни "лицемеров" дезертировали прямо на ходу. Мухаммад остался против явно превосходящих сил примерно с семью сотнями. Произошла вторая битва при селении Ухуд. Сведения о ней неточны и противоречивы. Как и следовало ожидать, мусульман почти окружила конница противника, они отступили, потеряв 65 человек. Потери мекканцев составили 22 человека. И тут произошло самое интересное и непонятное. Сам Мухаммад был поражен в бою. Все сочли его убитым. Мусульмане, отступая, вынесли его тело, но оказалось, что он был только оглушен. Вскоре он очнулся, но по неведомой причине, увидевши его сраженным, курайшиты сами прекратили преследование мусульман, и просто вышли из боя. Считая себя победителями, они отправились домой в Мекку, даже не потрудившись разорить и разграбить мятежную Медину (вместо этого потрудились надругаться над телами поверженных мусульман). Конечно, они не хотели наживать себе врагов в лице природных мединцев, но ведь у них теперь была полная возможность добить по дороге непокорных мусульман и вступить в оазис в качестве союзников-освободителей, а не поработителей. Почему они не воспользовались такой возможностью, непонятно. Более того, оправившиеся от поражения мусульмане сами двинулись за мекканской армией, создавая видимость преследования и зажигая по ночам много костров на большой территории, словно бы представляя собой огромную армию.

Вот такая странная военная кампания. Почти четыре тысячи воинов вступают в бой, но потери обеих сторон составляют вместе менее сотни человек. Затем "побежденные" преследуют "победителей". Но, между прочим, все это много говорит об "агрессивности" арабских нравов. Насколько же обе стороны **не хотели** воевать, чтобы **так** воевать!

И вновь после одной весенней стычки (не поворачивается язык назвать ее битвой), военные действия прекратились на год. Мусульмане в Медине вновь сыграли свадьбы. Мухаммад пристроил вдов своих погибших товарищей замуж за оставшимися в живых, и для этой цели благословил многоженство, никак, впрочем, не запрещенное и раньше. Затем мусульмане вновь занялись наведением порядка с внутренней оппозицией и налаживанием отношений с окрестными бедуинами.

К ним дважды посылал Мухаммад миссионеров, и обе группы оказались перебитыми в пути. Мусульмане в порыве гнева отомстили не тем, кому следовало, а тем, кто подвернулся, и чтобы замять нечаянное убийство выкупом, Мухаммад стал собирать эту "цену крови". Среди прочих данников он обратился по этому поводу к еврейскому клану Медины, еще остававшемуся в оазисе. Но евреи, вроде бы согласившись, попросили Мухаммада подождать за дверями. Заподозрив неладное или будучи извещен свыше, Пророк внезапно ушел, поняв, что готовится покушение. Скорее всего, так и было.

Замять конфликт не удалось, и, в конце концов, дело кончилось выселением и этих евреев из Медины. Понятно, что и они, избавившись от неприятного соседства, стали помогать курайшитам против мусульман. А в Медине остался еще и третий еврейский клан.

Весной следующего 626 г Мухаммад вывел к Бадру войско в полторы тысячи человек, но его противник так и не появился на горизонте. Год был засушливый и голодный, военных действий больше не было.

Все это время в длинных промежутках между сражениями Мухаммад налаживал союзы с другими арабскими племенами, в том числе путем новых браков, увеличивая количество своих жен. Вряд ли уместно упрекать его в распущенном нраве, ибо в принятой системе отношений и племенных традиций женитьба на сестре (вдове, дочери) вождя другого племени помогала укрепить племенной союз и, если уж не приобрести соратников, то, по меньшей мере, убавить союзников у противника. Однако и в гареме Пророка, и вокруг гарема, разумеется, росли противоречия, ковались интриги, накалялись страсти. Пока это были еще даже не цветочки, а только их бутоны, а плоды сказались уже после кончины Мухаммада. История эта интересная и захватывающая, но мы ее отложим до другого раза.

Здесь же отметим пока, что не только идеологически, но и исторически джихад был комплексным понятием. Все эти годы Мухаммад вел священную борьбу. Но вот налицо ее более чем скромные военные составляющие и гораздо более внушительные дела миссионерские, политические, а также постоянные попытки устроить исламское общество на началах справедливости, солидарности и дружбы. После победы при Бадре Мухаммад как-то сказал: "мы возвращаемся от малого джихада к большому". Малый джихад в его противостоянии с многобожниками заключался в военных действиях, а большой – в религиозном становлении уммы и в завоевании авторитета среди арабов. И вот, в этот "большой джихад" включались и миссии, и союзы, и политические браки, и урегулирование семейно-клановых отношений не в последнюю очередь. Забегая вперед, скажем, что именно в этом большом "социально-политическом" джихаде и победил Мухаммад своих противников.

Между тем, мекканцы не дремали, готовясь к новым военным приключениям. Свое, прямо скажем, бездарное военное командование они надеялись компенсировать численным превосходством.

Несостоявшаяся осада Медины

В марте 627 г курайшиты выступили в поход уже с десяти тысячным войском. Казалось, что теперь они уже не оставили Мухаммаду никаких шансов. Но опять же, эта орда двигалась медленно. На этот раз мединцы успели до ее пришествия убрать урожай, а самое главное, применить принципиально новый способ военных действий.

Как мы уже упоминали, среди мусульман оказался один персидский раб. Теперь он уже получил свободу. Именно он, как человек, выдавший более цивилизованные общества, предложил арабам построить самые простейшие укрепления вокруг всего оазиса, а точнее, выкопать ров с самой незащищенной северо-западной стороны. Мусульмане взялись за дело с энтузиазмом, распределив работу на участки, по семьям, причем сам Мухаммад работал здесь вместе со всеми, с молитвенными песнопениями, с постоянной духовной поддержкой братьев. Короче говоря, подошедшая мекканская армия уткнулась носом в этот ров, оказавшийся для нее непреодолимым препятствием. Естественно, никаких осадных приспособлений, равно как и навыков к осадному делу мекканцы не имели. За ровом был насыпан вал, с которого мединцы встретили противника градом стрел.

Что оставалось делать курайшитами? Их кони не могли перепрыгнуть через ров, он был достаточно широк. А штурмовать его в пешем порядке значило понести большие потери. Осаждать оазис было так же явно не в пользу осаждавших: для них требовался впятеро больший запас продовольствия, фуража и воды, а все запасы и источники были как раз внутри оазиса, а не вне его.

Не решившись на штурм рва, курайшиты пробовали проникнуть в оазис с юга, вступив в переговоры с оставшимся в Медине еврейским кланом. Те вроде бы согласились помочь, но помогли нерешительно и затребовали от курайшитов заложников в свое укрепленное поселение, как

гарантию того, что мекканцы не прекратят осады и не бросят их на произвол мусульман. Время шло без всяких решительных действий. Осаждавшим приходилось все труднее по сравнению с осажденными. В конце концов, курайшиты сняли осаду и ушли к себе, а Мухаммад тотчас осадил еврейское поселение и держал его в осаде двадцать пять дней. Наконец, евреи сдались, и на этот раз мусульмане не дали им пощады. Все мужчины (около 700 человек) были казнены, женщины проданы в рабство, а имущество разделено между мусульманами. Выгнав пятую колонну из Медины, а затем и шестую, Мухаммад понимал, что отпустить на свободу седьмую колонну уже нельзя. Впрочем, на общей политике мусульман в отношении евреев этот эпизод практически никак не сказался, и в последующие годы евреи проживали в странах ислама, пользуясь относительной безопасностью.

Нерешительность и полководческая бездарность мекканцев постепенно отталкивали от них всех их союзников. В мусульманской истории все произошедшее недолгое стояние курайшитов под укреплениями Медины носит название "битва у рва". Но собственно никаких целенаправленных военных действий практически не было.

В те дни никто, включая Мухаммада, не знал, что с казнью мединских евреев кровопролитная стадия борьбы Мекки с Мединой постепенно заканчивается, и что победа ислама дальше придет мирным путем, насколько мирным, настолько же и триумфальным.

Джихад смирения

После "битвы у рва" военно-политическая ситуация сложилась патовая. Никто не мог одолеть противника. Мединцы смогли перерезать торговые пути на север, попытались вести самостоятельную торговлю с Сирией. Но взять Мекку приступом даже не думали. Мекканцы же, со своей стороны, все-таки сохраняли союзы с другими племенами, держали открытыми пути на юг, но уже не строили планов покорения Медины. Обе стороны обменивались мелкими нападениями, в которых в сумме за всю войну потеряли больше бойцов, чем в вошедших в историю битвах при Бадре, Ухуде и у рва.

Однако значение Медины в чисто религиозном плане возрастало. Единицы из арабов принимали ислам – и сбегались в Медину. До самой "битвы у рва" и расправы над евреями мусульмане оставались неперспективным меньшинством, поэтому принятие ислама и до этого события, и даже после него еще никому не сулило никаких выгод, а совершалось по доброй совести и по искренней религиозной вере, а иногда было прямо-таки героическим поступком. И вот, авторитет новой религии, тем не менее, или наоборот, благодаря этому, постепенно возрастал.

Впрочем, никто, включая Мухаммада, не знал, что теперь делать дальше. Все дальнейшее произошло по указанию свыше. Не надо забывать, что Мухаммад был пророком. Даже если не считать его пророчества исходящими от Бога, все равно придется признать факт, что окружавшие его воспринимали личность Мухаммада двояко (и так до сих пор). Кое-что он говорил от себя, общаясь нормальной человеческой речью. При этом он имел добрый, общительный нрав, не был лишен чувства юмора, и многие воспоминания о нем хранят до сих пор его человеческий облик, отраженный в хадисах. Но иногда, как говорится, **на него находило**. Тогда он не говорил людям чего-то от себя, а вещал от Бога. При этом он мог разбирать вопросы достаточно несущественные и вполне тривиальные, но они получали в глазах верующих божественный авторитет. Итак, мусульмане привыкли доверять откровениям Мухаммада, это была первейшая и важнейшая составляющая их веры: верить Аллаху и безоговорочно доверять Его Посланнику. Мусульмане доверяли ему, были преданы ему до полного самоотвержения. Пожалуй, именно по этой причине они и побеждали разобщенных курайшитов, или стойко выдерживали поражения от их превосходящих сил.

И вот, когда в одну прекрасную весеннюю ночь 628 года Мухаммад увидел себя в одеждах паломника, он возвестил, что собирается идти в Мекку без оружия на поклонение Богу у Каабы и приглашает с собою желающих. Все были потрясены таким приглашением. Мухаммад пояснил, что это будет не военный поход, и что паломники не возьмут с собою оружия, кроме походных ножей. Около тысячи мусульман согласились на это предложение и выступили в опасный поход.

Курайшиты, посоветовавшись, послали отряд в двести всадников, чтобы преградить паломникам дорогу. Но мусульмане нашли проводника, который сумел труднодоступными тропами провести их на священную территорию, не доходя Мекки примерно двадцать километров, где уже было запрещено кровопролитие. Это место называлось Худайбия.

Кстати, еще один показатель "агрессивности" и "варварства" "диких арабов". В каком еще народе мы найдем эти запретные для кровопролития территории вокруг святынь – и территории таких размеров? В каком еще народе треть года – это запретные для войны месяцы?

Впрочем, и арабская вялость на драку в данном случае имела свои пределы. Курайшиты все-таки преградили мединцам путь, и, не бросаясь в бой, дали понять, что они не позволят мусульманам двинуться дальше. Знаменем для мусульман послужила и верблюдица Пророка, которая опустилась на колени и, несмотря на все усилия погонщиков, не двигалась дальше.

Начались переговоры, которые продолжались несколько дней. Мусульмане поняли, что в этот год им все-таки не дойти до Каабы. А курайшиты явно теряли авторитет и колебались, видя, что они вынуждены в нарушение обычаев не пускать на поклонение безоружных мирных паломников. Накануне подписания договора Мухаммад по особому наитию свыше взял клятву верности со своих спутников, верности лично себе. Возможно, что присягавшие мусульмане полагали, что им придется здесь же за него и погибнуть, и были действительно готовы к этому. Но в данном случае клятва оказалась нужна не за этим. Не какая-то неравная битва и не бойня была уготована мусульманам, а унижение. Военно-политическое и даже религиозное. И к этому они были готовы даже меньше, чем к смерти.

А наутро после долгих переговоров был подписан договор, согласно которому Мухаммад и его люди в этот год не допускались к Каабе. Заключался мир с Меккой на десять лет, что означало отказ мусульман от набегов на мекканские караваны. На следующий год курайшиты обязывались выйти из города на три дня, чтобы дать мусульманам все-таки совершить все обряды малого паломничества. Далее по этому договору Мухаммад обещал возвращать в Мекку всякого перебежчика, решившего принять ислам и совершить хиджру к нему в Медину, а мекканцы, в свою очередь, были не обязаны возвращать в Медину тех, кто перебежал к ним. Это была явная несправедливость договора, на которую Мухаммад пошел сознательно. Бедуины же освобождались от прежних обязательств и были вольны сами выбирать, с кем заключить им союз: с Меккой или с Мединой. Здесь был единственный потенциально выигрышный для мусульман пункт договора: Мухаммад надеялся, что, освободившись от обязательств перед Меккой, бедуинские племена одно за другим примкнут к исламу. Ради этого он шел на все жертвы – и в итоге, как показали события, не просчитался!

Договор со стороны мусульман был явно проигрышный. Но Мухаммад решился принять и личные унижения при его подписании, притом публично, на глазах своих ближайших друзей. Начало договора было написано сначала мусульманской формулировкой: Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного! Но мекканцы, которым не нравилось это величание Бога, настояли на изменении формулы: во имя Твое, о Аллах! – и Мухаммад к ужасу мусульман на это согласился. Когда далее перечислялись участники договора, то Али, секретарь Мухаммада, привычной рукой написал: Мухаммад, Посланник Аллаха. Однако курайшиты заметили, что они не подпишут такого титула, ибо, если признавали бы Мухаммада посланником Аллаха, то и не воевали бы с ним. Али же заявил, что не станет вычеркивать написанное. Тогда Мухаммад, сам вычеркнул это слово и написал просто свое имя и отчество: Мухаммад ибн Абдалла.

Договор подписали. Стороны еще не успели разойтись, как вдруг прибежал сын главы мекканской делегации, который решил принять ислам, но которого отец силой удерживал в своем доме. Теперь же он сбежал оттуда и хотел присоединиться к мусульманам. К ужасу присутствующих Мухаммад даже теперь не стал нарушать подписанный договор и не принял его, обрекая его на унижение и бесправие. Пророк только постарался сказать ему два утешительных слова о терпении и о неизбежности победы Аллаха.

От всех этих впечатлений мусульмане были уже недалеко до бунта. Немного разрядило обстановку то, что Мухаммад здесь же совершил жертвоприношение верблюдов, приготовленных к этому заранее и так и не дошедших до священных пределов.

На обратном пути приунывших паломников несколько ободрила снизошедшая на Пророка новая сура, в которой совершившиеся события оценивались не как унижение и поражение, но как победа. Она так и называется: "Победа" и стоит в Коране под номером 48. В ней ясно возвещается, что договор при Худайбии означает победу, великую милость Аллаха, а паче всего – сакину, то есть Божественное присутствие с верующими. Это арабское слово происходит от еврейского шехина, от него же происходит греческое и славянское: скиния. Откуда это понятие мог узнать и не раз употреблять Мухаммад в Коране, если он не читал Писания - для меня загадка. Тем более, что употребляется оно там в совершенно библейски правильном значении. И в этой же суре обещалось: "вы непременно войдете в запретную мечеть, если угодно Аллаху, в безопасности... Он знал то, чего вы не знали, и утвердил до этого близкую победу" (48, 27).

Скажем прямо, никогда не читав Евангелия и почти не зная учения Иисуса Христа, Мухаммад поступил в этот раз вполне по-евангельски. И это постепенно стало приносить плоды. Люди потянулись к нему, как к харизматическому лидеру. Мекканцы теряли сторонников, а мусульмане приобретали их. Мухаммад выполнял подписанный договор, не принимая в Медину перебежчиков. В то же время он дал понять курайшитам, что, если эти перебежчики не селятся в Медине, а промышляют сами о себе, то он за них не может отвечать. И действительно, мусульман стало много, и не только в Медине. Не имея возможности теперь поселиться в Медине, они жили и кочевали самостоятельно и не давали мекканцам покоя. В какой-то мере они вновь установили экономическую блокаду Мекки, перехватывая караваны уже без всякого прямого или косвенного участия Мухаммада.

Но самое важное было в другом. Теперь между Меккой и Мединой официально существовал мир, подписанный равноправными сторонами. Это давало возможность для более широкого собеседования мусульман с многобожниками, причем в спокойной обстановке. Теперь любой человек, чувствующий преимущества ислама перед многобожием, мог делать свой религиозный выбор, не боясь угрозы со стороны своих родственников. Ислам приобретал популярность. За эти два года (628-630) в ислам обратилось вдвое больше народу, чем за все время перед этим.

Есть сведения, вызывающие, правда, определенные сомнения, что в это время Мухаммад писал письма к императору Византийскому, шаху Персидскому, правителям Египта, Абиссинии и другим соседям, предлагая перейти в ислам. Более вероятным представляется, что в этих письмах Мухаммад предлагал им признать его пророком, что, конечно, не одно и то же. Судя по мединским сурам Корана (2, 3, 5), Мухаммад явно не считал ислам единственной и для всех универсальной формой богопочитания, он уважал иудейское и христианское богослужение и образ веры, как открытое от Бога раньше. В Коране мы не можем найти свидетельств тому, что Мухаммад понимал бы основные разногласия между иудеями, христианами и разными течениями среди христиан. Но версия о письмах подтверждается тем, что наместник Египта прислал Мухаммаду в подарок двух наложниц.

Впрочем, военных действий Мухаммад еще не прекратил. В том же 628 году он предпринял поход на Хайбар, еврейское поселение, где скрылись ранее выселенные евреи Медины. С собой он взял всего 600 человек, с которыми, после упорной осады, принудил евреев сдаться. Хайбар стал зависимым от Медины и с тех пор платил дань – половину урожая фиников. На тех же условиях подчинились Мухаммаду и евреи оазиса Файдак, не дожидаясь военной осады.

Особенное впечатление произвело на курайшитов паломничество мусульман к Каабе в 629 году. Согласно договору в Худайбие курайшиты удалились из города на три дня и Мухаммаду и его людям дали возможность поклониться в Каабе самостоятельно. На этот раз мусульман прибыло более двух с половиной тысяч человек. Сообщается, что Пророк обнял и поцеловал черный камень Каабы. В дальнейшем его такому жесту подражали и другие мусульманские халифы. (Этот факт возьми в свою копилку, православный христианин, если мусульмане начнут насмехаться над тем, что ты прикладываешься к иконам). В строжайшем порядке и с полным напряжением религиозного чувства мусульмане совершили поклонение и точно в срок удалились из города, оставив его в полном порядке.

Это была значительная моральная победа мусульман. И курайшиты, и бедуины увидели и осознали, что Мухаммад чтит древнее святилище и не пытается нарушать древние обряды

поклонения. Они увидели четкую слаженность в мусульманском стане и полную преданность мусульман своему Пророку. А им самим как раз и не хватало единства, дисциплины и слаженности.

И на следующий год Мухаммад вступил в Мекку уже без всякого сопротивления. Пришел не как паломник, а уже во главе десятитысячного войска. Но мекканцы сдались ему практически без боя. Мухаммад, совершив поклонение в Каабе, очистил древнее святилище, сокрушив всех идолов.

Последовала широкая амнистия побежденным. Некоторые курайшиты приняли ислам со страху, другие – по доброй воле, но никого к этому не принуждали. Вдова одного из курайшитов, погибших при Бадре, которая заклалась съесть печень убийцы своего мужа и исполнившая эту клятву после сражения при Ухуде, теперь пришла и повинилась перед Мухаммадом, приняла ислам и была прощена. Прощены были практически все вожди мекканской армии. Многие из них стали ревностными мусульманами.

Никаких репрессий не было. Вскоре после этих событий Пророк возвестил, что всякая кровная месть отменяется навсегда, а все мусульмане отныне братья.

Вскоре после этого Мухаммад послал отряды к главным святилищам ал-Манат и ал-Уззы – и уничтожил их. После этого предпринял поход на главный город богини ал-Лат – Таиф. Этот город и союзные с ним племена были давними соперниками и противниками мекканцев и в походе на них все мекканцы (и принявшие, и еще не принявшие ислам) были вместе. Главная битва чуть не обернулась для мусульман поражением, но Мухаммад сумел кое-как переломить ситуацию, и сражение окончилось без чьего-то решительного перевеса. Однако Таиф оказался в осаде и сдался на следующий год. Храм Ал-Лат тоже был уничтожен.

Не станем останавливаться подробно на последующих мелких стычках на разных окраинах Аравии. В целом война была окончена, победа пришла к мусульманам большей частью мирным путем. Теперь Мекка стала священным местом для одних мусульман – вход туда для всех многобожников был воспрещен.

Размышление о религии меча

Вот такая была война. Все ее потери в общей сложности, по подсчетам древнего арабского историка, составили 1335 человек.

Мухаммад мирно скончался в июне 632 года, отнюдь не выведя исламское государство или завоевание за пределы Аравийского полуострова. Его преемниками были последовательно два его тестя: Абу-Бакр и Омар, зять Осман, а затем двоюродный брат Али, женатый на дочери Пророка Фатиме. Они именуются в истории ислама праведными халифами.

Тогда же возникли и первые разделения в умме. Еще при жизни Пророка Али и Аиша не ладили между собой. Потом это вылилось уже и в усобицы. Современные шииты – сторонники Али спорят с суннитами – сторонниками Аиши о роли этих личностей в истории ислама. Шииты даже не признают вполне законными первых трех из праведных халифов. Впрочем, и в эту историю углубляться мы не будем. Прежде чем бегло осмотреть дальнейший стремительный взлет ислама в мире, нужно как-то подвести итог жизни самого Мухаммада.

В свете сказанного мы видим всю уникальность этой личности в истории. Похожего на него человека не найдешь. Это и харизматический духовный вождь, и удивительный политический деятель в одном лице. При этом если учесть нулевую степень его образования, то недоумение вырастает до предела.

Для сравнения в становлении христианства мы видим три ступени, три этапа, три разных дела, для которых требовались совершенно разные люди.

1. Основание религии; его мог совершить только Сам наш Искупитель, больше никто;
2. Проповедь Вести о делах и словах Иисуса Христа; здесь нужны были апостолы – нищенствующие и странствующие проповедники, обладающие при этом знанием Писания;
3. Принятие христианской веры на государственном уровне; здесь был нужен человек не меньшего ранга, чем император Константин – законный царь, верующий в Евангелие и готовый не только потрудиться, но и воевать ради него.

И сам процесс занял три века.

Мухаммад три аналогичных дела для своей религии собрал в одном лице и на протяжении только двадцати двух лет своей жизни. Он и пророк, и миссионер, и теократический вождь одновременно. И при этом в начале своей миссии не имевший никакого представления о том, чем все его предприятие может закончиться.

Говорят, что христианство, мол, религия мира, а ислам – религия меча, рожденная и насажденная мечом. Но давайте посмотрим честно.

По сути самого учения о любви к врагам Иисус, конечно, гораздо выше ставит планку людям и, несомненно, Его учение выражает волю Божию полностью. Но давайте сравнивать не сам идеал, а его осуществление в социальном контексте. Ведь без крайней нужды и Мухаммад не стал бы воевать со своими соплеменниками.

Проповедь христианства на начальном этапе приводит к тому, что от двух до пяти процентов членов языческого общества добровольно и радостно принимают Благую Весть. Но и у Мухаммада на этапе его мирной проповеди мы видим примерно тот же результат. Явно не больше.

Следующий вопрос: можно ли ту и другую веру возвести в обществе на заметное, не гонимое, терпимое место и при этом обойтись совсем без крови? Тем более – сделать эту веру господствующей в обществе и государстве?

Давайте смотреть конкретные примеры.

Император Константин впервые сделал христианскую веру государственной. Но ведь дорогу к этому он проложил не иначе, как путем гражданской войны. Как известно, он выступил против своего соправителя Максенция, подобно Ганнибалу, перешел с войском Альпы, вторгся в Италию, в нескольких сражениях разбил войско Максенция. Решающее сражение произошло в октябре 312 г у Мульвиева моста через Тибр. Накануне этого Константин поведал войску о бывшем ему видении креста на небе с надписью: сим победиши. И воины изобразили на щитах кресты, а затем победили превосходящего противника. Силы сторон в той битве были таковы. У Максенция от 75 до 100 тысяч воинов, у Константина – около 50 тысяч. Сравните с масштабом военных кампаний Мухаммада, вам придется поделить эти цифры на десять и на двадцать.

После этой битвы, в которой погиб и сам Максенций, Константин победоносно вступает в Рим и очень вскоре объявляет свой знаменитый Миланский указ о веротерпимости, дающий христианам свободу и возвращение отобранных храмов. Но даже при Константине это было еще не все. Его соправитель и зять Ликиний, подписавший было с ним вместе Миланский эдикт, вновь устроил гонения на христиан и вступил в борьбу с Константином, и был им разбит в 324 г. Вновь для защиты христианской церкви во всей восточной половине империи потребовалась военная сила. И опять же численность войска описывалась не тремя арабскими тысячами.

И ведь это всем известные факты христианской истории, упоминаемые даже в школьной программе, в которой военные действия Мухаммада вовсе не изучаются.

Далеко не без применения меча утвердилось христианство и в славянских странах, и среди германских племен, и у прибалтийских народов. Князь Владимир крестил киевлян спокойно – но так было только в Киеве, где христианская вера была уже давно известна и укреплена кровью мучеников: князей Аскольда и Дира, а затем боярина Феодора и его сына Иоанна и других, неизвестных нам по имени. В остальной Руси языческие восстания были, и их пришлось подавлять силой, особенно в Новгороде.

Христианство, по сравнению с исламом, вера гораздо более трудная, сложная в понимании, можно сказать, элитарная. Ее свободная проповедь в любом народе приводила ко Христу лишь эти самые 2-5 процентов самых духовно чутких и одаренных людей, готовых на самопожертвование за веру, способных подставлять другую щеку. Как ни поверни, но на уровне апостолов и миссионеров христианская вера в мире нигде бы не удержалась долго. Она и не удержалась в древних Индии и Китае, где были герои-миссионеры, не удержалась в Индокитае, в Средней Азии, в большинстве народов Кавказа – везде, куда не дошли христианские воины. Нужны были эти Константины и Владимирсы, с мечами и с войсками, иначе нигде христианство не вышло бы из подполья, и не создалась бы христианская культура. Такова суровая правда истории. "И если бы не защита Аллахом людей одних другими, то разрушены были бы скиты, и церкви, и места молитвы, и места поклонения, в которых поминается имя Аллаха много" (22, 39-40). Кто из нас может что-нибудь на это возразить?

Итак, была ли Константинова битва с Максенцием – гонителем христиан и вообще развращенным и жестоким правителем, – войной священной, войной за Христову веру, христианским джихадом? Если учесть, что решительная победа в ней воспета христианскими историками, именно как победа Божьего Промысла над языческой тиранией, если не забывать о видении, бывшем Константину накануне, и о крестах на щитах римских воинов.

Едва ли не половина современных христиан на планете проживает в Латинской Америке. Трудно сейчас без стыда вспоминать, как именно пришла Благая Весть к этим индейцам. Еще стыднее вспомнить, куда делись коренные жители Северной Америки, подвергшейся не католической, а протестантской колонизации. А если еще об Африке да об Австралии вспомнить?

И после этого мы говорим: ислам – религия, изначально распространявшаяся мечом.

Давайте будем честными и справедливыми. По крайней мере, к исламу изначальному, исламу, проповеданному и проведенному в жизнь самим его Пророком.

Другой интересный аспект той же истории – это политическое объединение страны. Вот Аравия соединилась под властью Мухаммада при его жизни и вскоре после его кончины где-то за десяток лет при таких войнах, при таких потерях. Может быть, тот же вопрос есть смысл задать и к другим народам?

Сколько междоусобиц было в крошечной Греции? Сколько времени продолжалась борьба между Афинами и Спартой, и в какие жертвы она обошлась?

Сколько крови пролил Рим при Юлии Цезаре и после него для превращения из республики в империю?

Сколько времени Иудея преодолевала свои усобицы, начиная от победы Маккавеев и до катастрофы 70-го года?

Сколько веков, наконец, русские князья ковали крамолу брат на брата, да еще и с привлечением печенегов, половцев и татар? Ведь от самого Владимира и до Ивана III. Возьмите любое изложение русской истории. А ведь это были христианские князья и близкие родственники друг другу.

Везде, во всех этих примерах объединение народов, чисто политическое объединение, обходилось этим народам таким числом жертв, которое превосходит арабские жертвы джихада при Мухаммаде на порядок! Не в разы, а в десятки раз.

Нам ли после этого изображать исламского пророка каким-то кровопийцей?

Исламское завоевание

А потом началось арабское завоевание. Абу-Бакр, правивший два года, в основном распространял ислам на Аравийском полуострове. Но уже при нем арабы сразились с отрядами и персов, и византийцев, одержав победы. Основное же завоевание вышло при халифе Омаре. В 638 г арабы осадили Иерусалим. Патриарх Софроний, уже глубокий старец к тому времени, после некоторого времени осады понял, что помощи не будет, вступил в переговоры с арабами и сдал город Омару на почетных условиях. Половину церквей, в том числе главные свои святыни, христиане оставляли за собой. Им гарантировалась безопасность и свободное исповедание веры. Запрещалось только хулить Коран, Мухаммада и вообще ислам, а также прелюбодействовать, жениться на мусульманках и склонять мусульман в свою веру. Кроме того, христиане обкладывались налогом в пользу уммы. Естественно, что теперь они налогов на Византийскую империю больше не платили.

Мусульманские подати на покоренных христиан везде были достаточно равными и справедливыми. Для населения, уставшего от произвола и коррупции при византийских чиновниках, это было даже более привлекательным. И неудивительно, что исламское завоевание пошло достаточно быстро и легко: население, узнав о новых порядках, принимало их. При этом в Египте и в Сирии часть христиан обратилась в ислам, но значительная часть сохранила свою веру. И там они много веков и до сего дня живут мирно бок о бок. В Персии язычество было сокрушено, и христиане даже получили большую свободу, чем прежде. После арабского завоевания Восточная христианская Церковь ("несториане") пережили расцвет и образования, и миссии, и культуры, проповедавшие Евангелие почти во всей Азии, в Индии, и в Китае, и в Средней Азии.

Да и само исламское завоевание не похоже на набеги диких орд гуннов или монголов. Арабы постепенно научились воевать не так, как при Бадре и Ухуде, освоили военное дело на высоком уровне своего времени. Но они всякий раз легко шли на мирные переговоры, помогали осажденным сдаться на легких для себя условиях, не занимались грабежом и геноцидом. Всего 15 тысяч арабов в 640-41 годах завоевывают четырехмиллионный Египет и берут город Александрию с полумиллионным населением. Византийцы предпринимают попытку высадить десант с моря, но снова терпят поражение, поскольку теперь большинство населения уже не желает зависеть от Византии. Ислам закрепляется. Его или принимают, как свою религию, или же терпят, как вполне терпимую религию завоевателей. Почему так?

С политической точки зрения ранний ислам предложил покоренным народам умеренное налогообложение, справедливый суд и веротерпимость к "людям Писания".

С религиозной точки зрения он притянул сердца простотой в понимании, несложностью в исполнении и опять же – уважением к прежним пророкам и писаниям. Неграмотному человеку, вращавшемуся в атмосфере христологических споров, среди борьбы церковных партий, насмерть враждующих между собой из-за разницы в одном слове ("в двух природах" – "из двух природ"), – такому человеку все это могло уже надоесть. И простое исламское единобожие для такого служило сильным искушением. Он продолжал успокаивать себя тем, что и теперь почитает Иисуса одним из высших пророков. А плоды Его искупительного подвига? О них он и прежде не напрягал свое сердце и голову, и теперь оставлял их без особой боли.

Постепенно мир в исламском представлении поделился на три зоны. Зона мира – собственно исламские государства, зона договора – территории, где христиане живут в исламских государствах (или мусульмане в неисламских) на оговоренных и соблюдаемых условиях, а все остальное – зона войны. Вполне естественно, что религия, считающая себя верной, стремится к мировому господству, по меньшей мере, к тому, чтобы быть проповеданной и принятой во всем мире. Такую задачу поставил Иисус Христос своим ученикам (Мф. 28, 18-19; Мк. 16, 15; Деян. 1, 8), такую же ставит и ислам. Но как завоевать сердца людей грешных, понимающих и уважающих язык силы в первую очередь, а потом уже слова о душе, о Боге, о грехе и о справедливости? Только ли проповедью можно их покорить? На таком пути вы и получите максимум два своих процента от населения данной земли.

Иисус не заповедал апостолам "проповедовать мечом". Но, как мы уже видели, на белом свете мало где получилось укрепить христианство совсем без меча. Ислам же это учитывает сразу. Мы уже приводили аят Корана: "если бы не защита Аллахом людей одних другими, то разрушены были бы скиты, и церкви, и места молитвы, и места поклонения, в которых поминается имя Аллаха много". Это констатация факта. Поэтому и разрешает ислам свою проповедь подкрепить сразу силовыми акциями. В реальной истории исламская проповедь работала после военного завоевания. А в христианской истории так тоже, к сожалению, случалось и достаточно нередко. В том числе и в отношении мусульманского государства (Казанского ханства).

Коран и история Мухаммада – это одно, а реальная история позднейшего ислама – это немного другое. Подобно тому, и Евангелие – это одно, а реальная христианская история – совсем иное. Мы все не очень похожи на свои религиозные идеалы и первоисточники. Это нужно помнить за собою, и уметь друг другу это прощать.

Конечно, реальное исламское завоевание, покусившись на весь мир, грозило уничтожить вообще всю христианскую цивилизацию. Милостью Божией этого не произошло. Арабы, захватив всю Северную Африку, переправились в Испанию, прошли ее и вторглись во Францию. Остановлены они были в знаменитой и тяжелой битве при Пуатье (это даже не Южная, а почти Северная Франция). Потом и турки пытались продвигаться в Европу через Балканы, и тоже, несмотря на ряд поражений христиан, были остановлены. Милостью Божией и князь Владимир, послушав исламских проповедников, выбрал все-таки христианство. В исламских государствах даже при относительной веротерпимости к христианству все-таки евангельская миссия невозможна, а христианская культура, благодаря этому, находится в зажатом состоянии. И спасение христианской цивилизации от исламского захвата – это явное Божие дело.

Западная христианская цивилизация защитилась от ислама мечом, потом и сама ответила умме крестовыми походами. В итоге отношение Запада к исламу сложилось подчеркнуто

негативным и несправедливым. Русское православное христианство тоже воевало с татарскими ханствами и с Турцией, но, в отличие от Запада, никогда не вело против ислама священной войны, и потому явило множество примеров совместного мирного существования. Господь пока хранил нас от порабощения исламскому миру, будем надеяться, что сохранит и от озлобления, и от ожесточения против него и впредь.

Святые отцы об исламе

Современные антиисламские полемисты из православного лагеря любят цитировать святых отцов, писавших о Коране и Мухаммаде в уничижительном тоне. И, соответственно, ставят их в пример. (Мы не приведем здесь ни одной отеческой ссылки или цитаты по соображениям братьев Хама). Почему не следует этого делать?

Потому что этих святых Отцов нужно понимать с учетом исторического контекста, в котором родились у них заметки об исламе. Это контекст ожесточенной, временами кровавой вражды против христологических ересей, когда за очень небольшим догматическим или даже дисциплинарным расхождением следовали вычеркивания из диптихов, анафемы и вся та же самая пачка эпитетов, которые потом приложились и к Мухаммаду: безбожнейший, нечестивейший, второй Иуда, предтеча антихриста и так далее. Такими кличками осыпали христианские епископы и друг друга. Эти клички потом могли быть сняты и забыты. Так святитель Фотий, патриарх Константинопольский, после краткого периода своего патриаршества был изгнан, низложен собором со всеми такими формулировками, записанными даже не чернилами, а евхаристической кровью, а через десять лет (судьба переменчива!) вновь восстановлен на кафедре с почитанием прежнего собора *яко не бывшим*. И вновь из «нечестивейшего» стал «благочестивейшим».

Так что ничего удивительного нет. Если учение Мухаммада поняли, как не христианское (а какое же оно?), то все проклятия, разумеется, были под рукой. Пророку ислама ошибочно приписали самый главный тезис – **отрицание** христианства. Мы видели уже, и увидим еще, что это большая историческая ошибка. В отношении Мухаммада речь должна идти не об отрицании, а о незнании Евангелия и православно-кафолического исповедания веры. В отношении его последователей речь идет только об их верности Корану. Соответственно, мусульман следовало понять не как борцов против Христа, а как не дошедших до Христа, - и почувствовать эту разницу. А вовсе не приравнивать их к иудеям и язычникам.

Из уничижительных высказываний святых отцов об исламе становится очевидным, что они не знали ни Корана, ни истории Мухаммада, хотя бы в том кратком изложении, что приведено выше. И свои оценки многие из них давали в боевой обстановке. Это письма из христианского тыла в тыл исламский, к христианам, попавшим под власть мусульман. Ради укрепления их в вере. Но, мне думается, такие оценки должны были приводить к результату, обратному поставленной цели. Адресаты читали эти ругательные и необоснованные обвинения и сравнивали их с реальностью, которую знали лучше. Не могли не видеть несправедливости приведенных оценок. И тем проще переходили в ислам.

А до мусульман, видимо, эти отзывы также доходили. И какие же выводы должны были мусульмане делать о христианах, называвших их Пророка «безбожнейшим»? Как ты думаешь? Совершенно верно: эти мусульмане все дальше и дальше отодвигались от христианства, все больше верили тому, будто христиане насквозь лживы и само Евангелие у них изначально испорчено. А заодно они с тем большей ревностью устремлялись в поход на христианские земли, неся туда, так сказать, истинную религию. Ничего другого от таких обличений ждать не приходилось.

В общем, огонь ревности по правой вере поджигал дом этой самой веры – Византийскую империю. Пока не сжег практически дотла.

Отметим, что поношения – это не единственный способ оценки, который христиане применяли к иноверцам, не только к мусульманам, но и к язычникам. Вот, допустим, знаменитый языческий ритор Ливаний, у которого в разное время учились святые Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Эти величайшие из святых отцов, глубоко культурные люди никогда не обзывали этого философа «безбожнейшим», а обращались к нему всегда с почтением, хотя он был одним из лидеров языческой партии. Соответственно, от Единого Бога и Христа Его отстоял

подальше, чем Мухаммад. Соответственно, и он сам уважал христиан. А ведь к тому времени между христианами и язычниками-эллинами пролегли века гонений, протекли реки мученической крови. Но великие святые тем и велики, что ненависть и кровь они не превращали в традицию.

Их примеру по отношению к исламу не последовали те, кто были позже.

Но и среди православных отцов встречались те, кто способны были с мусульманами к конструктивному диалогу. И тем самым, разумеется, больше способствовали евангельскому делу. Так св. Григорий Палама имел собеседования с мусульманами и не отзывался о них уничижительно. Первый подтурецкий патриарх Константинополя св. Геннадий Схоларий также долго беседовал о вере с султаном Мухаммедом-Завоевателем и представил ему изложение православной веры, свободное от антиисламских выпадов. Так что и православные иерархи воспринимали отношения с исламом по-разному.

И нам эти отношения нужно строить по-евангельски, умно и справедливо.

Размышление о Промысле Божиим

Вера в Промысел Божий, покорность ему составляют важную черту верующего человека. Как с этой точки зрения оценить такое явление, как ислам?

Сразу скажу: у меня нет ответов здесь на все вопросы. Но достаточно аргументов, чтобы отбросить две явных крайности:

1) будто только ислам – единственно верная религия, как считают многие мусульмане, хотя на этом не настаивает Коран;

2) будто ислам имеет только человеческие или даже сатанинские корни, как считают многие вокруг нас, кто не знает, о чем идет речь.

Мухаммад считал, не зная Писания, что его пришествие, как пророка, предсказано в Библии. Это отражено и в Коране. Мусульмане отыскивают эти свидетельства и толкуют их в желанном для себя смысле, но все эти толкования очень натянуты и не согласуются с контекстом. Библии Коран не требуется в качестве недосказанного завершения к Книге, подобно тому, как Ветхому Завету действительно требуется Новый Завет, чтобы "накрыть" устремленные вперед мессианские пророчества. Это так, но справедливо ли на таком основании считать Мухаммада лжепророком?

Можно посмотреть, сколько было в истории и сколько есть сейчас настоящих классических лжепророков, и чем они кончали.

Вожди иудейских восстаний против Рима не раз являлись в таком качестве. Предводитель восстания 130-135 г Бар-Кохба был даже официально помазан раввинами в качестве Мессии. Кто из этих людей сохранил бы в истории свой пророческий титул? Никто. Сами события, ход истории свершили над ними свой суд.

Не нравятся вам политические повстанцы, - возьмите такого лжепророка II века, как Монтан. Он относил к себе слова Евангелия от Иоанна об Утешителе (точно так и мусульмане относят эти же слова к Мухаммаду). Его движение практически при его жизни захирело и локализовалось, потом его последователи в качестве экзотической редкости протянули еще два-три века, но никто уже не воспринимал их всерьез. Им оставлен "памятник" в православной Книге Правил: под именем "пепузиан" или "фригийцев" их предписывается крестить при обращении к вере. Но покажите нам "пепузианскую" цивилизацию и культуру, покажите "фригийскую" мировую религию.

Лжепророк Мани (Манес) основал тоже свою секту манихеев и она просуществовала тоже около четырехсот лет, хотя в расцвете была не более столетия. И та же судьба вскоре постигла и ее.

Из современных лжепророков возьмите хотя бы "белых братьев" с их лидерами. Куда делось столь шумное и пестрое движение? Лжехриста Виссариона можно и теперь своими глазами увидеть, чтобы легко догадаться, где будут его последователи после его смерти. Чуть отступя во времени назад, можно встретить основателя мормонов, или Елену Уайт со своими адвентистами, или коллегиально управляемую секту свидетелей Иеговы.

Кого ни возьми – все это рядом с исламом не лежало. Всякий раз это возбужденные массы людей, их довольно много, и амбиции их достаточно велики, но их движение довольно быстро сходит на нет. Всякий раз оно "раскручивается" на идее близкого конца света – и в этом именно несет начало своего "закручивания обратно". Проходит двадцать, пятьдесят лет – конец света еще

можно перенести, как это четырежды удавалось свидетелям Иеговы и адвентистам, но ведь не три же века будет виться эта веревочка, пока найдет свой конец! Мировой религии из этого не получалось никогда, хотя посмотрите, сколько к этому было попыток. Елена Уайт и Виссарион, вероятно, из анналов истории не исчезнут. Но если будущее будет, их движения, давно уже потерявшие первоначальный энтузиазм, растворятся в христианстве или просто исчезнут.

Над лжепророками, сущими в прелести, властен Промысел Божий. Ни один лжепророк не оставил после себя такой религии с растущим числом последователей, которая, пережив четырнадцать веков бытия, чувствовала бы в себе свежие силы своей юности.

Кроме того, разве этот "аргумент от Промысла" не используем постоянно мы, христиане, отстаивая свою собственную веру? Ведь нам же постоянно вещают, будто евангельская история искажена, а убеждения первых христиан (всегда очень абстрактно указывается, кто это такие) забыты, и что будто бы всю нашу веру изобрели некие покорные Константину епископы. И какую только кучу обвинений не накатывают на христианство! Наш ответ всегда идет отсюда же: если Бог есть, и Он желает людям добра, то как Он допустил победу и доминирование в современном мире такой страшной мистификации, каковою вы представляете себе христианство? На этот вопрос нет у критиков внятного и разумного ответа. Им просто приходится признавать, будто бы Господом истории является не Бог, а сатана или слепой случай, другого выхода у них нет.

Доселе мы видели, как Промысел Божий, управляемые Им обстоятельства истории, как будто способствовали возвышению ислама, причем всерьез и надолго. Но тот же Промысел и мусульманам ставил пределы. Мир не отдан им. У них нет ни монополии на преуспевание и влияние в мире, ни единства между собой.

Мне думается, что влияние ислама в сравнении с древними и новыми сектами велико потому, что изначальные претензии на свою единственность и исключительность в исламе были гораздо меньше, чем у лидеров сект. И, с другой стороны, веротерпимость ислама к "людям Писания" в истории всегда была гораздо больше, чем это представляют себе современные "люди, бросившие Писание". И христиане, и иудеи в исламских странах (особенно в культурной арабской среде) жили большей частью вполне сносно.

"Собака зарыта" в том, что об исламе мы постоянно судим не по его классическим образцам, не по первоисточникам, а по исламским сектам, преимущественно радикального толка. Да, там хватает и нетерпимости, и фанатизма, и невежества, и насилия. Все эти секты, как и христианские, приходят и уходят, сменяя друг друга, оставляя вокруг "материнской" религии свое зловоние. Но не они определяют содержание самой религии, не ими определяется общий ход истории, не по ним и нужно судить о религии.

Часть третья. Коран и Евангелие

Людям свойствен слишком упрощенный взгляд на многие вещи. Мы часто рассуждаем примерно в таком стиле: "если это не ядовито, то почему бы не съесть, а если это не едят, значит, оно ядовито". Но очевидно, что существуют несъедобные и неядовитые вещи. Существуют и вполне съедобные вещи, которых мы не едим, а, допустим, японцы едят. В области кулинарии это вроде бы понятно, но жизнь вообще штука сложная, особенно религиозная жизнь. И в ней, оказывается, нужно стать достаточно взрослым и рассудительным, чтобы не впадать в приведенную выше ошибку упрощенчества.

Изложив некоторым собеседникам примерно все то, о чем сказано выше, я обычно встречал подобную же, так сказать "упрощенную" реакцию. Собеседник (мусульманин или христианин, неважно) берет трезубец логических аргументов, и, воображая меня неким змеем, начинает меня этим трезубцем припечатывать. Вот три зуба на его оружии:

1. Если ислам – хорошая религия, то почему ты туда не перешел?
2. Если возможны две разных истинных религии, то значит ты – экуменист, синкретист и отрицатель абсолютной истины?
3. Если же ты, как представился, христианин и желаешь им оставаться, то как ты можешь писать столько лестного и доброго об исламе?

Короче, как у Маяковского: "не задушим, так нас задушат".

Люди "с трезубцем" не поверят, если я повторю: ислам – хорошая, добрая религия, но переходить туда христианину не надо, и синтетическую религиозную кашу варить тоже не нужно. Я знаю, что для молодых людей три эти позиции несовместимы все вместе. Так было и у меня когда-то. Тут просто ничего не сделаешь, нужно только внимательно вникать в любой предмет и немножко умудриться. Поумнеть нужно. Можно ли это сделать побыстрее? Не знаю. Примерно к сорока годам большинство людей умнеет этим самым жизненным умом. Раньше умнеют немногие. Людей, которые были бы умны уже в двадцать лет, я не встречал, сам, конечно же, в таком возрасте и близко не был умным. Но захотеть поумнеть и понять, что пока умишка-то не хватает, может и относительно молодой человек. И это – залог того, что Бог ему поможет. И он станет мудрым, который учится всю жизнь.

Итак, если читатель заинтригован, если сам еще не поставил автору диагноз: "с ним все ясно", то вместе с таким читателем можно взглянуть поближе на учение Корана и его соотношение с Евангелием и христианством. Если взять заранее очень упрощенную, но в целом близкую к истине гипотезу: в Коране содержится правда, но не вся правда, - то имея ее, мы дальше сможем подтвердить ее или поправить. Важно, что эта посылка выводит нас из-под трезубца критиков и подает возможность спокойно дальше заняться предметом, без проклятий, вражды, без страхов (ах, меня сейчас религиозно переагитируют!) и прочих негативных эмоций.

Отношение Корана к Библии

Начинать нужно, конечно, не с догматических положений, не с доктрин, а с источников.

Христианин, начинающий читать Коран, с интересом для себя обнаруживает повсюду доброе и очень почтительное отношение к Священному Писанию. При этом нужно сразу же крепко затвердить себе и никогда не забывать: Мухаммад не читал Библию, Писание он знал только в отрывочных пересказах. И эти пересказы, подтвержденные или переложённые по его пророческому вдохновению, составляют в целом едва ли не большую часть Корана. Причем истории Ветхого Завета пересказываются гораздо чаще, подчас сходными словами. Это вполне согласуется с тем, что с евреями Мухаммад общался гораздо дольше и более тесно, чем с какими-либо христианами. Вообще, в мусульманской среде это нерешенный, дискуссионный вопрос: общался ли с какими-то христианами сам Мухаммад после начала откровений? Прямых и вполне достоверных сведений об этом, повторим, нет, кроме пары хадисов, а мнения я слышал разные. Мусульмане, некоторое время спасавшиеся в Эфиопии, христиан, конечно, видели, какие-то сведения о них, несомненно, передавали своему Пророку. А вот о личных контактах самого Мухаммада с христианами точных сведений нет.

Итак, первейшее и важнейшее обстоятельство: Коран содержит многократные смысловые пересказы из Библии, очень похожие на проповедь. Несмотря на отдельные расхождения в деталях, эти проповеди наглядно показывают желание Проповедника опираться на Писание, утвердить его авторитет и вероучительную ценность. Мухаммад чтит ряд библейских пророков и сознает себя в одном ряду с ними, делающим и продолжающим их пророческую миссию. Неуважение к любому библейскому пророку в исламе резко осуждается. Настолько резко, что мусульмане считают подложными в Библии те места, где упоминается о грехах пророков и праведников, вроде согрешения Давида.

Помимо этих смысловых пересказов библейских историй Коран содержит и прямые оценки прежде бывшего Писания.

"Те, кому Мы даровали писание, читают его достойным чтением - те веруют в него. А если кто не верует в него - те будут в убытке" (2, 121).

"Это - потому, что Аллах ниспослал писание во истину, а те, которые разногласят о писании, конечно, в далеком расколе. Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие - кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в **писание**, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, - и исполняющие свои

заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, - это те, которые были правдивы, это они – богоязненные" (2, 176-177).

Не правда ли, этот аят высказан совсем в евангельском духе!

"Ниспослал Он тебе в истине, подтверждая истинность того, что ниспослано до него. И ниспослал Он Тору и Евангелие раньше в руководство для людей и ниспослал Различение. Поистине, те, которые не веруют в знамения Аллаха, - для них сильное наказание" (3, 3-4).

Здесь нужно пояснить, что одним и тем же словом "аят" в арабском языке определяется и знамение, и стих пришедшего от Бога Писания. Поэтому, последнее предложение можно пояснить и так: кто не веруют стихам Божественного Писания, тем сильное наказание.

А есть даже и такое место:

"И вот взял Аллах с тех, кому даровано Писание, завет: "Вы будете разъяснять его людям и не будете скрывать". Но они бросили это за свои спины и купили за это малую цену. Скверно же то, что они покупают!" (3, 187).

Ни один мусульманин, наверное, не поверит, что Коран призывает "людей Писания" разъяснять это Писание, не скрывая из него ничего, то есть, вести евангельскую проповедь! Тем не менее...

И все же, нужно отметить, что в Коране постоянно делается упрек людям Писания, что они относятся к нему недостойно, разногласят, спорят о нем, а что еще хуже: сознательно скрывают из Писания нечто важное.

"О, обладатели писания! Почему вы не веруете в знамения Аллаха, раз вы их свидетели? О, обладатели писания! Почему вы облачаете истину ложью и скрываете истину, в то время как вы знаете?" (3, 70-71)

Такие мысли повторяются в Коране неоднократно, нет смысла выписывать все по этой теме. Вторая и третья суры, откуда взяты все эти цитаты и где больше всего обвинений "обладателям Писания" (параллельно с похвалами самому Писанию!), написаны в Медине, как раз во время войны с Меккой и во время "разборки" с мединскими евреями. Даже если эти слова мусульмане отнесут на счет христиан, не следует забывать, что, когда говорились эти суры, перед глазами Пророка не было христиан, но зато перед уммой остро стоял "еврейский вопрос". Может ли христианин вслед за Кораном поставить подобный упрек иудаизму, упрек в сознательном сокрытии чего-то из Писания? Разве история Иисуса не должна быть частью Священного Писания? Разве сведения о нем не известны евреям? Что же они говорят об Иисусе Христе? – Это вполне законные вопросы, которые мог поставить евреям Мухаммад. И в Коране содержатся обвинения иудеям не только за сокрытие правды, но и за их отношение к Иисусу и Деве Марии.

Есть еще одно важное место, которое нельзя пропустить в этом далеко не полном перечне цитат Корана о Писании:

"Мы низвели Тору, в которой руководство и свет; судят по ней пророки, которые предались, тех, кто исповедует иудейство, а раввины и книжники - сообразно с тем, что им дано на хранение из писания Аллаха, и они - об этом исповедники. Не бойтесь же людей, а бойтесь Меня! И не покупайте за Мои знамения малую цену! А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это - неверные... И отправили Мы по следам их Ису, сына Марйам, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором - руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных. И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах. А кто не судит по тому, что низвел Аллах, те - распутники. И Мы низвели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из писания, и для охранения его. Суди же среди них по тому, что низвел Аллах, и не следуй за их страстями в сторону от истины, которая пришла к тебе. Всякому из вас Мы устроили дорогу и путь. А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, но... чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах! К Аллаху - возвращение вас всех, и Он сообщит вам то, в чем вы разногласили!" (5, 44-48).

Здесь сказано очень много важного. Во-первых, Тора и Евангелие (то есть, Ветхий и Новый Завет) – это Божественное откровение. Во-вторых, по ним можно и нужно судить о Божьей воле, Божьих заповедях и судьбах. В-третьих, цель откровения Мухаммаду – подтвердить то, что в

Писании. В-четвертых, в очередной раз осуждаются "люди Писания" за неверность Писанию и небрежность о нем (поистине, это справедливый упрек и для нас сейчас!). И в-пятых, что важнее всего: Коран не настаивает, что путь уммы – это единственно верный Божий путь; свой путь и у "людей Писания". Нужно стараться опередить друг друга в добрых делах, об остальном рассудит Аллах! Опередить друг друга в добрых делах – это неоднократный призыв в Коране.

Поистине, такой веротерпимости нет в Библии, ни в Ветхом, ни в Новом Завете! Поэтому говорить о нетерпимости ислама – это явная несправедливость. Нетерпимы бывают отдельные течения в исламе – это верно, – но не само учение Корана, и, конечно, нетерпимости не было в делах самого Мухаммада.

Отношение Корана к христианам

Дело в том, что аят (5, 48) не единственное место, где Коран отказывается огульно осудить "людей Писания" за их веру. Та же самая вторая сура, написанная в боевой обстановке осажденной Медины, содержит еще, как минимум, два важных места на эту тему:

"Поистине, те, которые уверовали [в Коран], и те, кто обратились в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое, - им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны" (2, 62, ср. также 5, 69 – это повторяется почти дословно).

И опять о том же:

"Действительно, среди обладателей писания есть такие, что веруют в Аллаха и в то, что ниспослано вам и что ниспослано им, смиряясь пред Аллахом; они не покупают за знамения Аллаха малую цену. Эти - для них награда их у их Господа. Поистине, Аллах быстр в расчете!" (3, 199).

Поистине, у нас есть возможность доказать мусульманам на основании Корана, что у нас, христиан, нет никакой необходимости переходить в ислам. Коран этого не требует, и Мухаммад этого от нас не требовал. Он требовал только не мешать его проповеди среди многобожников. А ведь мединская история хранит такие случаи, когда евреи делались сторонниками мекканцев против Мухаммада и, будучи спрошены многобожниками о том, чья вера лучше: их собственная, языческая, или вера Мухаммада, предпочитали арабское многобожие исламу. Вот какие, оказывается, бывали "люди Писания"! И, тем не менее, даже в обстановке борьбы с этими евреями не провозглашает на них Мухаммад в Коране осуждения за саму их веру, а возвещает суд каждому человеку по его делам. Удивительно!

Но это еще не все.

"Не одинаковы они, - среди обладателей писания есть община стойкая: они читают знамения Аллаха в часы ночи, совершая поклонение. Они веруют в Аллаха и последний день приказывают одобряемое и удерживают от неодобряемого. Они спешат друг перед другом в совершении благого; они - праведники. Что бы вы ни сделали доброго, никогда его не будут отрицать за вами. Поистине, Аллах знает богобоязненных!" (3, 113 – 115).

Вот и мы давайте не станем отрицать добро за мусульманами, когда они делают добро. Это достойный и правильный призыв! И будем помнить, что богобоязненных Бог знает лучше, чем мы. И вот еще одно важное свидетельство Корана:

"Ты, конечно, найдешь, что более всех людей сильны ненавистью к уверовавшим иудеи и многобожники, и ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: "Мы - христиане!" Это - потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся" (5, 82).

Вот такое сравнение "людей Писания" между собою, и оно оказывается в пользу христиан. Да, пожалуй, стоило бы послушаться Евангелия, которое учит нас не превозноситься. Но справедливости ради приведем и дальнейший текст Корана, сразу после этих слов:

"А когда они слышат то, что низведено посланнику, то ты видишь, как глаза их переполняются слезами от истины, которую они узнали. Они говорят: "Господи наш! Мы уверовали, запиши же нас с исповедниками!" (5, 83).

Весьма вероятно, что эти слова навеяны опытом Эфиопской эмиграции, и что, в конце концов, было немало христиан, перешедших в ислам добровольно. Тем не менее, Коран не принуждает к этому: "Нет принуждения в религии" (2, 262).

Отвлекусь немного и спрошу читателя: а доводилось ли тебе читать писания настоящих лжепророков. Например, "епископа" Иоанна Береславского? Или того же лжехриста Виссариона? Ведь там, кстати говоря, никак не встретишь такой терпимости к параллельно существующим древним религиозным традициям и общинам. Там нетерпимость, там отчаянное превозношение. Мы спасемся, а все прочие погибнут! – и никаких полутонов, никаких вопросов, никаких ссылок на то, что Бог, наверное, Сам рассудит, поскольку Он знает то, чего мы не знаем. Здесь отличие от Корана прямо-таки разительное, контрастное, которое трудно не заметить. И не здесь ли ключ к разгадке тайны жизнеспособности ислама? Уверовавшие – не превозносятся. Это же так важно: дать судейское место Богу, не перебегать Ему дорогу, не посягать на Его функции, выполняя свою, полученную от Него, задачу.

Искажение Писания, как оно понимается в Коране

Несмотря на все сказанное выше, Коран вовсе не является некой христианской или иудейской апологетикой, каким-то путем, приводящим в христианство или иудейство. Об исламе, как самостоятельной и, по меньшей мере, наиболее правильной религии, в Коране настойчиво повторяется. "Люди Писания" терпимы, как потенциальные прозелиты ислама или как некие "недомусульмане", "полумусульмане". Но, вообще говоря, их путь, по Корану, хуже предлагаемого Мухаммадом ислама тем, что они поделились на враждующие партии и толки, и впустили в свою веру много сложного и ненужного.

(Иногда, читая Коран, я удивляюсь трогательной вере Мухаммада в то, что его умма останется единой – в отличие от христианских и иудейских партий; останется единой именно благодаря своей простоте, что она не перегрузится, как христианство и иудейство своими преданиями и толкованиями, что Коран, изложенный "языком арабским, ясным", все мусульмане всегда будут понимать одинаково. Коран нисколько не предполагает, что очень вскоре и между мусульманами возникнут разногласия, не меньшие, чем в христианском мире, хотя в Коране и есть призывы к единству мусульман).

Итак, кроме одобрения Библии, Коран содержит и претензии к "людям Писания". Об одной мы уже упомянули: это сокрытие сведений оттуда, упрек, по смыслу относящийся больше к иудеям, нежели христианам. Другой упрек – в сознательном искажении Писания:

"А среди них есть такие, которые своими языками искривляют писание, чтобы вы сочли это писанием, хотя оно и не писание, и говорят: "Это - от Аллаха", а это - не от Аллаха, и говорят они на Аллаха ложь, зная это" (3, 78). Есть и параллельные места с тем же смыслом.

Всякий, изучавший историю раннего христианства, вынужден согласиться, что это правда, что люди, сочинявшие подложные евангелия, составлявшие целые романы о деяниях апостолов и подложные послания от их имени, в истории были. Однако здесь не говорится, что все Писание уже безнадежно искажено. Более того, вполне законно и даже предпочтительнее понять это место так, что люди, искажающие Писания "своими языками", предлагают не какой-то подложный текст Писания, как будто бы более правильный, а предлагают свою интерпретацию уже существующего правильного Писания, неверную по сути, но с претензией на единственную верность. Ведь речь идет именно об устном учении этих извратителей Писания, а не о каких-то новых документах под видом Писания. Никто не станет спорить, что ложных интерпретаций Писания в церковной истории было больше, чем достаточно, еще больше, чем подложных документов, выдаваемых за Писание.

И, однако, это не означает, что все Священное Писание у нас искажено или утрачено.

Но посмотрим на дальнейший текст этой же суры:

"Не годится человеку, чтобы ему Аллах даровал писание, и мудрость, и пророчество, а потом он сказал бы людям: "Будьте рабами мне, вместо Аллаха, но будьте раввинами за то, что вы учите писанию, и за то, что вы изучаете". И не прикажет Он вам, чтобы вы взяли ангелов и пророков господами. Разве ж Он прикажет вам неверие после того, как вы - предавшиеся? (3, 79-80)

Очень хорошее и правильное обличение сектантов, старцев, собирающих общины "под себя", ставящих свой авторитет выше Писания. Причем, это относится, как к иудейским, так и к христианским сектантам. Мусульмане, впрочем, видят здесь намек на то, что в христианстве Иисуса именуют Господом, но это тема особая, мы рассмотрим ее дальше (см. здесь также 9. 31).

Есть в Коране и такое место (от лица Бога, во множественном числе):

"И с тех, которые говорят: "мы - христиане!" - Мы взяли завет. И они забыли часть того, что им было упомянуто, и Мы возбудили среди них вражду и ненависть до дня воскресения. А потом сообщит им Аллах, что они совершали! О, обладатели писания! К вам пришел Наш посланник, чтобы разъяснить многое из того, что вы скрываете в писании, и проходя мимо многого. Пришел к вам от Аллаха свет и ясное писание; им Аллах ведет тех, кто последовал за Его благоволением, по путям мира и выводит их из мрака к свету с Своего дозволения и ведет их к прямому пути" (5, 14-16).

Довольно немалое, так скажем, притязание, притом, как мы увидим далее, совершенно невыполненное. Как бы ни оценивать происхождение Корана, но евангельских событий он не дополняет и не корректирует. "Многое из того", что христиане якобы "скрывают" в Писании, никак не раскрыто. Но очевидно, что, изрекая Коран, Мухаммад был уверен, будто и Тора (Ветхий Завет), и Евангелие предсказывают пришествие его, Мухаммада, как пророка в силе Моисея. Так в одном из многих рассказов о Мусе (Моисее) приводится речь Аллаха (опять от первого лица множественного числа) к Мусе:

"... Которые следуют за посланником, пророком, простецом, которого они находят записанным у них в Торе и Евангелии, который побуждает их к доброму и удерживает от неодобряемого, разрешает им блага и запрещает им мерзости, снимает с них бремя и оковы, которые были на них, - вот те, которые уверовали в него, и поддерживали его, и помогали ему, и последовали за светом, который ниспослан с ним, это - те, которые имеют успех!" Скажи: " О люди! Я - посланник Аллаха к вам всем, того, которому принадлежит власть над небесами и землей, - нет божества, кроме Него; Он живет и мертвит. Веруйте же в Аллаха и Его посланника, - пророка, простеца, который верует в Аллаха и Его словеса, и следуйте за ним, - может быть, вы пойдете прямым путем!" (7, 157-158).

Конечно, мы заметим тут, что при жизни Моисея даже Тора (не только Евангелие) еще не была записана. Но дело не в этом анахронизме, ибо расстановка кавычек прямой речи зависит от воли переводчика. Но общий смысл все-таки таков. Коран выражает уверенность, что в Торе и Евангелии (которых не читал пророк-простец Мухаммад) есть пророчества о его приходе, почему-то согласно скрываемые, как иудеями, так и христианами, несмотря на все их взаимные разногласия между собой. Вот еще более ясный аят на эту тему:

"И вот сказал Иса, сын Марьям: "О сыны Исраила! Я - посланник Аллаха к вам, подтверждающий истинность того, что ниспослано до меня в Торе, и благовествующий о посланнике, который придет после меня, имя которому будет Ахмад". Когда же он пришел с ясными знамениями, то они сказали: "Это - явное колдовство!" (61, 6).

В дальнейшем мусульмане эти пророчества в Библии о грядущем арабском пророке отыскивали и растолковали в пользу Мухаммада. Все эти размышления их довольно спорны, но, вообще говоря, и сами библейские пророчества в большинстве своем неясны и неоднозначны. Почти никогда нельзя точно сказать, к какому лицу и к какому моменту времени их можно отнести, и можно ли их отнести только к одному лицу и к одному моменту времени. Потому, кстати, иудео-христианская полемика по вопросам интерпретации мессианских свидетельств Ветхого Завета веками идет без решительного успеха. Есть пророчества, которые мусульмане считают сбывшимися на Иисусе – по-своему, а затем еще и на Мухаммаде – по-своему. Подробнее об этом мы скажем в приложении 1.

На основании всего комплекса сведений о Писании, данных в Коране и в сокращении приведенных нами здесь, у мусульман сложилось примерно следующее отношение к Библии:

- а) это истинное Божие Писание, данное через пророков;
- б) христиане и иудеи его исказили, убирая одно, и добавляя другое;
- в) в итоге, оно восстановлению не подлежит;
- г) и сейчас оно нам ненужно, поскольку вполне адекватно заменено Кораном.

С таким отношением согласиться трудно. Дело в том, что Мухаммад не читал Писания. Он не видел в нем какой-то красной нити, логичной завершенности. Потому и Коран не считает Писание искаженным слишком сильно. Слушая откровения Мухаммада по этому вопросу, его прямому слушателю логично было бы предположить, что между христианами существует направление, которое держит Писание прямо – и оно, это Писание, во всех основных идеях полностью совпадет с Кораном. Но действительность оказалась сложнее.

Во-первых, кумранские рукописи, найденные после 1947 г, окончательно доказали, что текст Ветхого Завета был и во времена Иисуса таким же, как во времена Мухаммада. Исследование Нового Завета показывает, что, по крайней мере, с конца первого века Евангелие, которое есть у нас теперь, оставалось неизменным (а вариации текста разных рукописей не содержат серьезной смысловой разницы). Это значит, что после Иисуса Бог сохранил Писание от искажений, хотя попытки создания подложных Писаний, разумеется, были.

Если Ветхий завет пронизан пророчествами о будущих временах, связанных с пришествием особого Божьего Посланника, то Новый Завет, как бы ни мучить смысл его текста, никакого пророка после себя не ждет. Он завершен внутри себя. Ждать осталось только возвращения Иисуса Христа на суд – в некое неведомое время. Но откровений от Бога еще более высших, чем откровение евангельское, тем более, откровений от человека-пророка, пророка-простеца, Новый Завет никак не ожидает.

Следует ли отсюда вывод, что Коран, по крайней мере, в его оценки Библии, противоречит себе и объективной исторической реальности? Пожалуй, не станем торопиться с выводами и обличениями. Лучше сопоставить Коран с Библией по их смысловому, богословскому содержанию.

Кто такой Иса Масих – Иисус Христос? Слово Аллаха?

Рассказы из Ветхого Завета, часто и по многу раз пересказанные в Коране, в идейном смысле ничего нового к Библии не прибавляют, и, разумеется, они не ставят себе такой цели. Коран прославляет прежде бывших библейских пророков, а главное – Бога, действовавшего через них. Конечно, коранические пересказы являются смысловыми. В них содержатся некие детали преданий (скорее всего, заимствованные от мединских евреев), которых в Библии нет. Упрекать за это Коран (или последующих мусульман) было бы несправедливо и глупо, если учесть, насколько тексты Нового Завета обросли в истории позднейшими недоказанными историческими преданиями о делах Девы Марии Богородицы и апостолов Христа.

Поэтому лучше сразу перейти к кораническому пересказу и интерпретации Евангелия, пропустив все "ветхозаветные" пересказы Корана.

Снова напомним ключевое историческое обстоятельство. Если с евреями у Мухаммада были долгие и глубокие собеседования, то все его контакты с христианами (будь ли они прямыми или косвенными), во всяком случае, были поверхностными. Если Тору (хотя бы в объеме "Детской Библии") Мухаммаду пересказали, то Евангелие, даже в таком объеме, до него не доходило. Кроме того, не было в его окружении людей, которые смогли бы показать Мухаммаду, чем евангельские сведения из канонических четырех Евангелий отличаются от апокрифических сведений, а также и то, чем христианские направления его времени (халкидонское православие, монофизитство, несторианство, гностицизм и прочие древние секты) различаются между собою. В Коране многократно указывается, что партии христиан между собою разногласят, но в чем эти разногласия, - не говорится никогда.

Поэтому самое глупое, что можно сделать, - это приравнять Мухаммада в его оценке евангельских событий к каким-то древним христианским ересиархам. Не было на свете ересиарха, который не читал бы Евангелия! Вполне возможна такая ситуация, что Мухаммад есть подлинный Божий пророк, но, тем не менее, Евангелие ему не открылось. Ведь оно не открывалась ни царю Пачакути, и никому из южноазиатских пророков Единого Бога, хотя им всем давалось понять, что существует где-то эта таинственная книга спасения, в которой (по коранической оценке "руководство и свет"). Но эту книгу любому народу должны принести и пересказать люди – только люди! Не ангелы и не Сам Господь.

По-видимому, сведения об Иисусе, переданные людьми, свалились на голову Мухаммада в невообразимом переплетении и в полном сумбуре. С Божьей помощью он пытается в этом разобраться и понять правду. Но Небеса молчат и не пересказывают книгу Евангелия. (Какой, однако, это универсальный и жесткий принцип!) Однако искры и крупитцы евангельской истины открываются Мухаммаду. И в результате в Коране мы получаем образ Исы. Этот образ соответствует пророческой традиции Ветхого Завета, по крайней мере, по одному признаку: неясности в величии и величия в неясности.

Главное, чего нельзя забывать, Мухаммад в Коране глубоко чтит Ису, почитая Его по множеству признаков и эпитетов высшим среди других пророков. С не меньшим благоговением относится он и к Его Матери Марьям, защищая Ее имя и репутацию от известной иудейской клеветы. Прежде чем критиковать Коран, христианину следует это хорошенько запомнить. Бог смотрит на сердце – во-первых, а на разум – лишь во-вторых.

Наибольшую информацию об Исе дают суры 3, 4, 5 и 19. В 3 и 19 сурах приводится пересказ рождения и жизни Марьям, благовещения ей от Ангела Гавриила, рождение Иоанна Предтечи (его кораническое имя – Яхья) сына Захарии. Затем еще немного говорится о младенчестве Исы, рожденном от Девы Марьям, а также о призвании Исою своих апостолов и о преподании им таинственной трапезы с Небес (аллюзия на евхаристию и на 6 главу Евангелия от Иоанна?). С точки зрения сюжетной последовательности событий – это практически все, что есть в Коране по евангельской теме. Сведения эти представляют собою в основном смысловые пересказы Евангелия от Луки (кстати, это единственное из канонических Евангелий, принятое у гностиков Маркионова толка), а также сюжеты из так называемых "евангелий детства", содержащих сюжеты рождения и детства Марии, ее пребывания в храме и обручения, а также подробности о рождении Христовом, бегстве Святого Семейства в Египет и о чудесах мальчика Иисуса в Назарете. (Эти тексты Корана с указанием параллельных мест в евангельских и апокрифических источниках приведены в приложении 2).

Не пересказывая здесь евангельские истории Корана, мы остановимся на коранических оценках Исы, как представляющих для нас большую важность.

Итак, прежде всего, для чего из всего Евангелия выбран именно сюжет Благовещения и Рождества? Ответ не сложен: для защиты ведущего коранического тезиса о единственности Аллаха и отсутствии у Него детей.

Половое размножение богов и божественных сущностей – неперемный атрибут любой политеистической системы. У всех язычников боги продолжают свой род, подобно людям; боги – биологические дети своих родителей – богов или людей. Дочери Аллаха в арабском культе появляются аналогичным путем. Такая система мышления у язычников практически всегда приводит к культу плоти, разврату со всеми вытекающими последствиями.

Мухаммад бескомпромиссно противостоит этому языческому представлению и культу. С другой стороны, он слышал, что Иисуса именуют Сыном Божиим. Пересказывая историю Благовещения и рождения Иисуса от Девы (без смысловых искажений Евангелия), Пророк приходит к выводу, религиозно наиболее значимому для него. Вот этот вывод:

"Поистине, Иса пред Аллахом подобен Адаму: Он создал его из праха, потом сказал ему: "Будь!" - и он стал. Истина - от твоего Господа. Не будь же сомневающимся! ... Поистине, это - рассказ истинный, и нет никакого божества, кроме Аллаха, и, поистине, Аллах, Он - великий, мудрый!" (3, 59-60, 62).

Смысл ясен: Иса, как человек, сотворен Аллахом путем одного лишь сверхъестественного, творческого повеления. Так же сотворен был когда-то и Адам. (Возможно, до Мухаммада доходило через людей, что христиане именуют Иисуса вторым Адамом). Еще яснее та же мысль выражена в других местах:

"Ведь Мессия, Иса, сын Марьям, - только посланник Аллаха и Его слово, которое Он бросил Марьям, и дух Его" (4, 171, мы еще вернемся к этому аяту в его полном виде).

Что это? Иса – слово Аллаха? Едва только проведешь для мусульман параллель с первым стихом Евангелия от Иоанна, как они единодушно возражают: Коран здесь говорит не это, а то же самое, что и в приведенном выше аяте 3-й суры. Слово Аллаха, это его творческое "БУДЬ!" – вот оно, это безличное слово, посылается ("бросается") к Марьям, и этим словом творится Человек-Иса в

Ее чреве. Вот это их, мусульманская трактовка, и не станем ее скрывать, тем более что с другими местами Корана она согласна, и мы не должны приписывать Корану то, чего в нем нет. Но все-таки Коран – книга пророческая, и если там сказано, что Иса – слово Аллаха и дух Его, то мы вправе здесь видеть таинственное знамение, неслучайное совпадение этих слов с Евангелием. Ведь сами мусульмане считают, что Коран – Божье слово от первого лица, а если так, то он может содержать информацию большую, чем мог вместить разум Пророка, или, по крайней мере, указания на такую информацию.

А в 19-й суре та же мысль о происхождении Исы выражена наиболее ясно и четко:

"Это - Иса, сын Марьям, по слову истины, в котором они сомневаются. Не подобает Аллаху брать Себе детей, хвала Ему! Когда Он решит какое-нибудь дело, то лишь скажет ему: "Будь!" - и оно бывает. И поистине, Аллах - мой Господь и ваш Господь: поклоняйтесь же Ему, это - прямой путь! (19, 34-36). – Так подытожен здесь рассказ о Благовещении и Рождестве Исы.

Мусульманские знатоки Библии подчеркивают некоторую разницу в оценках между Евангелием от Луки и Коранической версией Благовещения и Рождества. У Луки не выделена мысль о сотворенности Младенца во чреве Девы: *Дух Святой найдет на Тебя и сила Всевышнего осенит Тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим* (Лк. 1, 35). Вообще говоря, такой стих допустимо было бы трактовать, что Иисус есть "биологический сын" Бога и Марии. Но Евангелие от Иоанна, говорящее о воплощении Логоса, бывшего изначально у Бога, исключает такую трактовку. Так же ее нет и в догматическом Предании Церкви.

У Бога Сына нет?

Действительно, теперь стоит подумать, нужно ли нам сражаться с коранической версией сотворения Иисуса, как человека и Его девственного рождения. Мы исповедуем вслед за св. Афанасием и всей Церковью, принявшей его мысль, что все сущее или сотворено, или не сотворено. Родиться может только единосущное по природе: сотворенное рождает сотворенное же. Иное по природе, чем Творец, может быть только сотворено Творцом, Его разумом и волею. Человеческое естество Иисуса Христа, единосущное нам – сотворено, а Божественное рождено без Матери прежде всех веков и чистым Божественным образом, подобно, как слово рождается от мысли. Предсуществование человеческой души Иисуса, старая мысль Оригена, ко временам Мухаммада была давно уже отвергнута 5-м Вселенским Собором (553 г). Смешанного естества "богочеловеческого" быть не может. Здесь у нас, православных христиан, нет противоречия с коранической трактовкой (за исключением, разумеется, того, что Коран не учитывает Божественной природы предвечного Логоса, Который воспринял человеческую природу). А вот с монофизитами, с которыми сталкивались мусульмане времен Мухаммада, прямое противоречие есть, ибо они как раз исповедовали "богочеловеческую", единую природу Христа, притом несотворенную.

Итак, спорить нам с мусульманами в этом вопросе нет нужды. То, что они понимают под словами: сын Божий (а лучше употребить кораническое выражение: "ребенок Аллаха"), в этом смысле мы не приписываем Иисусу Христу. У Бога нет ребенка от земной или небесной подруги, тут мы не спорим с Кораном. Логос – Сын Отца в совершенно ином смысле, в смысле предвечного, вневременного рождения, а не в смысле начала существования во времени, как некое смешанное богочеловеческое естество и существо. Логос, имея причину в Отце, сосуществует с Отцом в одном существе, но в другом Я. Воплощаясь, Логос сохраняет свою Божественное лицо, он не начинает свое бытие, ибо оно безначально, а приобретает только человеческую природу – сотворяемую во времени, в момент воплощения.

Да, не подобает Аллаху брать Себе детей! (Когда под словом "брать детей" имеется в виду тот процесс, которым люди появляются на свет). И это нисколько не противоречит тому, что Бог существует, как Разум, рождаемое Им Слово и Святой Дух, а Слово принимает Себе человеческую природу, в результате чего является человек Иисус, рожденный от Девы.

Христианское понимание Богосыновства Христа, наше богословие Троицы сложно и трудно. Упрощение этого понимания до примитивного (сын Бога и Марии, второй Бог) непременно приводит к опасности язычества, к разрушению идеи Божьего единства. Мы сейчас не можем точно сказать, как христианские собеседники ранних мусульман излагали идею Троицы и Богосыновства, а

также насколько верно поняли их мусульмане. И те христиане могли быть еретиками или просто невеждами в этом вопросе, и мусульмане могли понять их мысли неправильно. Так или иначе, в любом случае Коран резко отвергает языческую идею размножения божеств, в том числе и ее "христианское приложение".

"И говорят они: "Взял Себе Милосердный сына". Вы совершили вещь гнусную. Небеса готовы распасться от этого, и земля разверзнуться, горы пасть прахом оттого, что они приписали Милосердному сына. Не подобает Милосердному брать Себе сына. Всякий, кто в небесах и на земле, приходит к Милосердному только как раб; Он перечислил их и сосчитал счетом. И все они придут к Нему в день воскресения поодиночке (19, 88-94).

При первом прочтении христианина несколько озадачивает такая эмоциональная напряженность речи, но, вдумавшись, несложно понять, что к христианам, исповедующим Триединого Бога догматически правильно, в соответствии с учением Православно-Кафолической Церкви, она не относится. В кораническом понимании еретического христианства Отец и Сын предстают, как разные существа, это два разных Бога, почему и неприемлема такая идея. Но христиане поклоняются Единому Богу, хотя и в Троице лиц. А до Мухаммада идея Троицы дошла совершенно в ином виде:

"И вот сказал Аллах: "О Иса, сын Марйам! Разве ты сказал людям: "Примите меня и мою мать двумя богами кроме Аллаха?" Он сказал: "Хвала Тебе! Как можно мне говорить, что мне не по праву? Если я говорил, Ты это знаешь" (5, 116).

Или вот еще пример, как в Коране отразилось еретическое понимание богосыновства:

"Не веровали те, которые говорили: "Ведь Аллах - Мессия, сын Марйам". А Мессия сказал: "О сыны Исраила! Поклоняйтесь Аллаху, Господу моему и Господу вашему!" Ведь, кто придает Аллаху сотоварищей, тому Аллах запретил рай. Убежищем для него - огонь, и нет для неправедных помощников!" (5, 72).

Или вот такое место:

"Создатель внове небес и земли! Как будет у Него ребенок, раз не было у Него подруги, и когда создал Он всякую вещь и о всякой вещи Он сведущ!" (6, 101). Тут уж яснее ясного речь идет об отвержении языческого предрассудка, а не христианского богословия.

Согласимся, что отвергаемые здесь взгляды суть еретические, отвергаем их и мы. Однако разговоры с мусульманами дают и нам, христианам, пользу в том отношении, что мы начинаем свое исповедание держать обдуманно и серьезно, следить за аккуратностью своих выражений, лучше понимать библейские тексты, употребляющие выражение Сын Божий. Например, мы оставим свою распространенную привычку говорить: Христос – Бог. Это выражение настолько неточно, что в определенном смысле вообще неверно. Так говорят монофизиты, забывая о человеческой природе Христа. Бог христиан – Отец, и Слово, и Святой Дух – едино Божество, едина сила, хотя и в трех Лицах. А имя Христос относится к уже воплотившемуся Слову, причем в большей мере имеет в виду Его человеческую, а не Божественную природу.

Упростить или позабыть наше богословие, с учетом его тонкостей – это дело очень нехорошее и само по себе, и при разговоре с мусульманами в особенности.

Библейский смысл выражения Сын Божий

Здесь неизбежно небольшое отступление.

Сами мы, христиане, читающие Писание, всегда ли правильно понимаем, что библейские авторы имеют в виду под словами: Сын Божий? Не встречается ли и в нашей среде примитивно-ложное, языческое представление о Христе, как биологическом сыне Отца и Марии, столь жестко критикуемое в Коране?

Кратко сказать, в Ветхом Завете слово Сын Божий применяется в нескольких смыслах, ни один из которых не сопоставим с христианским пониманием Логоса, рождаемого от Безначального Отца. Этот смысл всегда проще.

1. Сыном Божиим может называться ангел (см., например, Иов, 38, 7).
2. Сынами Божиими названо потомство Сифа в противовес потомству Каина (см.: Быт. 6, 2).
3. Сыны Божьи – это праведники вообще или даже просто еврейский народ.

4. Сын Божий с определенным артиклем, указательным местоимением или с большой буквы, - это титул помазанного Богом еврейского царя.

Древние обычаи соседних с Израилем народов полагали царей своих божественными существами, детьми соответствующих верховных божеств. Известно, что, вступая на царство, фараоны меняли имена (обстоятельство, постоянно мешающее современным египтологам). А меняли их именно потому, что, так сказать, прежний человек как бы умирал, а рождался новый – сын бога, фараон. Истинный Бог позволил и Израилю перенять этот обычай, назвав царей сынами Яхве. Именно в этом первом смысле звучит известный псалом 2. В первую очередь – это псалом коронации Давида. И уже во втором смысле – прообраз Царя Мессии.

Тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение: "Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею; возведу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе; Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника". Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом. Почтите Сына [Сына Яхве, Израильского Царя – Т.], чтобы Он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути [вашем], ибо гнев Его возгорится вскоре. (Пс. 2, 7-12).

В этом псалме очевидно, что рождение Божьего Сына, совершаемое *сегодня*, это тот же самый акт над тем же самым лицом, что и помазание царя (в данном случае Давида) на царство. Таков прямой смысл, влагаемый автором в псалом. Это не мешает псалму иметь пророческий характер относительно Мессии, Который есть Сын Божий в более глубоком смысле и подлинно будет обладать концами земли (в отличие от Давида), - тоже в другом смысле.

На этом и других примерах видно, что в еврейском понимании, вплоть до времен Иисуса Христа, слова *Сын Божий* (с артиклем, с большой буквы, в уникальном смысле) являются титулом Мессии. В одном хорошем переводе Писания для людей исламской культуры эти библейские слова *Сын Божий* (с соответствующим комментарием, разумеется) переведены, как *Избранный Царь*. То есть, это смысловой эквивалент слова Мессия, что по-гречески значит: Христос, а по-славянски: Помазанник.

В евангелиях от Матфея, Марка и Луки слово Сын Божий везде имеет тот же смысл – эквивалент мессианского титула, Избранный Царь. В таком же смысле восклицает и Нафанаил Иисусу: *Ты – Сын Божий, Ты – Царь Израилев*. (Вторая половина предложения, как это обычно в еврейской поэзии, несколько в другой форме повторяет смысл первой: Сын Божий = Царь Израилев). Иисус в ответ дает понять, что этот рыбак понял о Нем, Мессии, еще далеко не все (см. Ин. 1, 49-51). Лишь в прологе Евангелия от Иоанна пояснено, что в словах Сын Божий смысл глубже, чем обычно считают. Но и в этом Евангелии характерно, что когда Иисус свидетельствует иудеям о своем вечном происхождении, он не употребляет выражения: "Я – Сын Бога", поскольку даже слушатели, согласившиеся с этим, непременно поняли бы под этими словами только мессианский титул, а не предвечное, вневременное Его рождение от Отца.

Строго говоря, образ того, как Второе Лицо Бога предвечно происходит от Первого, у нас названо рождением лишь по недостатку терминологии. Это совсем не тот процесс, какой мы видим в живой природе. Рождение в том смысле, как оно есть в природе, неприложимо к Божеству – в этом Коран прав. И отношения в Боге между Первым и Вторым (и Третьим) Лицом, строго говоря, не такие, как у нас между человеком-отцом и человеком сыном. Человеческое отношение служит образом Божественного, но образ первообразу не тождествен. Бог все-таки не человек!

В итоге получается, что библейский термин Сын Божий вполне законен даже с точки зрения Корана! Если, конечно, учесть еврейское значение этого термина.

Конечно, для нас Сын Божий – это именно воплотившееся Слово Отца, Единый от Святой Троицы, принявший человеческое естество. Но это понимание уже превосходит общеупотребительное в Библии значение; оно является плодом интерпретации всего того, что явил миру Иисус Христос Своим словом и делом.

Итак, будем внимательны. Наша безграмотность, нежелание точно знать основные положения своей веры стоит недалеко от опасной черты впадения в прямое язычество.

Ведь очень важен вопрос не только нашего исповедания, но и психологического восприятия. Кто для нас Бог Отец? Кто для нас Иисус Христос? Кто для нас Святой Дух? Кто суть Дева Мария и

все святые? Подчеркну: не богословская формула, а именно наше душевное восприятие ее. Насколько мы *чувствуем* Бога в общении с Ним? Именно так, как Его исповедуем, или как-то иначе?

Психологические несториане и монофизиты

Наше исповедание, наши догматы, таинственны по самой своей сути. Рассудком они не постижимы. Одно Существо в Трех Лицах – навсегда камень преткновения для рассудка. Абсолютный Бог соединившийся с человеческой природой – другой камень соблазна. Это не для нашего ума тайна, и в этом наша трудность. Наш мусульманский собеседник постоянно чувствует себя выигравшим у нас богословский спор на очень простом основании: мое богословие, дескать, понятно, а твое, христианское, запутанно и противоречиво.

Возражение тут у нас только одно, но его, правда, не уважают:

Бог, вполне постижимый человеческому уму, ограниченному и относительному, Сам получается "не вполне абсолютным". Он просто количественно больше нас и ангелов. У Него просто больше гигабайтов памяти и процессор на порядки быстрее. А больше ничего особенного.

И мы, христиане, собрав свое терпение и смирение, живем и обращаемся не только к Богу-Любви, не только к Богу-Жизни, но и к Богу-Тайне. А это неизбежно чревато, искажениями, крайностями, а затем ошибками, спорами и раздорами, из которых взрослеющий ум, после долгих промахов, обид и мучений, выносит терпение и способность понимать соседа и оппонента.

И мы, несмотря на эту трудность, не отказываемся от своей сложной веры, ибо она влечет нас духовной и нравственной надеждой, а не умственной красотой.

Эту надежду, новую, прекрасную, не постаревшую за две тысячи лет, принес нам Иисус Христос. Его тайна оказалась неотделима от этой надежды.

Все христиане, начиная с Апостолов, сразу увидели, что Он, с одной стороны, вполне человек, с другой стороны, Тот, Кто выше человека. С одной стороны, покорный Богу, причем идеально Ему покорный, с другой стороны, обладающий поистине Божественной властью и полномочиями, не доступными человеку, даже пророку и праведнику. Затем Апостолы и их ученики уяснили и записали в своих посланиях, что Иисус есть подлинно обещанный Мессия и в таком качестве Он есть Воплощенное Божие Слово. Затем уяснилось, что Он есть подлинный носитель Божественной и человеческой природы. Но каково в Нем соотношение Божества и человечества? – Собственно это и есть Его тайна, о которой в Церкви спорили несколько веков. Логическое решение так и не было найдено, были отвергнуты лишь крайности. Эти крайности, в отличие от истины, понять как раз можно.

Первая из них (условно назовем ее "несторианской") настолько глубоко созерцает историческую конкретность человека Иисуса, что видит в Нем человека, как отдельную самостоятельную личность, осененную и пронизанную Божеством Вечного Логоса. Это в максимальной степени обоженный Человек. А Логос – Лицо Божественное и другое, отличное от лица Иисуса. И это Божественное Лицо Логоса после воплощения самостоятельно не проявляется.

Другая крайность (тоже условно назовем ее "монофизитской") видит Иисуса Христа вполне Богом, Богом по преимуществу. Исторические реалии Его пришествия в мир уже не имеют значения. Человечество в нем не конкретно, оно обобщено до потери исторической личности, а порой и до призрачного характера самого человека. Воплощение на жизненном пути Логоса – это случайный фактор, в котором нет большого, вечного смысла. Есть лишь временный смысл – преодоление нашего греха. И все это потому, что Богу по большому счету ценен не целостный человек из души и тела, а душа. Тело по старой эллинской философской привычке так и рассматривается, как темница души, как нечто подлежащее уничтожению, переплавке и переработке.

Но повторим, это крайности. Если на них не налегать, в обоих направлениях есть свои бесценные, незаменимые преимущества.

Первое направление сложилось в сирийском христианстве, где говорили на языке Самого Иисуса, где все дышало живым воспоминанием Его пребывания на земле, где и Пасху стремились праздновать по тому календарю и в тот день, как она была в год страданий Господних. Здесь, в Антиохии Сирийской, конечно, хорошо знали и греческий язык и философию, но не пленялись ими.

Иисус Антиохийцев ценен для нас тем, что Он является прекрасным примером и идеалом нравственной борьбы. Он побеждает соблазны, Он разрушает дела дьявола, и потому Он – живой пример и образец для всех христиан. В крайних толках Он преодолевает грех и в Самом Себе. В умеренных толках Он изначально свою невинность, (принятую так же, как она была у Адама) путем борьбы с грехом и послушания Богу, возводит до высот святости. (Невинность и святость, победившая грех и уже неспособная ко греху, - это очень разные вещи).

Антиохийцы подарили нашему христианству любовь к исследованиям Библии в ее конкретно-историческом понимании и нравственную напряженность христианина; они подчеркнули идею личной ответственности человека. Абсолютизируя это, можно было логично прийти к тому, что человек, имея пример Иисуса, сам себе добывает рай, а идея благодати и дара Божьего вовсе пропадает. (В истории это было известно, как "несторианство" и его западная форма – "пелагианство", но мы не будем эти сложные исторические переплетения рассматривать здесь).

Альтернативное направление складывалось в центре греческой учености – Египетской Александрии, где сохранялась и крупнейшая еврейская богословская традиция, и местная египетская религиозная составляющая. Комплекс этих трех влияний выработал взгляд на Писание преимущественно аллегорический. Историческая реальность евангельских событий ступсевалась. Любой александриец с радостью бы повторил слова Павла: *если и знали мы раньше Христа по плоти, то ныне уже не знаем* (ср.: 2 Кор. 5, 16). Если в Антиохии Его чаще именовали Иисусом, то здесь – Христом, не по личному человеческому имени, но по Божественному титулу. Однако главным достоинством александрийского созерцания стал дар Божией благодати во Христе. Иисус антиохийцев – скорее путь ко спасению, путь, по которому человек должен идти сам, а Христос александрийцев – это воплотившийся Бог, приносящий спасение своим страданием.

Верно, конечно, и то, и другое, хотя логически эти два взгляда трудно соединимы. "Антиохийский" Бог помогает человеку спастись, так сказать, со стороны, примером и помощью. "Александрийский" Христос, личность сугубо Божественная, спасая человека, без малого "поглощает" его самостоятельность, почти растворяет в себе. Этого мало. Для христианина именно Христос и становится Богом по преимуществу. Лицо Отца отступает на задний план. Психологически для человека оно уже ненадобно. Опять же, речь идет о крайностях. Но эти крайности поджидают рядом.

Вот и вопрос теперь к читателю: какой взгляд на Иисуса было бы легче понять Мухаммаду? С учетом, что весь смысл его призвания и борьбы заключался в преодолении многобожия, привычки придавать Богу детей и помощников, - это с одной стороны. С другой стороны, он вряд ли слышал о "несторианском" направлении, зато "монофизитское" направление, причем именно в крайних проявлениях, знал не понаслышке. Легко понять, что мысль о втором боге Иисусе, а тем более, третьем – Марьям, - поразила и оттолкнула его.

Тут все довольно ясно. Зато неясно с нами самими.

Современное не книжное православие чисто психологически тяготеет к монофизитству. У этого тяготения существуют глубокие исторические корни. Византийские императоры изводили эту ересь, как насильственно, так и путем поиска богословских компромиссов, причем обе меры зачастую давали прямо-таки обратный результат. Насильственные меры монофизитов ожесточали, а на богословские компромиссы они упорно не шли. В итоге монофизитское влияние в православии росло – и как раз это было во времена до и после Мухаммада.

А с "несторианами" и разговаривали меньше, и боролись меньше. Почему? Потому что они в основном оказались вне Византийской империи. Соответственно, и позаимствовали у них меньше: и их хорошего, и их плохого.

Как бы то ни было, признаки психологического монофизитства в нас налицо. Евангелие и историю раннего христианства у нас читать не любят. Еврейского контекста Нового Завета не понимают, а порой и не признают. Имя Христос потеряло все осязаемые человеческие признаки и стало просто новым именем Бога. Имя Иисус вообще почти не употребляется, разве только в литургических текстах, да еще в Иисусовой молитве, но и там оно не ассоциируется ни с чем человеческим. Молитва Богу-Троице или Богу-Отцу из обихода уходит все дальше, оставаясь только в неслышимых мирянами молитвах самой литургии. Ощущение Иисуса Христа нашим Братом по человеческому естеству, как это предполагает Послание к Евреям (гл. 2, 11-18 - это литургически

часто используемый отрывок!), подразумевает под собой в нашем восприятии протестантское кощунство. Нет, мы воспринимаем Иисуса Христа не как сострадающего Брата (а это на самом деле так!), но только, как судящего Господа (и это тоже, безусловно, верно). Истина в равновесии, в балансе между тем и другим, - у нас этот баланс нарушен давно и крепко в пользу Божества. Мы говорим Христос - подразумеваем Бог, мы говорим Бог – подразумеваем Христос.

В итоге оживляется классическая языческая схема. Изначальный, Единый Бог (Божество), причина всего, уходит на второй план, сдает дела по управлению миром посреднику и преемнику. Теперь к этому преемнику возводятся все прошения, молитвы, благодарения и надежды молящихся людей. Неужели же Мухаммад не видел этого явления где-нибудь в Таифе, городе Аль-Лат, когда богиня ангельского происхождения затмевала в сознании арабов своего Творца, пробиваясь к Нему в дочерние отношения и перехватывая себе все молитвы своих поклонников, обращенные к Небесам!

Неужели же мы снова повторяем древнейшую ошибку, имеющую пагубные последствия? В самом деле, исповедуя Троицу как будто по отеческим формулировкам (да и хорошо ли их знаем?), всегда ли мы следуем им и в своем душевном, молитвенном обращении к Богу? Среди монофизитов, живших чуть пораньше Мухаммада, был и толк прямых троебожников. Изойдя из неверной посылки: "если во Христе одно лицо, то и природа должна быть одна", они пришли к неправильному следствию: "если в Боге три лица, значит, в Нем и три природы". Троебожие в чистом виде! Здесь действительно, как в Коране сказано, Аллах получился "третьим из трех" (см.: 5, 73). Далеко ли мы от этого состояния психологически? Если Христа мы именуем Богом и только Богом, а созерцание Божественного Троиединства, обращение к Троице, как к Одному в Трех и Трех в Одном, нам непонятно и чуждо, то где же мы, как не на пороге многобожия? А если еще и молитвы к святым становятся для сердца нашего важнее, чем молитва к Богу, то значит, мы уже уверенно переступили этот порог, сами того не заметив.

Итак, столкновение с исламом может дать нам хорошую и полезную встряску. Разве мы не дали мусульманам повода справедливо обвинить нашу личную веру в прикрытом многобожии, а тем самым обвинить и все православное христианство, хотя и не справедливо, в том же самом?

Служение Исы по Корану

Итак, если с вопросом богосыновства Иисуса ситуация немного прояснилась, то встает следующий вопрос: а чему посвящено было служение Исы, согласно Корану?

Коран признает за Исою сотворение многих знамений и чудес, а также именуется Его Масихом, то есть Мессией, Христом. Каково же смысловое содержание этого понятия, что вкладывает в него Коран и мусульманская традиция? Лично мне этого выяснить не удалось. Сложилось впечатление, что этот титул присвоен Исе в качестве некоего почетного прозвища, и не более того.

Несмотря на то, что Иса в Коране есть человек-пророк, и тот, кто не больше человека, тем не менее, ему приписываются там таинственные именованья, которым также нет внятных пояснений.

Первое из них – Мессия. Что значит это слово в Коране, не ясно.

Второе, как мы уже упоминали – "Слово Аллаха и Дух Его" (см. 4, 171). Мусульмане настаивают, что оба эти термина показывают рождение Исы от Девы особым повелением и чудом Божиим, и что это не имеет никакого отношения к Логосу из Евангелия от Иоанна, но все-таки удивительно, что именно к человеку относятся такие странные предикаты.

Третье именование Исы – милосердие Аллаха.

"Он [ангел Джабрил – Т.] сказал: "Так сказал твой Господь: "Это для Меня - легко. И сделаем Мы его знамением для людей и Нашим милосердием". Дело это решено" (19, 21).

Это опять в форме существительного, а не прилагательного. Не Иса милосерд или Аллах милосерд, а именно так: сделаем Мы Его нашим милосердием.

И четвертое – это «признак часа», то есть последнего дня.

"Он [Иса – Т.] - только раб, которому Мы даровали милость и сделали его примером для сынов Исраила. А если бы Мы пожелали, Мы создали бы из вас ангелов на земле, которые бы заместили. И он, поистине, - признак часа. Не сомневайтесь в этом и следуйте за Мной! Это - прямой путь" (43, 59-61).

Как пророк, живший века тому назад может стать знамением конца времен? Если он не больше, чем человек. Кроме того, о земной кончине Исы Коран также не дает полной ясности. Об этом скажем чуть ниже.

Что же касается служения Исы, Его действий, призывов, поступков, то можно выделить только следующее:

1. Иса призывал к единобожию (см.: 5, 116-117; 3, 51; 5, 72 и др.).

2. Иса был научен мудрости и Писанию, крепко держался Торы, и через Него евреям даровано откровение под названием Инжил, то есть Евангелие. Вот именно так: Инжил – это откровение, сообщенное Аллахом через Ису. В христианском понимании Евангелие значит нечто иное, но мы сейчас говорим о Коране (см.: 3, 48, 5, 110; 19, 30).

3. Иса сотворил много знамений и чудес, которые мы условно здесь подразделим на "евангельские", согласные с Новым Заветом, и "апокрифические", сюжеты которых параллельны апокрифическим "евангелиям детства". В первую категорию входят "исцеление слепого, прокаженного, оживление мертвых с дозволения Аллаха" (3, 48), во вторую – осмысленный разговор почти новорожденного младенца Исы из колыбели, а также оживление Им глиняных птичек (см.: 3, 48, 2, 87; 2, 253; 3, 45-46; 5, 110; 19, 29-30).

4. Иса призвал своих учеников – апостолов, сделавшихся ему помощниками на пути Аллаха (3, 52-53; 5, 111). Апостолы испросили Ису даровать им небесную трапезу. Это место стоит привести полностью:

"Вот сказали апостолы: "О Иса, сын Марйам! Может ли твой Господь низвести нам трапезу с неба?" Он сказал: "Бойтесь Бога, если вы верующие!" Они сказали: "Мы хотим поест с нее, и успокоятся наши сердца, и будем мы знать, что ты сказал нам правду, и мы будем о ней свидетелями". Сказал Иса, сын Марйам: "Аллах, Господи наш! Низведи нам трапезу с неба! Это будет праздником для первого из нас и для последнего и знамением от Тебя. И даруй нам удел, Ты – лучший из дарующих уделы!" Сказал Аллах: "Я ниспущу ее вам, но кто еще из вас будет потом неверующим, того Я накажу наказанием, которым не наказываю никого из миров!" (5, 112-115).

Можно сказать совершенно определенно: если этот текст мы встретили бы в любом месте Ветхого Завета, то постоянно использовали бы его в качестве пророчества о Евхаристии, почитали бы его ясным указанием на беседу Иисуса о хлебе жизни (Ин. гл. 6).

Вот, собственно, и все сведения об Исе в Коране, точнее, о Его жизни в зрелые годы. С одной стороны, ничего ложного, с другой – ничего исторически конкретного. Сами по себе эти тексты оставляют место для подозрений в том, что Мухаммад намеренно ушел в сторону от повествований об Иисусе, отделившись некоторыми общими фразами. Но предпочтительнее другой подход: не зная Евангелия даже в нормальном пересказе (подобно тому, как он знал кое-что из Ветхого Завета), Мухаммад приводит то, что ему дано в откровении, насколько он сам это откровение понял. Вкупе с неоднократным одобрением Евангелия в других аятах – это вполне достаточное для мусульманина основание к тому, чтобы самостоятельно прочесть Евангелие. Бог МОГ иметь в виду именно такую мысль, открывая Мухаммаду нечто о евангельской истории. Мессианские титулы Исы (Мессия, Слово Аллаха и Дух Его, знамение для людей и Милосердие Аллаха, Признак часа) вместе с таинственным рассказом о небесной трапезе – все эти слова Корана об Исе только с некоторой натяжкой вталкиваются в исламское учение о Нем, как лишь об одном из пророков. Нечто недосказанное и таинственное остается за скобками.

Смерть Исы Масиха?

Еще больше таинственного говорится в Коране об обстоятельствах кончины Исы. Вот аят (это слова Исы), говорящий о том, что будет день, когда Иса умрет:

"И мир мне в тот день, как я родился, и в день, что умру, и в день, когда буду воскрешен живым!" (19, 33).

Нечто похожее и здесь:

"Вот сказал Аллах: "О Иса! Я упокою тебя, и вознесу тебя ко Мне, и очищу тебя от тех, которые не веровали, и сделаю тех, которые последовали за тобой, выше тех, которые не веровали,

до дня воскресения» (3, 55). Чье воскресение здесь имеется ввиду: одного Исы или всех людей в последний день? Неясно.

И еще такое место, где Иса обращается к Аллаху:

"Я был свидетелем о них, пока пребывал среди них, а когда Ты меня упокоил, Ты был наблюдателем за ними, и Ты - свидетель всякой вещи" (5, 117).

Мусульмане спорят и между собою, что означает здесь слово оригинала, переводимое здесь: "упокоить"; большинство склоняется к тому, что речь идет о телесной смерти.

И наконец, единственный фрагмент Книги, где упоминается нечто о распятии Исы; он высказан наименее определенно:

"... и за их слова: "Мы ведь убили Мессию, Ису, сына Марьям, посланника Аллаха" (а они не убили его и не распяли, но это только представилось им; и, поистине, те, которые разногласят об этом, - в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предположением. Они не убивали его, - наверное, нет, Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр! И поистине, из людей писания нет никого, кто бы не уверовал в него до его смерти, а в день воскресения он будет свидетелем против них!) (4, 157-159).

Как будто здесь утверждается, что сейчас Иса жив, уверовавшие в Него, веруют в Него именно живого, и Он вознесен Аллахом на Небеса. Но вот как это вознесение соотносится с моментом, когда Иудеи пытались Его распять, - совершенно непонятно. Одни мусульмане, мои собеседники, считают, что Иса был чудесным образом избавлен тогда из рук иудеев и вознесен на Небо, что Он не умирал, а умер на краткое время в конце истории. Другие полагают, что Он был перенесен в другое место, там жил, а затем все-таки умер на земле, и лишь после этого вознесен к Аллаху только душой (или душой с телом, будучи воскрешен живым).

Доминирующее исламское предание полагает, что в любом случае Иса явится перед концом времен вместе с имамом Махди (последним праведным учителем ислама), они вместе победят Даджжала (это лицо тождественно с Антихристом из книг Нового Завета), и тогда на земле восстановится справедливость, а затем наступит День Суда. В таком смысле Иса – "признак часа". И, скорее всего, Иса воскреснет прежде общего воскресения. Но умирал и воскресал ли он уже – это у мусульман неясно.

Очень характерно, что приведенный аят (4, 157), это лишь своеобразная скобка, речь в сторону, отвлечение от главной темы. И стоит это место в длинной филиппике Пророка против иудеев, а не христиан. Там Пророк совершенно справедливо обвиняет иудеев в нарушении завета, в гонениях на пророков, в клевете на Марьям, Матерь Иисуса, в ростовщичестве. Эта речь созвучна словам многих библейских пророков. И вот в нее одним из пунктов входит отвержение Иисуса. Возможно, Пророк слышал от иудеев даже похвальбу в том, что, дескать, они распяли Иисуса, и на этом дело с ним закончилось; похвальбу, направленную на отвращение Мухаммада от христианства. Слова, вполне возможные из уст иудеев, и слова аята как будто дают возможность именно так и понимать. Так вот, возражая этим иудеям, а отнюдь не христианам, Мухаммад настаивает, что Иисус жив и вознесен к Аллаху.

Повторим, это единственное место в Коране, где говорится, что Иисус не был распят. И оно само высказано с сомнением, неопределенно, без попытки представить некий альтернативный сценарий событий.

С учетом того, что Коран окончательно записан только через двадцать лет после кончины Пророка, и что отдельные разночтения в списках на тот момент все-таки существовали, а к моменту записи мусульмане имели возможность уже хорошо познакомиться с христианским учением, - с учетом всего этого законно и наше сомнение в точности приведенного места, тем более что оно единственное в Коране, где как будто отрицается распятие Исы. Действительно ли Пророк сказал, что Иса не был распят? Или он сказал помягче, только что Иса не умер, а жив сейчас?

Но даже если Пророк сказал слово в слово то, что написано в Коране теперь, то и в этом случае основной смысл аята сохраняется. Он в том, что Иса вознесен к Аллаху и жив, - вопреки иудейскому мнению, а не в том, что не был распят – вопреки историческому факту.

Итак, если взять все в совокупности о рождении, жизни, проповеди, смерти и воскресении Исы по Корану, то остается общее впечатление таинственности и недосказанности. Отсутствие

ясности – причина множества легенд и версий. Поэтому, говоря с мусульманами, мы, убедившись в отсутствии ясности в их понимании, должны предложить им евангельский сюжет.

Очень неумно было бы с нашей стороны доказывать, что Мухаммад по злонамеренности или невежеству искажил Евангелие. Это неверно. Он не знал его. И привел то, что ему было известно или открыто. В сравнении с ветхозаветными пророчествами о Мессии, открылось ему достаточно много. Но конкретной исторической ясности все-таки нет. Это повод для мусульман читать Евангелие.

Подобно тому, как Закон Торы был для евреев *детоводителем ко Христу* (Гал 3, 24), точно так же и Коран может выполнить для кого-нибудь из мусульман такую же роль.

Кто суть Господа?

Говоря о претензиях Корана к христианам нужно отметить еще два момента.

Первый касается того, что все христиане, православные и еретики, именуют Иисуса Господом. Для Корана – это недопустимый грех: нарушение строгого единобожия (ширк). Мы уже приводили один такой аят:

"И не прикажет Он вам, чтобы вы взяли ангелов и пророков господами" (3, 79).

Есть и другое место, еще более жесткое:

"И сказали иудеи: " Узайр [библейский Ездра] - сын Аллаха". И сказали христиане: " Мессия - сын Аллаха". Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены! Они взяли своих книжников и монахов за господ себе, помимо Аллаха, и Мессию, сына Марьям. А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества. Хвала Ему, превыше Он того, что они Ему придают в соучастники!" (9, 30-31).

Хронологически это самая последняя сура в Коране. И опять же здесь осуждается обожествление человека, своего учителя и наставника.

Относительно Иисуса Христа спор с мусульманами об этом месте поддерживать не стоит, пока они не прочтут Евангелие. Если мы любого человека, показавшего, что он не больше чем человек, возводим в ранг Господа, мы согрешаем – с этим нечего спорить. Но здесь уместно вспомнить, кем сами мусульмане почитают Мухаммада, прекрасно понимая, что он не больше, чем человек.

В ряде мусульманских легенд Мухаммад обещан еще Адаму и Еве до их согрешения, как их потомок и благословеннейший из всех людей, а не просто крайний пророк. Рождение Мухаммада в их потомстве – утешение для прародителей после изгнания. Все пророки якобы предсказывали рождение Мухаммада. Он – утешение для ангелов. Короче сказать, даже Мессия в еврейских мечтаниях не занимал такого места, как Мухаммад в мусульманских. В мусульманском благочестии личность Мухаммада окружена таким благоговением, которое психологически ставит его образ выше человека. И ведь при этом Коран не открывает принципиально ничего нового в богословии, в поклонении, в понимании Божиих путей по сравнению с Ветхим Заветом, разве что по-своему открывает дверь единобожия разным другим народам (не евреям и не арабам). С Кораном не связано какого-то особого вмешательства Бога в историю, Коран на это и не претендует. Он очень скромно говорит о Мухаммаде, на котором лежит лишь передача откровения.

А Иисус в Евангелии претендует именно на это: Бог в Иисусе Христе по-новому вмешался в историю, впервые вывел богопоклонение ко всем народам, совершил искупление и дарование Святого Духа. Бог в Иисусе изменил мир, не менее того! Это все-таки побольше, чем повторение забытого учения о единобожии и забытых заповедей Творца.

Иудеи никогда не считали Ездру Господом. Не называли так они и своих книжников. У монофизитских христиан, особенно монахов, был развит культ старцев и наставников, практиковалось беспрекословное им подчинение, но и здесь никогда какого-нибудь авву Шенуту не называли Господом. Коран осуждает человекопоклонство. И справедливо. И если бы Иисус дал понять, что Он не больше, чем человек, пророк, напоминающий лишь правила поведения, то обожествление его, действительно, было бы грехом. Но тогда на словесную атаку мусульман с аятом 9, 30 в руках мы должны загородиться зеркалом: братья, посмотрите, как вы сами относитесь к своему Пророку! Ваше отношение тоже выходит за все рамки допустимого этим аятом.

Еще один упрек христианской вере в Коране выражен аятом 4, 171, фрагмент которого мы уже видели. Здесь единственное место в Коране, где говорится о Троице так, что сказанное можно ассоциировать с христианским пониманием Троицы. Это не тройка "дочерей Аллаха" и не триада Аллах - Иса - Марьям, а нечто уже похожее на христианское исповедание:

"О, обладатели писания! Не излишествуйте в вашей религии и не говорите против Аллаха ничего, кроме истины. Ведь Мессия, Иса, сын Марьям, - только посланник Аллаха и Его слово, которое Он бросил Марьям, и дух Его. Веруйте же в Аллаха и Его посланников и не говорите - **три!** Удержитесь, это - лучшее для вас, Поистине, Аллах - только единый бог. Достохвальнее Он того, чтобы у Него был ребенок. Ему - то, что в небесах, и то, что на земле. Довольно Аллаха как поручителя!" (4, 171).

Выделенное слово **три** стоит в переводе Крачковского. В других переводах поставлено точнее: Троица. Если мы уже видели, что приписывание Аллаху (биологического) сына вызывало куда более грозное обличение, то здесь сказано достаточно мягко. Лучше удержитесь и не говорите: Троица.

Признаться, опыт показал мне, что это - хороший совет. С мусульманами, пока они не прочли Евангелия и не отказались от попыток опровержения Библии, не нужно говорить о Троице. Это верно. Еще раньше Мухаммад ту же мысль поняли и выразили отцы-каппадокийцы, особенно св. Григорий Богослов. Так было и в истории Церкви. Апостолы никогда не начинали с проповеди Божественного Троицтва. Справедливости ради скажем, что они нигде не выразили веры в Троицу. Прямой и краткой формулировкой (стих 1 Ин. 5, 7 не в счет, это пометка на полях поздних рукописей, "залетевшая" впоследствии в текст). Сначала нужно убедить человека, что он нуждается в прощении, в Божией милости, в спасении, и от своих грехов своими силами освободиться не может. Затем пусть уверует, что Евангелие описывает правдиво реальные события. Затем примет Иисуса Христа, как своего Искупителя. Лишь после этого встанет вопрос: Кто же этот Искупитель? Ответ на него будет непростым, и закончится богословием Троицы. Но срезать это путь, сократить его ни у кого не получится.

Поэтому не нужно о Троице говорить язычникам, людям, не утвержденным в том, что Бог подлинно Един, пока они не уверуют в единство Божества. Единобожие понять легче, и проповедуется оно прежде всего остального. Потому и в Ветхом Завете существуют лишь намеки на троичность лиц Божества, зато явно и открыто отстаивается единобожие. Это - единственно верный путь. На ранней стадии этого пути и стоял Мухаммад, имевший дело с язычниками. Потому предостережение его в Коране совершенно справедливо и значимо: опасайтесь язычества, троебожия, разделения Божества, приписывания Богу биологических детей от смертных женщин или бессмертных ангелов. Это верное напоминание.

И неверно было бы ставить за это упрек Пророку ислама. Не забудем оценки его в самом Коране: это пророк-простец, не читавший и не писавший Писания; на котором - только передача откровения. За непонимание христианского троичского догмата упрекать его столь же бессмысленно, как Исаию, Михея или Даниила.

Не забудем одного простого исторического обстоятельства.

Множество христиан, начиная от Апостолов, жили, проповедовали и страдали за проповедь Единого Бога и Христа Его перед язычниками. Они не слышали слова Троица и не могли бы сформулировать троичского исповедания, которое окончательно сложилось лишь в IV веке. Тем не менее, многие из них значатся в наших святцах. Но троебожники, когда таковые случались среди христиан, не могут более считаться христианами, а лишь отторгшимися сектантами. Такие в истории были, их было немного, но это все суть отпадшие от Христа люди.

Непонимание троичского догмата - дело простительное, есть тому исторические примеры. А разрушение Божеского единства, многобожие - это дело гораздо более серьезное. Похоже, что Промысел Божий в истории подводит нас именно к такому выводу.

Часть четвертая. Мы беседуем с мусульманами

Ксенофобия и ксенофилия - хрен и редька

Нет нужды слишком долго доказывать, что для любого христианина, любого европейца, любого человека христианской или постхристианской культуры, где бы он ни жил, столкновение и общение с мусульманами становится таким делом, которого будет трудно избежать. Сейчас уже давно нельзя сказать: мы в Европе, а они в Азии, наши пути с ними не пересекаются. Пути пересеклись, и принять это приходится, как свершившийся факт.

Итак, вот мы, и вот они, а еще есть Евангелие, есть Божьи заповеди, есть опыт предков, опыт войны и опыт мира. Это в условии задачи дано. А сама задача поставлена в Евангелии: проповедуйте Евангелие всем (ср.: Мк. 16, 15). И ее никто не отменял.

Действие первое: рассудить и поступить по справедливости. Перестать рисовать в уме карикатуры на ислам, перестать воображать его глупостью, дикостью, злонамеренным антихристианством и прочими подобными фантазиями. Отбросить свою спесь, брезгливость и превозношение. Взвесить и сопоставить реальную историю христианства и раннего ислама.

Мне довелось наблюдать исламско-христианскую полемику, как печатную, так и прямые диспуты. За единоверцев мне часто приходилось стыдно, за мусульман – обидно. Как мешает наша исламофобия подлинному евангельскому слову, которое никак не может пробиться к сознанию мусульманина! Как бы ни ощущали себя христиане в этом диалоге, всегда заметно, что мусульмане завершают разговор с глубоким чувством победы. Смотришь на них – словно воины Пророка после Бадра. Люди, пережившие личное ощущение фуркана. Хотя, объективно рассуждая, их победа в споре совершенно не очевидна, но всякий раз, похоже, после таких дискуссий они становятся все дальше от Христа и Евангелия. Причем их скорость удаления от Христа пропорциональна неприязни к исламу со стороны их христианских собеседников.

Наша несправедливость к исламу, к Корану, к Мухаммаду для мусульман слишком очевидна. Нас не считают справедливыми и честными, а потому – заслуживающими доверия. Нас путают с лицемерами Запада, которые свой колониализм, жестокость и несправедливость привыкли маскировать христианскими знаменами. Я лично не верю, что христиане Запада смогут принести что-то доброе мусульманам, хотя они и работают в этом направлении гораздо больше нас. В западной христианской антиисламской литературе не хватает скромности и справедливости, что лишает ее доверия. И когда видишь, что у нас почти то же самое, нападает тоска...

Итак, действие первое: подавить свою ксенофобию.

Действие второе: подавить свою ксенофилию. Где-то далеко внизу эти крайности, возможно, сходятся, не знаю. Но в любом случае, гипертрофированная любовь ко всему чужому, основанная на презрении к своему собственному, – это ведь тоже обратная сторона той же самой гордости и превозношения. Только в данном случае презирают не чужое, а свое.

Я не знаю своих соотечественников, воспитанных не в мусульманской среде, кто обратился бы в ислам прямо из атеизма (девушек, выходящих замуж за мусульман, я здесь в расчет не беру, поскольку в этом случае речь не идет о личном сознательном религиозном выборе). Чаше бывает другое: мужчина или женщина переходит в ислам, познакомившись немножко с христианством, обычно – православным, а потом быстро, необдуманно, без внутренних терзаний отринувши и церковь, и Евангелие. И сгусток негативных эмоций по отношению к своей родной вере у таких людей просто поражает; у природных мусульман я ничего подобного не встречал. Нравственный облик таких русских мусульман меня, честно говоря, просто пугает. Это не страх за свою личную безопасность (к нему вроде бы нет повода), а какой-то экзистенциальный страх, подобный тому, который я ощутил впервые в детстве, посмотрев известный советский "ужастик" по повести Гоголя "Вий". Так пугает не опасность, а зло, голое зло.

Ксенофобия – неприятная болезнь духа. Ксенофилия, на мой взгляд, еще хуже. Пугает эта простота расставания с родиной, с верой, с родным бытом и культурой. Читаешь или слушаешь подобные откровения: как американец переходил в православие, как русский переходил в католицизм, протестантизм, ислам. И никак не можешь поверить, что, если подобный перелом произошел вдруг, внезапно, в течение года, то он успел бы отразить настоящий поиск истины. Искушаешься поставить диагноз: это ксенофилия, это не Божий призыв, это не муки духовного поиска и выбора. Это просто надоело свое, слишком бытовое, слишком казенное, слишком обыденное. А что в нем, казенном и обыденном, могло скрываться великое духовное сокровище, человеку дела нет. И идет он в чужую религию и культуру. И ведь, что всего непонятнее, будет в ней

терпеть и прощать стократно большие психологические нагрузки, стократно большие искушения, стократно большую грязь вокруг себя, чем был готов потерпеть в своей собственной религии и культуре. Что это? Для чего это? – Болезнь духа, у меня нет другого диагноза, пусть простит меня Господь.

И когда услышу о крещеном мусульманине, тоже не тороплюсь хлопать в ладоши. Вполне может быть то же самое, а как узнать? Не столь давно была выпущена книга Хризостома Салахварзи "Мы будем утешены". Там автор, иранец, описывает, как он двадцать лет шел от ислама шиитского через суфизм ко Христу и Церкви. Двадцать лет и тяжелых лет! Под конец он стал православным, выстрадав эту веру потом и кровью. Ему я полностью верю. Но он нигде не ругает ислам, Коран, своих прежних духовных наставников, великих персидских поэтов. Это для меня добрый признак, пробуждающий к человеку доверие. Если бы он хоть раз отозвался о Коране или об исламе с презрением, то это доверие подорвал бы навсегда. Отогнуть от себя подозрение в его адрес (дескать, купился-продался) было бы уже очень трудно.

В этой части мы продолжим материал прошлой, но обратим внимание на наши аргументы, которые имеет смысл использовать в диалоге с мусульманами.

Подлинность христианского Писания

Недостоверность Ветхого и Нового Завета, испорченность этих священных книг злонамеренными людьми, воспринимаются в исламе, как одно из краеугольных положений. Если в Коране на эту тему говорилось глаголами несовершенного вида, в стиле: "пытаются подделывать", то в современном исламском сознании уже четко прописано глаголами совершенного вида: подделали. Всегда можно спросить: а законен ли такой переход с точки зрения логики? Есть еще аят на эту тему, показывающий, что все-таки Писанию верить можно:

"Всякий раз, когда мы отменяем стих или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он, или похожий на него. Разве ты не знаешь, что Аллах над любой вещью мощен?" (2, 106).

Это значит, что у Бога хватает сил на то, чтобы сохранять Свое записанное слово в роде человеческого в нерушимом виде. И с учетом исторического факта, что как минимум за пять веков до Мухаммада Библия была такой же, как в его времена и как теперь, ей следует верить. Иначе получается, что целыми веками люди живут по каким-то подложным Писаниям, и это никак Бога не беспокоит, когда же является Его величайший Пророк, то и через него посылается успокоительная ложь, что существующее у них Писание вроде бы истинно, что длительного перерыва в сохранении подлинного Божьего слова не было.

Иными словами, нам следует крепко опереться на Коран и показать, что в таком важном вопросе, как подлинность прежде бывшего Писания, он не дает достаточных указаний, чтобы серьезно сомневаться в этой подлинности.

Можно и вот такое место вспомнить:

"И не мог этот Коран быть измышленным помимо Аллаха, а только - в подтверждение истинности того, что было ниспослано до него, и в изъяснение писания, - в нем нет сомнения! - от Господа миров" (10, 37). Или вот этот аят:

"О, вы, которые уверовали! Веруйте в Аллаха и Его посланника, и писание, которые Он низвел Своему посланнику, **и писание, которое Он низвел раньше**. Кто не верит в Аллаха и Его ангелов, и Его писание, и Его посланников, и в последний день, тот заблудился далеким заблуждением" (4, 136).

Не ясно ли отсюда, как Пророк понимал цель своей миссии? Именно как подтверждение, доведение до своих соотечественников прежде бывшего Писания, не существующего в его время на арабском языке, по крайней мере, в его родной Центральной Аравии.

Тут вообще нашим собеседникам можно поставить вопрос немного пошире. Понимал ли сам Мухаммад все то, что возвещается через него в качестве Корана? Или он был просто Божьим микрофоном и Божьей флэшкой? Вряд ли мусульмане захотят так унижить своего пророка. Но если он понимал, что возвещает, то это значит, что он пересказывал откровение именно так, как сам его понял. А это в свою очередь означает, что, читая Коран, мы знакомимся с убеждениями самого Пророка.

И вот, в отношении Писания никак не удастся отделаться от впечатления, что Пророк глубоко убежден, что возвещаемое им в Коране есть именно повторение Писания, что "настоящая" Библия содержит именно то, что есть в Коране. И единственным важным пунктом расхождения является то, что некоторые "люди Писания" (конкретно, иудеи, но отчасти и христиане) сознательно выбросили из Писания пророчества о будущем великом арабском Посланнике.

В самом деле, попробуйте забыть о том, что вы читали Библию, сопоставьте все, что сказано о Библии в Коране, и попытайтесь догадаться, что должно быть в Библии с точки зрения человека, изрекшего Коран? Вряд ли у вас получится другой вывод. Похоже, что Пророк, не читавший Писания, не допускает, что в Писании содержатся вполне "человеческие" исторические сведения, хроники, мудрые нравственные наставления, свидетельства очевидцев или пересказ таких свидетельств (это касается Евангелия). По крайней мере, мусульмане, воспитанные на Коране, глубоко и поголовно убеждены, что подлинное Писание (которое существует неведь где) – это те слова, которые Бог строго продиктовал пророкам, даже если бы Он повторил одну и ту же записку двадцать раз (как в Коране). Признать хоть какой-то человеческий фактор в Коране они отказываются. Не берутся обдумать тот факт, что, например, историю Моисея Мухаммад не мог не слышать от евреев, причем не раз. Одну и ту же историю. Затем он многократно произносит вдохновенную поэтическую проповедь на эту же тему. Причем красота его слога и его собственная неграмотность в равной мере служат порукой того, что он не смог бы сам сочинить такие тексты, ведь он сам по себе не поэт. (Поэзия, по Маяковскому, это такая "пресволоочнейшая штукавина", которой люди учатся; тут мало таланта, нужен еще труд и опыт – ни того, ни другого, ни третьего у Мухаммада не было, а поэзия, однако, получилась). Непредвзятый человек скажет, что, пожалуй, Мухаммаду открылась прежде бывшая история Моисея, вроде бы известная ему по-человечески, но теперь уже в ясном поэтическом откровении. Подобно тому, как и самому Моисею открывалась прежняя история человечества от Адама, - история, которую Моисей, несомненно, знал и раньше из устного (или даже, возможно, письменного) предания, которое существовало в его времена. Но если Мухаммаду было откровение об истории Моисея, подтверждающее и раскрывающее данное ему от людей знание, то это не значит, что всякий раз, когда история Мусы пересказывается снова в Коране, это Бог диктует и диктует раз за разом одну и ту же историю через Пророка. Нет, это сам Пророк в разной аудитории и по разным поводам ведет проповедь (вдохновенную проповедь!), по-разному расставляя в ней акценты в зависимости от конкретной пользы для слушателей.

Любой пророк в Божьей руке – инструмент живой, думающий, отчасти самостоятельный, а не мертвая бумага или дискета. Хорошо бы постараться убедить в этом мусульманского собеседника, чтобы одними и теми же глазами смотрел на Библию и на Коран, признавая там и здесь наличие "человеческого фактора". И этот "человеческий фактор" не порок, не признак подделки Писания, а нормальное свидетельство того, что Бог уважает людей, их разум, понимание, их самостоятельность нравственную, особенно, если она направлена по Божьей заповеди и во славу Божию.

Но прежде нам самим нужно перестать относиться к Библии так, как мусульмане относятся к Корану. Нужно признать, что человеческие слова, почерпнутые из человеческих источников, в Библии есть, и их даже больше, чем непосредственно возвещенных Богом. Это нормально. По этой причине в Библии могут содержаться неточности, как, например, разночтения в родословиях между масоретским текстом Ветхого Завета и Септуагинтой, или неустранимые разночтения в деталях свидетельств между разными евангелистами. Такие ошибки правильно именовать именно неточностями. Они могут быть, они есть в Библии, есть они и в Коране (мы уже читали аят о распятии Исы). В Писании отсутствуют не ошибки, а грубые ошибки.

И, похоже, Бог относится к этому совершенно спокойно.

Для христианина должен быть убедителен такой простой довод. Наступило время, когда Бог заговорил с людьми человеческими устами от первого лица. То есть не использовал уста человека-пророка, а сказал Сам, Своими человеческими устами. И из этих уст, пречистых уст нашего Спасителя, не вышло первым повелением что-нибудь такое: "а теперь, друзья, возьмите двенадцать тростей и запишите четко, безошибочно, слово в слово все, что Я вам скажу; а потом сверьте и исправьте свои записи". Представьте, Бог, один раз в истории беседующий с людьми человеческим диалогом, лицом к лицу, даже в этот момент отнесся как-то совершенно равнодушно к тому

неоспоримому факту, что из всех Его учеников и слушателей писать умеют считанные единицы, да и тем не отдано приказание записывать.

Почему Иисус был так уверен, что Его слово и Его дело из памяти потомков не пропадет, не исказится, и что неизбежно вкравшиеся неточности не будут иметь никакого значения? Пророки опасались за передачу возвещаемого через них откровения, пытались принимать меры. Иисус явно за это не опасался. Нигде в Новом Завете мы не встретим ни малейшего намека на подобное опасение с Его стороны. Может быть, Он знает, что сохранность Божьего слова состоит во власти Божьего всемогущества, и лишний протокол беседы в этом отношении ничего особенного не прибавит?

Эта же мысль четко прописана и в Коране, - аят (2, 106), который мы процитировали выше.

Может быть, и нам самим разделить с Господом Его спокойствие в отношении Его слова?

Неоспоримое преимущество Библии

Здесь читатель может задать недоуменный вопрос. Значит, что же, нам следует самим подтвердить убеждение мусульман в том, что Библия полна ошибок? И разве этим мы сможем поколебать их уверенность, будто Коран ошибок не содержит?

Да, конечно, мы здесь идем на риск. Но, судя по опыту, в этом месте имеет смысл пожертвовать пешку, а не сражаться за нее, проигрывая всю партию. Ведь неточности, противоречия в библейских деталях, мусульмане прекрасно узнают и без нас. В этом им оказали уже много неоценимых услуг либеральные богословы и комментаторы Библии, постоянно пытающиеся ее критиковать с точки зрения теории эволюции и ее хронологий. Хорошенько запомните, подчеркните красным карандашом: худшие враги Библии это не мусульмане, а христианские отступники в атеизм, деизм, эволюционизм и агностицизм. Это они провели огромную работу, дали потрясающую волю своей буйной фантазии, - и все ради приведения Библии на суд теории эволюции, напялившей маску современной науки. Мусульмане же их только цитируют. А вы помните, что "виновен не жираф, а тот, кто крикнул из ветвей..."

Итак, мы признаем, что в Библии существуют неточности; просто мы не станем раздувать их до непомерных размеров вслед за либеральными комментаторами, которые подобны нашкодившим школьникам, нашедшим повод объяснить свое бунтарское, хулиганское поведение ссылкой на мелкие погрешности своих учителей.

Но за это мы потребуем у наших мусульманских собеседников, чтобы они прочли что-нибудь из Библии. Прежде всего, Бытие и Евангелие. Хотя бы это. Потом остальное.

И дальше мы заявляем примерно так. Мы критичны к своему Писанию. Но не в целом, а конкретно. Пожалуйста, попробуйте указать нам места, вызывающие у вас смущение. Если вы подозреваете, что именно это место подделано, испорчено, вставлено, придумано, - то обоснуйте ваше подозрение с двух сторон.

Во-первых, **по существу**: чем это место противоречит общему взгляду на Бога, на прежде изложенную библейскую историю и т.д.

Во-вторых, **по мотивации**: если вы подозреваете подделку священного текста, то, будьте любезны, представьте хотя бы какую-то мотивацию фальсификатора. Ведь речь идет о Священном тексте, а не о какой-то развлекательной макулатуре; к Священному тексту люди всегда относились серьезно, его подделка всегда считалась страшным преступлением. В таких условиях не бывает преступлений без мотивов.

Вот пример того места, где мусульманин указал мне однажды на подделку в Библии. Когда евреи уходили из Египта, то прихватили много египетского золота и серебра. В книге Исхода (11, 1-3) говорится, что это было по повелению Господа, а не по еврейской инициативе. Так вот, мой собеседник аргументировал свое подозрение, точно ли это было по велению Бога. Ведь, по сути, речь идет о заимствовании без возврата, о нарушении восьмой заповеди. Кроме того, это серебро и золото в пустыне были совершенно не нужны евреям, и даже ввели их в соблазн идолопоклонства – изготовления золотого тельца. Это обоснование по существу. Представил он и обоснование своего подозрения по мотивам: еврейский летописец прикрывает грех своего народа ссылкой на Божью волю.

В данном конкретном случае я не вижу возможности и необходимости возражать своему собеседнику. Я могу только предполагать, что без этого золотишка Моисею и вовсе не удалось бы сдвинуть евреев с места, и это не более чем предположение. Но пусть любое свое нареkanie к библейскому тексту наш мусульманин обоснует вот на таком уровне, не меньше. Что он увидел несообразного, и по каким мотивам эта несообразность могла быть вставлена в текст? А пока этого нет – да здравствует презумпция невиновности в отношении к священным текстам (и Корану тоже!).

Другая мусульманская придирка к Библии, которую я слышал, относилась к грехам царя Давида. Мусульмане говорят, что пророки не совершают тяжелых, смертных грехов, поэтому это место подделано. И, хотя по существу, с ними можно было бы согласиться, все-таки их претензия в данном случае не проходит по соображениям мотивации. Евреи так глубоко почитали и почитают царя Давида, что сами оклеветать его до такой степени никогда бы не решились и не позволили бы это сделать другим.

Готовностью критично отнестись к Библии мы можем усадить собеседника за священный текст. По-моему, это умный ход и справедливый обмен. Если только это действительно получится. Ведь большинство мусульман сами Библию не читали, а просто наслышались от наших либералов, что она вся полна ошибок, согласовали кое-как эту мысль с Кораном, и не желают больше вообще ничего слышать о Библии, полагая, будто все, достойное памяти, Коран оттуда уже извлек.

И каково же будет его удивление, когда наш мусульманин своими глазами увидит самое главное на этом этапе: несравненно большую **информативную насыщенность** Библии в сравнении с Кораном. Сам объем текста различается в разы. Кроме того, в Коране огромное количество повторений, десятки пересказов одних и тех же библейских историй (и некоторых небиблейских) заново. В целом это приводит к тому, что Библия содержит гораздо больше исторической информации.

И о каждой новости Писания мы теперь можем задать вопрос: что подозрительного или соблазнительного усмотрели вы здесь или тут? Пусть приведут обоснования своих подозрений по существу и по мотивации.

Если дело до этого дойдет, это очень хорошо. Значит, уже пошел конструктивный разговор. Да, здесь, конечно, нужна определенная подкованность в общей христианской апологетике, которую наша книжица дать не может, и не ставит этого целью. Но важно, что для сознательного и грамотного христианина разговор переходит на нашу площадку, где мы уже привыкли чувствовать себя более или менее уверенно. И прежде чем говорить о дальнейших особенностях разговора именно с мусульманином, хотелось бы поделиться мыслями о Писании вообще и о нашей цели в диалоге.

До скольких мы говорим?

Эта цель неплохо изложена в Коране, где постоянно внушается самому Пророку: ты только увещатель, на тебе только передача, не горюй о людях неверных. По-видимому, нам можно столь же скромно все такие цели отнести к самим себе. Не нужно прожектерства: вот, дескать, мы их сейчас завербуем в христиане! Это глупость. Мы никуда никого не можем завербовать и перетащить, и нельзя задаваться такими целями. Мы не тащим людей, а делимся с людьми. Религиозный выбор человек делает всегда лишь в ответ на сверхчеловеческий зов. Приходит **зов**. Человек отвечает или не отвечает. Вот и все. А наша задача, с одной стороны: убрать всякие глупости и предрассудки, которые нам известны, которые мы уже проходили и которые мешают человеку слушать, - и, прежде всего, убрать их из своей головы. А с другой стороны, создать условия для слышимости **зова**, не мешать этому зову, не шуметь.

Зов может быть расслышан в напряженности слуха и в расслабленности собственной речи. Чтобы наш собеседник в своей речи против Библии немножко расслабился и притих, нужны уважительные и доверительные с ним отношения. Нужна справедливость и доброжелательность к собеседнику и к его убеждениям и святыням. Иначе он будет в сердце, в мыслях, а то и на устах **кричать** на вас – и поэтому не расслышит **зова**.

Мы не можем вызвать, индуцировать, спровоцировать зов, ускорить его или замедлить. Наша задача скромнее: преодолеть предубежденность против Библии и христианства. Главный наш

союзник в этом деле – это Коран. На него придется опираться много и часто. И нет нужды нервничать по поводу того, что наш собеседник не поверил в Иисуса Христа, как Спасителя и не стал христианином. И ладно. С нас достаточно, если мы в мусульманских сердцах гасим вражду и неприязнь к христианству и Библии. Ведь, кроме того, мы и из христианских сердец выгоняем страхи, предрассудки, неприязнь по отношению к исламу – это тоже не такая уж мелочь. Если наш мусульманский собеседник стал психологически способен брать в руки Библию не как бомбу или как ежа, читать ее с минимальным доверием и обсуждать ее с нами, то может быть, мы уже достигли потолка возможного для нас, как людей. Ведь мы же все-таки не больше, чем люди. Люди слабее своих исторических обстоятельств.

А Бог сильнее наших исторических обстоятельств. В Библии есть Божье слово, - с такой формулировкой и мусульмане соглашаются, правда, иногда почти сквозь зубы. Божье слово – это сильное слово. Сильное своей способностью проникновения в такую глубину человеческого сердца, куда не проникает человеческое слово. Лишь бы только человек заранее против него не ошестинивался. Помочь снять эту негативную реакцию – вот, наше дело. Остальное – Божье дело. И не нужно хвататься за чужое, не сделавши свое.

Мусульманин, как добрый наш сосед, с которым можно поговорить о религии, притом умно и интересно для обоих, поделиться и научиться... Это не так уж мало.

Сопоставим с Кораном. История грехопадения

Итак, наш друг мусульманин начал читать Библию. Давайте по ходу дела сопоставлять прочитанное с Кораном. В части Ветхого Завета мы не найдем принципиальных, непримиримых расхождений.

В Коране немного аятов о сотворении, и они практически во всем повторяют друг друга. Мы узнаем оттуда, что Аллах сотворил небо и землю за шесть дней, что создал Он и небесные светила и сами небеса в семь "этажей", естественно, небеса в духовном смысле. Последовательности шестидневного творения мы в Коране не найдем. Есть либеральные библеисты, которые шесть библейских дней протягивают на неопределенно долгие сроки, подгоняя это под теорию эволюции. Есть подобные же попытки и с мусульманской стороны. Но это все потуги эволюционистов. Любой непредвзятый исследователь подтвердит, что Моисей верил в шесть "нормальных" дней, в системе отсчета, связанной с землей, и точно так же верил и Мухаммад. Оба были "библейскими креационистами" – в современной терминологии, а все попытки перетолкования их писаний в эволюционном духе не имеют к ним самим никакого отношения.

Единственно важное догматическое положение христианства, отрицаемое в исламе и базирующееся на книге Бытия, - это учение о последствиях согрешения прародителей. В богословии его называют доктриной о первородном грехе, но на самом деле тут нужно разумеать глубоко разработанное святоотеческое учение, а не его вульгаризацию в средневековой западной схоластике. Книга Бытия дает достаточно информации, чтобы понять: после печального события в Эдеме весь мир изменился в худшую сторону (*проклята земля за тебя* – Быт. 3, 17), человек стал легко подвижен на грех, стал болезненным и смертным, стал нуждаться в спасении и избавлении от адского змея. В исламе же поступок Адама и Евы касается только их самих. Адам покаялся, был прощен и стал первым из пророков. Греховность человека рассматривается только как следствие дарованной человеку свободы: любой из нас не менее и не более нравственно свободен, чем Адам. А болезненность, смертность установлены самим Творцом изначально, ради испытания людей и вечных наград. Таково исламское представление, вполне совпадающее в этом месте с иудейским. А ведь иудеи читают ту же книгу Бытия, что и христиане. И в этой книге "доктрина первородного греха" не сформулирована в четком виде. Здесь просто показано, как именно изменился мир и человек. Это иудеи уже сами решили, что и первозданный мир, вышедший из рук Творца, с самого начала был таким же, как теперь, с болью, смертью и законом джунглей. В Бытии говорится о первом мире, что он был весьма хорош (Быт. 1, 31), и не повторяется этого о мире после грехопадения. Иудеи это обстоятельство игнорируют, - но и только.

А вот в Коране история грехопадения Адама и Евы пересказывается не менее четырех раз, причем в целом по одному и тому же сюжету с очень малыми вариациями. Вот наиболее подробный вариант этого рассказа:

"Мы утвердили вас на земле и устроили вам там средства жизни, - мало вы благодарны! Мы создали вас, потом придали вам форму, потом сказали ангелам: "Поклонитесь Адаму!" - и поклонились они, кроме Иблиса; он не был из поклонившихся. Он сказал: "Что удержало тебя от того, чтобы поклониться, раз Я приказал тебе?" Он сказал: "Я - лучше его: Ты создал меня из огня, а его создал из глины". Сказал Он: "Низвергнись отсюда; не годится тебе превозноситься там! Выходи же: ты - среди оказавшихся ничтожными!" Он сказал: "Дай мне отсрочку до дня, когда они будут воскрешены". Он сказал: "Ты - среди получивших отсрочку". Он сказал: "За то, что Ты сбил меня, я засяду против них на Твоем прямом пути. Потом я приду к ним и спереди, и сзади, и справа, и слева, и Ты не найдешь большинства их благодарными". Сказал Он: " Выходи оттуда опозоренным, униженным! Тех, кто последовал из них за тобой... Я наполню геенну вами всеми! А ты, Адам, поселись ты и жена твоя в раю; питайтесь, чем хотите, но не приближайтесь к этому дереву, а то вы окажетесь несправедливыми!" И нашептал им сатана, чтобы открыть то, что было скрыто от них из их мерзости, и сказал: "Запретил вам ваш Господь это дерево только потому, чтобы вы не оказались ангелами или не стали вечными". И заклил он их: "Поистине, я для вас - добрый советник". Так низвел он их обольщением. А когда они вкусили дерева, явилась пред ними их мерзость, и стали они шить для себя райские листья. И воззвал к ним их Господь: "Разве Я не запрещал вам это дерево и не говорил вам, что сатана для вас - ясный враг?" Они сказали: "Господи наш! Мы обидели самих себя, и, если Ты не простишь нам и не помилуешь нас, мы окажемся потерпевшими убыток". Он сказал: "Низвергнитесь! Одни из вас враги для других. Для вас на земле местопребывание и пользование на время". Он сказал: "На ней вы будете жить, и на ней будете умирать, и из нее будете изведены". О, сыны Адама! Мы ниспослали вам одеяние, которое прикрывало бы вашу мерзость, и перья. А одеяние богобоязненности - лучше. Это - из знамений Аллаха, - может быть, вы вспомните! (7, 10-26). Параллельные места: 2, 29-39; 15, 28-43; 20, 115-125.

Относительно грехопадения Иблиса (коранического Люцифера) Коран повторяет историю, известную из иудейского мидраша. В Библии ее нет, но, вообще говоря, смыслу Библии и христианскому пониманию она ничуть не противоречит. И в Библии прямо говорится, что *завистью дьявола в мир вошла смерть* (Прем 2, 24). И в святоотеческих писаниях не раз указывается, что падший ангел однозначно запечатлел свое падение именно завистью к человеку и борьбой против него.

В остальном же это место Корана содержит смысловой пересказ Бытия, причем со вполне библейской оценкой всех ключевых моментов. Заповедь, искушение ложью о величии и бессмертии, согрешение, суд, изгнание, обещание людям вражды, болезни, смерти и будущего воскресения, - все есть. Даже сюжет про одежду не опущен. Разница лишь в том, что по Библии в ответах прародителей в самом Эдеме еще не чувствуется покаяния, но, по-видимому, это вполне простимый анахронизм.

Короче сказать, на основании этих аятов мы вполне можем обосновать нашему другу мусульманину христианское учение о грехопадении. Действительно, если рассмотреть хронологически и с точки зрения причинно-следственных связей, откуда взялась вражда людей, то есть грех, откуда взялась смерть, что означает слово: "низвергнитесь"? Умирили ли люди до Адама? И разве умирали бы они, если бы не прозвучало это: "низвергнитесь"?

Внятно ответить на эти вопросы мусульманину вряд ли будет легче, чем иудею на аналогичные же вопросы по книге Бытия. Никуда не денешь тот факт, что и по Библии, и по Корану, прегрешение Адама и Евы изменило статус их и всех их потомков. Грех и смерть поселились в человеческом роде.

Грамотный мусульманин, впрочем, поняв, куда вы клоните, откроет Коран и прочтет вам эту же седьмую Суру чуть дальше:

"О, сыны Адама! Пусть сатана не искусит вас, как он извел ваших родителей из рая, совлекши с них одежду, чтобы показать им их мерзость. Ведь он видит вас - он и его сонм - оттуда, откуда вы их не видите. Поистине, Мы сделали шайтанов покровителями тех, которые не веруют! А когда они сделают какую-нибудь мерзость, то говорят: "**Мы нашли в таком состоянии наших отцов, и**

Аллах приказал нам это". Скажи: "Поистине, Аллах не приказывает мерзости! Неужели вы станете говорить на Аллаха то, чего вы не знаете?" (7, 27-28).

Тут только слепому не видно возражение на эту, с позволения сказать, "доктрину первородного греха". Но здесь она сформулирована в таком извращенном виде, в каком любой христианин Востока и Запада, безусловно, ее отвергнет и согласится с Кораном, что Бог "не приказывает мерзостей". Оправдание греха ссылкой на "падшее естество" никогда в христианстве не принималось. Так что спорить с Кораном здесь не нужно, а вот возразить нашему собеседнику на исламское учение в этом вопросе по существу вполне можно.

Повсюду в Коране разбросаны сетования, что большинство слушателей Пророка не станут веровать в Единого Бога. В коранических историях про библейских пророков и небиблейских пророков Худа, Салиха, неизвестных нам, повсюду слышны тяжкие вздохи: большинство людей не верует пророкам. Когда пророка отвергают и даже убивают, это явление, к сожалению, более частое и более, так сказать, нормальное, чем, если его вдруг послушают. Пророки одиноки, а грешники многочисленны, солидарны и преуспевают в этой жизни. Отвергнуть такую картину на основании Корана никак не возможно. Разумеется, такова же она и в Библии. Тогда пусть наш мусульманин попробует нам это объяснить. Как так получилось, что добро и зло перед нами совершенно не равноправны? Люди делают выбор между ними в отношении 1:99, а вовсе не 50:50, как было бы, если бы воля человека была поистине свободна между добром и злом, как у Адама.

Лично мне не довелось от них расслышать внятного ответа на такой вопрос. Говорят что-то вроде: "ты понял заповеди Божьи, так и живи по ним!" Но, конечно, это не ответ.

Однако на этом примере мы еще раз убеждаемся в очень важном для нас обстоятельстве: Коран нам не помеха, а помощник в наших беседах. Его нужно хорошо знать и умело применять.

Пять вопросов о Евангелии

Сравнить истории Ветхого Завета в их кораническом и библейском варианте было бы интересно. Кораническое изложение библейских историй повсюду обогащено легендарными подробностями. Возможно, они идут от неких иудейских преданий. В любом случае по поводу этих историй едва ли выйдет разговор о серьезных догматических расхождениях.

Поэтому придется перейти к Новому Завету. С учетом всего, что мы уже выяснили о воззрениях Корана на Ису Масиха, что мы можем сказать мусульманам?

Текст Корана говорит об Исе достаточно таинственно и неопределенно, как мы уже видели. От людей или от Бога узнавал Мухаммад все сказанное в Коране, - одно остается совершенно несомненным: евангельской истории и основных мыслей апостольских посланий Пророк просто не знал. Перед этим фактом мусульманского собеседника нужно просто поставить, - разумеется, после того, как он сам прочтет Евангелие. Если он не захочет с этим согласиться, то пусть даст ответ на следующие вопросы.

1. Как мы уже видели, Мухаммад обещает в Коране от лица Божия: «О, обладатели писания! К вам пришел Наш посланник, чтобы разъяснить многое из того, что вы скрываете в писании, и проходя мимо многого. Пришел к вам от Аллаха свет и ясное писание» (5, 15). Где выполнение этого обещания в отношении Нового Завета? Мимо чего мы, христиане, проходили? Что мы скрывали? Где эти вопросы рассмотрены в Коране? Мы, живущие после Пророка, искренне не знаем, где и что пропустили, скрыли или забыли наши далекие предки – первые христиане. Скажите, что именно? Мы уже устали от пустословия либеральных библеистов (деистов и атеистов) на эту самую тему. Они постоянно говорят о недостатках существующих четырех Евангелий, о громадных и непримиримых противоречиях между ними. Но каждый новый подобный автор выкладывает лишь свои, всякий раз новые и оригинальные, предположения о евангельском сюжете и о якобы подлинных наставлениях Иисуса. Проходит время и новый вариант «подлинного исторического Иисуса» начинает говорить нечто новое, а наши мусульманские друзья с готовностью повторяют эти зады либеральной библеистики. Но важно другое: связного рассказа об Исе в Коране нет. Просто по факту.

Если к обладателям Писания пришел Божий посланник, чтобы исправить наше Писание, то он должен знать это наше Писание, что в нем верно, а что он собрался исправлять. Но ни исправлений, ни разъяснений по поводу Евангелия нам в Коране так и не дано. Коли так, то и к нам, христианам, все претензии по поводу «порченного Евангелия» неправомерны. Это элементарное требование справедливости.

2. Даже то, что сообщено нам об Исе в Коране, никак не сопрягается с историческими данными о той эпохе. Знаем ли мы о римской и еврейской истории времен Иисуса? – Знаем, и довольно неплохо. У нас есть очень надежные и пространные первоисточники, которые никто не пытается оспаривать. По еврейской истории – это сочинения Иосифа Флавия, Талмуд (точнее, Мишна, собрание изречений мудрецов того и последующего времени), и, конечно, Кумранская библиотека. По римской истории основное – это сочинения Светония, Тацита, Плиния Младшего. И все они трое упоминают о Христе и/или христианах.

И вот, на этом фоне Иса из Корана является каким-то анахронизмом по отношению к еврейскому социуму. Он со своей проповедью чистого единобожия (а никакой другой проповеди в его уста Коран не вкладывает), опоздал веков, эдак, на семь или восемь. В еврейском обществе первого века, как его нам показывают надежные и бесспорные первоисточники, такой пророк просто ломится в открытую дверь. В этом обществе уже двести лет никто и не думал сомневаться в чистоте и правоте единобожия. Проповедь единобожия там выглядела бы так же, как в XX веке выглядела бы проповедь астрономической идеи Коперника! Нет сомнений, что Ной, Авраам, Моисей занимались проблемой единобожия, для них это было актуально, (как и для самого Мухаммада актуально было именно это), но, извините, сколько лет минуло с тех пор? Если о тех пророках Коран повторяет библейскую правду, то об Исе нечто настолько неопределенное и запутанное, что напрашивается вывод: Мухаммаду евангельская история не открылась.

Могут ли мусульмане разъяснить нам, откуда взялся этот странный анахронизм в проповеди Коранического Исы?

3. Следующий вопрос служит продолжением предыдущего.

Мухаммад свидетельствует, что иудеи были против Исы, не верили ему, хотели убить его, строили ему козни, но тщетно. Но в чем суть этого конфликта, из Корана неизвестно. Известно только следующее. С одной стороны, Коран явно и однозначно стоит на стороне Исы. С другой стороны, претензия иудеев к нему тоже известна. С первого упоминания об Иисусе в Талмуде (не приводим тут евангельского свидетельства о претензиях иудеев, как исходящего не из первых рук) и до сего дня иудеи обвиняют Иисуса во лжи и колдовстве (что подтверждается и Кораном), но главное – в самозванстве, в ложном притязании на роль Мессии. И что страшнее всего, что Иисус именно уравнивал себя с Богом, притязал именно на Божию власть: прощать грехи, давать заповеди, судить мир, подавать жизнь. Иисус – согласно и Евангелию, и иудейскому мнению – разрушал строгость единобожия, по крайней мере, подал к этому очень серьезный повод, которого не подавал никакой Божий пророк до Него. То есть дал повод именно к тому, против чего всю жизнь боролся Мухаммад. По крайней мере, в этом не сомневались с первого века ни христиане, ни иудеи. Для одних Иисус всегда был воплотившимся Сыном Божиим и Спасителем, для других – худшим из обманщиков, но те и другие вполне соглашались в том, что Он считал себя значительно выше человека по самой природе и по своим полномочиям.

Казалось бы, в такой ситуации Мухаммад должен был однозначно встать на сторону иудеев, - если бы, то есть, он знал и понимал, о чем спор у «людей Писания» между собою. Но он встает на сторону Иисуса, причем решительно, - и не пытайтесь мне доказывать, будто это плод человеческой логики, а не Божие указание. Но, чтобы согласовать свою симпатию к Иисусу со своим же строгим единобожием, приходится всю специфику Иисусовой проповеди у Него отобрать, сделать его только повторителем тавтологии единобожия.

Даже если принять, что Евангелие наше является полной ложью за исключением нескольких нравственных наставлений Иисуса, и что исторический Иисус никогда ни на что высокое не притязал, то такого Иисуса никак не удастся затолкать в контекст его общества. Учителей без особых претензий в еврейской истории было тогда немало: Гилель, Шамай, Гамалиил, упоминаемый в Книге Деяний, - и все они с большим почитанием вспоминаются в Талмуде, хотя и не во всем были согласны между собой. Никто из них не положил свое имя в основание раскола еврейского

общества, - как это получилось связано с именем Иисуса Христа, а не кого-то другого. Иисус, призывающий: поклоняйтесь Единому Богу, это прямой путь, - мог выглядеть на улицах тогдашнего Иерусалима добрым чудачком, но никогда бы не вызвал к себе никакой неприязни.

Итак, пусть наши собеседники дадут коранический и исторически обусловленный ответ: за что иудеи отвергли Ису Масиха? За что хотели его убить? Чем он их раздражил, если уж христианская и еврейская версия ответа на этот вопрос их не устраивает?

4. Теперь важный вопрос о чудесах и титулах Исы Масиха согласно Корану. Мы все их уже рассмотрели выше. И видели, что Иса – это самый одаренный в этом смысле пророк.

Вообще, что касается знамений и чудес, то контекст обсуждения этой темы в Коране очень любопытен. В Коране постоянно свидетельствуется, что у Мухаммада люди просят и требуют знамений. Ответ его распадается на две основные части. Во-первых, знамением служит сам Коран, как неподражаемое поэтическое произведение, изреченное не поэтом и не грамотным человеком. В этом есть своя важная логика. Я полностью согласен с мусульманами в том, что они говорят об этом, а именно: Бог дает людям те знамения, которые данный народ в данное время легче всего примет. Арабы времен Мухаммада очень ценили поэтов; поэты служили в качестве главных воинов тогдашней информационной войны. И вот именно им послан Пророк со знамением в виде Корана. Исторично и логично. Во-вторых, Пророк в Коране утверждает, что знамения он не может самостоятельно вызвать, они могут прийти только от Аллаха, и их надо просто подождать. "И говорят они: "Если бы было ниспослано ему знамение от его Господа!" Скажи: "Тайное принадлежит только Аллаху. Ждите, и я с вами ожидаю!"(10, 20, см. также 11, 12 и др.). И в качестве примера Мухаммад приводит Мусу, Ибрагима, Нуха (Ноя), Лута (Лота) Салиха, Шуайба (его отождествляют с Иофором, тестем Моисея), которые проповедовали единобожие язычникам без всяких знамений. Этих пророков не слушали, но потом в свое время приходило Божие наказание на тех, кто презирал пророческое слово. Как прекрасно все эти примеры собраны вместе и изложены одной 26-й сурой, а потом еще не раз по отдельности!

Справедливости ради отметим, что Иисус в Евангелии тоже отказывается совершать знамения с неба по заказу. Так что логика Пророка в Коране в этом вопросе безупречна. Но что касается Исы, то дело не в этом.

Только о Мусе (Моисее) и Исе в Коране сообщается, что они сотворили много чудес. Египтяне отвергли чудеса Мусы, а иудеи – чудеса Исы, заподозрив обоих в колдовстве. Все это верно. Но если цель чудес Мусы совершенно очевидна в свете того, что ему предстояло сделать, то об Исе ничего подобного сказать нельзя. Как его проповедь оказалась по Корану тавтологичной, стуком в открытую дверь, так и чудеса его не преследуют совершенно никакой понятной цели. А ведь его чудеса уникальны по масштабу и размеру. Они начинаются с его рождения от Девы – зачем это? Что это нам показывает? Затем чудеса продолжаются уже в колыбели – Иса говорит будучи новорожденным младенцем, причем сразу, как пророк. Чудеса сопровождают Ису в самом детстве, и затем по всей его жизни вплоть до таинственного исчезновения перед предполагаемым(?) распятием. Спрашивается, для чего Бог попусту проливает такой поток чудес, ничего и никому не говорящий, притом, что на долю печати пророков – Мухаммада, которому как раз нужно уверить тьму язычников, даже из разных народов, практически не остается никаких заметных чудес? Из его знамений указывают лишь на странное видение расколовшегося месяца (54, 1-3), но какая мораль следует из этого чуда, решительно не понятно.

Между тем чудеса евангельского Иисуса вполне понятны. Они должны подтвердить характер Его служения – мирный и человеколюбивый, поэтому они состоят в исцелениях, а не в пожигании противников небесным огнем. Они подтверждают, что Иисус говорит правду, но это имеет смысл, лишь если Иисус и впрямь проповедует нечто необычное, что нужно подтвердить с Небес. А если Он говорил бы банальности, которые и так всем понятны, то чудеса Ему были бы не нужны.

Итак, что же скажут нам мусульмане по поводу многих чудес Исы Масиха?

5. Распятие Исы Масиха.

Мы уже рассмотрели единственный аят на эту тему – 4, 157. Масса современных мусульманских версий на эту тему расходится во все стороны. И все они перехвачены лишь одним общим пояском в самом своем начале: что-то типа распятия было, но это всем только показалось.

Принять более простое объяснение этого аята: иудеям показалось, что, убив Ису, дело о Нем закрыли, а на самом деле Он жив и вознесен к Аллаху, - никто из моих мусульманских собеседников не согласился. Зато в фантазиях на тему его дальнейшей судьбы недостатка не было. Опять же тон задавали кричавшие из ветвей попугаи либеральной библеистики. Это уже не удивляет, но надоедает.

Ну, хорошо, - скажем мы мусульманам. Давайте не станем фантазировать, а остановимся только на одном зафиксированном для вас моменте: что-то, связанное с распятием было, но участие в этом факте Исы было призрачным. Тогда это никак иначе нельзя объяснить, что Бог **Сам прибег к мистификации** для спасения жизни Исы. Мистификация получается не со стороны дьявола (тот, конечно, желал бы убить Ису), а именно со стороны Бога, Который возносит Ису к Себе. Так вот возникает вопрос о законности, справедливости, а соответственно подлинности такого действия со стороны Истинного Бога, как массовая мистификация для огромного количества людей.

а) Бог Истины прибегает к обману? Как такое может уложиться в сознании? Причем обманывает не только врагов, но и массу других свидетелей.

б) Неужели не было другого средства, если нужно было избавить Ису? Почему Он не мог явно, при всех сойти с креста, как того и требовал стоявший вокруг народ? Неужели у Бога не хватало на это могущества? Да и вообще, почему дело дошло до распятия, разве нельзя было избавить Пророка раньше? Ведь спасены же были и Ной, и Лот, и Авраам, и Иов, и Моисей от всех смертных опасностей, - и все их истории пересказаны в Коране.

в) Страждущий, даже погибающий пророк, согласно Корану, это не какой-то нонсенс. Такое случается: "одних вы объявили лжецами, других вы убиваете" (2, 87).

г) Прибегнув к такому странному средству, как тщательный обман множества людей, как Бог потом может поведать им правду об Исе? Почему эта "правда" приходит к ним только через шесть веков, а до этого и евреи, и римляне, и христиане, верующие в воскресение и неверующие, были равно убеждены в факте распятия. Это было ложью, эту ложь тщательно продумал и поставил весь спектакль Сам Бог, - и Он же за это ложное мнение, в котором продержал шестьсот лет все человечество, в конце концов, осуждает христиан?!

У вас голова еще не кружится? Присядьте, сделайте вдох-выдох, оторвитесь от книжки на минутку. Давайте в этой точке послушаем коранический совет: не преступать пределов Аллаха, не говорить на Него то, чего мы не знаем.

Версия массовой мистификации и галлюцинации выставляет Бога в каком-то совершенно ужасном и неподобающем свете. Пусть объяснят нам наши собеседники, как они с этим примиряются. А чтобы им не пришлось критиковать Коран, - пусть примут приведенное выше прямое и простое понимание этого аята, которое *не глаголет на Бога неправду* (ср.: Пс. 74, 6).

Обоснование воскресения Иисуса

Воскресение Иисуса Христа – стержень всей христианской веры и надежды. Если кому-то вдруг станет ясно, что этого события в человеческой истории, действительно, не было, то, конечно, с христианством нужно сразу же расстаться, и в таком случае ислам станет лучшим выбором из того, что останется в мире человеческих религий. Это не наше частное мнение, точно так же считал и апостол Павел: *а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают* (1 Кор. 15, 14-15). То есть, ставки сделаны и ответственность осознанна. Если воскресения Христа в теле не было, то вера в Евангелие – это не просто пустое занятие, а и кое-что похуже – клевета на Бога со всеми вытекающими.

Что касается Корана и ислама, то на первый взгляд кажется, что вопрос о воскресении Иисуса просто не стоит. Если не распят, то какое же тут воскресение? Впрочем, мы приводили два аята об Исе, где упоминается нечто о его воскресении, но там совершенно непонятно, относится ли это к последнему дню общего воскресения или пораньше. Текст Корана разрешает понять и так, и эдак.

Во всяком случае, когда речь неизбежно зайдет об этом стержневом вопросе, то театр борьбы полностью смещается на христианскую сторону. Критиковать Коран здесь у нас нет нужды,

поскольку в его тексте нет прямого отрицания, а аят относительно распятия, как мы видели, допускает тоже двусмысленное толкование.

В этом вопросе в атаке находятся мусульмане, а не мы. И опять, как всегда, все материалы для полемики нашим мусульманским друзьям любезно предоставили наши христианские «друзья» - либеральные толкователи Библии и отступники. И их-то главная мотивация – в отличие от мусульманской – это просто отрицание чудес, как таковых. Вера в чудеса не является для мусульман проблемой, и они знают, что с именем Исы связывается много подлинных чудес и знамений Аллаха, отрицали которые только неверные. Так что и мы тоже должны делать разницу между верными и неверными.

Так вот, более или менее серьезных «танков» на этом направлении на нас выкатывают два. Первый – это противоречия в показаниях евангелистов, а второй – аналогии с античными мистериями Осириса, Изида, Митры и т.д.

Разборкой противоречий в Евангелиях занимались борцы с христианством со времен Цельса, со второго века, когда они, наконец, удосужились книги Нового Завета хотя бы прочитать. Вот и начали выискивать расхождения в деталях: сколько женщин было у гробницы Иисуса, где они видели ангелов, внутри могилы или на камне, и сколько было ангелов, обещали ли ангелы, что Христос явится в Галилее, а Он является раньше. И так далее. Показательно, что и древняя церковь такой критикой абсолютно не смутилась и даже не пыталась как-то «подчистить» показания евангелистов. Явно, что она считала эту критику совсем не страшной для основополагающего своего верования.

Что же можно возразить на эту критику по существу? Не следует пытаться ходить путем совмещения показаний, выдумывая четыре разных похода жен-мироносиц в разное время и в разном составе. Это неправдоподобно. Гораздо вероятнее, что кто-то из евангелистов ошибается в одних таких деталях, а другой в других, а большей частью они просто опускают подробности. Ведь из евангелистов уж точно никто не был прямым свидетелем того, что увидели женщины, пришедшие первыми. И со слов этих женщин, записаны сами показания. Причем записаны не на допросе, не в пыточной камере, не там, где придирчивый следователь выясняет степень надежности свидетелей, нарочно ставя вопросы о незначительных деталях. Евангелист Иоанн указал, что слышал свидетельство Марии Магдалины, обнаружившей пустую гробницу. Явно, что ему совершенно неважно, была ли она там одна или с ней были другие. Для евангелиста, поверьте, важно другое, и через шестьдесят с лишним лет после события он такое обстоятельство (количество и имена женщин) мог и забыть. Потом Мария увидит ангелов и Самого Иисуса и расскажет об этом. Представьте себе ее состояние: после тяжелой нервной перегрузки двух последних дней еще и такие видения. Давно ли вы сами говорили с ангелами и с воскресшими? А вас не проверяли на детекторе лжи об обстоятельствах подобных видений? Тогда что же вы хотите от бедной женщины?

Женщины у пустой гробницы, сколько бы их ни было, глубоко потрясены, причем вовсе еще не радостью, а ужасом. На основании их показаний глупо было бы выяснять, как должны выглядеть ангелы. Но два факта очень трудно опровергнуть: гробница пуста, и какие-то видения все-таки при ней были. Вряд ли сочиняет или ошибается Иоанн, говоря, как рассматривал во гробе погребальные пелены, ведь здесь он не говорит ни о каких видениях, бывших ему самому.

Тела казненного Иисуса нет. Это должно сильно расстраивать синедрион, с учетом всего, прежде произошедшего. Предпринять усилия по поиску можно было бы, чтобы пресечь общественное движение учеников этого странного Плотника. Предъявить тело – и христианства на планете больше не будет никогда. Не так уж много, казалось бы. Самих учеников заодно можно предать римскому суду за нарушение римского законодательства о неприкосновенности могил. Неважно, будет ли это обвинение истинным или ложным. И, однако, ничего такого не произошло, а христианская вера очень вскоре начинает триумфальное шествие, охватывая в разы больше последователей, чем при жизни Самого Иисуса. Что-то должно же за этим стоять.

Так что разноречие в показаниях не является доказательством сочинения истории на ровном месте. Если на глазах десятка свидетелей происходит внезапное, странное, эмоционально потрясающее событие: драка, стрельба с бегством, автомобильная авария, взрыв, падение крыши или предметов с нее и так далее, - то вы можете быть заранее уверены, что все показания свидетелей, прямых свидетелей, в описании разных деталей события, непременно разойдутся между собой.

Сознание каждого впечатляет только некоторые наиболее яркие, но отрывочные впечатления, которые закрепятся в ходе пересказа, так что сам свидетель будет помнить картину с неизбежным искажением. А корреспонденты, опросившие одного из свидетелей, с его слов дадут еще более искаженную картину. И, однако, это никак не означает, что самого события не было.

Таков просто опыт расследования всех внезапных, ярких, эмоционально потрясающих, событий.

Далее о явлениях воскресшего Иисуса Своим ученикам критики тоже старательно собирают противоречия. Например, явление Иисуса на Тивериадском озере в 21 главе Евангелия от Иоанна сопоставляют с чудесным уловом рыбы, бывшем в самом начале проповеди Иисуса и описанном в 5-й главе Луки. Услышав об этом, не спорьте. Не нравится им – опустите всю 21 главу Иоанна. Подобно тому и сообщение о страже у гроба Иисуса вы тоже смело можете не рассматривать, если критики настаивают, будто его не было, потому, дескать, что оно содержится только у Матфея. Концовка Евангелия от Марка с 9-го стиха 16-й главы тоже отсутствует в ранних рукописях, - не ссылайтесь и на нее. Оставшихся сообщений о явлениях Иисуса ученикам в Иерусалиме и в Галилее будет вполне достаточно, чтобы утверждать, что такие явления были. Какая-то фактическая основа за ними, безусловно, должна стоять. Но здесь мы от выяснения вопроса **по существу**, переходим к выяснению **мотивов**.

На этом направлении на нас ползет второй танк критики. Нам указывают, что христианство якобы списало у последователей мистериальных культов того времени, как идею воскресения Бога (Божьего Сына), так и идею причащения Его кровью.

Что же, именно в те времена такие мистерии были, в их основе лежали мифы о смерти и последующем воскресении неких вторичных божеств (детей богов). В мифах действительно утверждалось, что смерть Осириса или Митры имеет искупительное значение для последователей культа, посвященных в мистирию и вкушающих соответствующую ритуальную трапезу, так сказать, чашу бессмертия. Отрицать сходство с христианством на уровне идей совершенно бессмысленно.

Однако не нужно допускать логическую ошибку.

Если явление А (мистерии) предшествует аналогичному явлению Б (христианство), то это не значит, что Б обязательно заимствовало из А. Есть еще две возможности. Во-первых, совпадение, хотя это и маловероятно, во-вторых, их общее заимствование из источника С. Что, очевидно, и имеет место в данном случае. Источник С – это промысел Божий. Через человеческую фантазию и сектантский энтузиазм этот Промысел подготовил, по крайней мере, часть язычников греко-римского мира к более легкому восприятию евангельских идей.

А почему это более вероятно, чем прямое заимствование?

Есть очень важное различие между христианством и мистериями. Везде в мистериальных мифах события смерти и воскресения богов происходят не в реальном земном мире. Ни Осирис, ни Митра – это не люди, не подданные Августа, рассказывавшие поучительные притчи и исцелявшие людей и притом всего лишь год, пять, десять лет назад. Ничего подобного они не делали. И поэтому в том античном мире приверженность к мистериальному культу легко сочеталась с глубочайшим **неверием в телесное воскресение** человека. С этой проблемой столкнулись все проповедники христианства и Павел в том числе. В воскресение Осириса люди верят, а в воскресение распятого Иисуса из Назарета – с гораздо большим трудом. Это обстоятельство полагает непроходимую пропасть для прямого заимствования.

И тут встает общий вопрос: а как могла при отсутствии самого события возникнуть вера в воскресение Иисуса Христа? Какова мотивация сочинителей такой фальсификации? Фальсификации не то, что века, а всей мировой истории. Почему нигде в мире больше нет и не было религий с воскресающими бого-людьми, только что жившими между людей? Хотя полно религий с умирающими и воскресающими богами.

Еврейский мир на тот момент Иисуса уже не считал Мессией. Мессия умереть не может, а Иисус распят и погребен. Продолжать Его дело – совершенное безумие. Самое умное, что можно сделать в Его память – это просто чтить и распространять Его учение, если уж очень хочется и не страшно повторить столь же бесславно Его судьбу. Пожалуйста, учите евреев и дальше подставлять римлянам другую щеку, пока вас эти евреи не набьют по обеим щекам. И что вы дальше собираетесь делать?

Ученики Иисуса шли не за добрым дяденькой, а за Спасителем и Царем Израиля, за Господом жизни и смерти, в Котором исполнятся все обетования пророков. Верить в мертвого Мессию – это просто психопатия. Воровать его тело и потом так согласно лгать о воскресении на весь мир?.. Знаете ли, ведь это же не профессиональные Штирлицы, способные десятки лет играть в одну и ту же роль. Конечно же, с годами хотя бы некоторые из них раскололись бы, признались бы во лжи. И опять же, с какой целью это делать? Ведь такая проповедь обрекает проповедника на нищету, гонения и смерть.

Между тем, когда Павел пишет свое первое послание христианам Коринфа, на дворе стоит примерно 55-56 год. В подлинности этого письма, в его принадлежности Павлу и в его датировке никто не сомневается, даже из либералов. Прошло чуть более двадцати лет после Распятия. Церковь распространилась по всему Средиземноморью на двух вестях: 1) Иисус заявил, что Он и есть обещанный Мессия, Супер-Посланник Бога, и 2) Бог подтвердил это, воскресив Его из мертвых. И при этом Павел заявляет тем же Коринфянам, что именно на проповеди воскресения Иисуса из мертвых базируется вся проповедь, как его самого, так и других апостолов и христианских проповедников, из которых до этого времени есть еще живые свидетели воскресшего Иисуса.

Не в интересах Павла было бы говорить здесь за других апостолов нечто, противоречащее истине. Тогда его отношения с христианами из иудеев были далеко не блестящими и вооружать против себя кого-то путем прямой лжи от их имени – он ни за что бы не стал.

Значит, несомненно, вся евангельская проповедь базируется на факте воскресения, который иудейские противники нового религиозного движения не в силах опровергнуть при всем своем старании. Причем это идет с самого начала. Апостолы, несомненно, сами верили в воскресение Иисуса, в то, что пройдя через врата смерти, так сказать, туда и обратно, Он приобрел еще большую силу и власть, и подлинно является Господом неба и земли. Без такой веры их, а также всех, веривших в Иисуса на момент Его последней Пасхи, никакой христианской проповеди и религии не существовало бы на свете. Эта проповедь должна была чем-то питаться и подтверждаться для своего сравнительно быстрого распространения. А в центре ее стоит убежденность, что воскресшего в теле Иисуса можно увидеть, - и многие Его видели.

Отрицатели чудес не считают веру в воскресение Христа исконной, изначальной в христианстве. Нам пытаются доказать, будто бы сначала существовала некая группа сохранившихся учеников Иисуса, так сказать, "ревнителей Его памяти". И она ничего не знала о Воскресении, пропагандируя Его учение. А потом якобы некие неумеренно духовные последователи видели какие-то видения живого Иисуса и объявили Его воскресшим.

То есть, рассуждая логически, требуются одновременно три вещи:

- а) база фальсификации – истина, которая потом искажается;
- б) время созревания фальсификации;
- в) мотивировка фальсификации.

Но у нас нет ни того, ни другого, ни третьего. И, прежде всего, нет самой базы фальсификации. Не только никаких свидетельств о ней, (наоборот, свидетельства, что ее не было, что с самого начала все верили в воскресение), но и нет никаких разумных оснований в пользу гипотезы, что ученики Мессии, увидев Его смерть (исчезновение), будут продолжать в Него верить, как в Мессию. Повторим: ученики Иисуса не какие-то буддисты, пытающиеся понять, как преодолевать пороги смерти/рождения. Они не гуру какого-то себе искали, а завербовались на службу Царю и Спасителю, Освободителю Израиля. Претендентов на такой титул в Израиле до и после Иисуса хватало; можно поименно указать несколько ярких личностей: Иуда Галилеянин, Симон и Иоанн – вожди войны 70-го года, Симон бар-Кохба, официально помазанный в Мессии предводитель восстания 130 г. Все они пользовались гораздо большей популярностью, чем Иисус. Их любили и почитали, за них умирали в бою. Всех их постигла смерть. Все они остались в памяти евреев, как герои национально-освободительной борьбы, но непременно с титулом лжемессии. Никаких движений, взявшихся отстаивать мысль, будто наш Симон все-таки Мессия, а в его смерти – наше искупление, никогда среди евреев не возникало. Умер – значит не Мессия, и никаких разговоров, никаких заслуг поминать не нужно. Все очень однозначно. Никаких "обществ памяти погибшего Мессии" не было.

Получается, что никакой "исконной" христианской веры в "ушедшего Иисуса" не было, и никакого "общества Его почитателей" тоже быть не могло. Не было той основы, на которую последующим фальсификаторам можно было бы посадить свою фальсификацию. Если бы Иисус не воскрес, Его движение умерло бы вечером той же пятницы. Апостолы **стыдились** бы того, что они так ужасно, трагически обманулись – именно такой настрой речи слышим мы из уст Эммаусских путников (см.: Лк. 24, 21). Более того, если бы Иисус воскрес через неделю, Он мог бы уже опоздать и безнадежно потерять кого-то из Своих учеников, погибших в смертельном отчаянии!!

И здесь вопрос к мусульманам. Коран именует апостолов Исы его «помощниками в деле Аллаха» (3, 52). С другой стороны, исторически можно считать доказанным, что вера в воскресение Иисуса в Церкви изначально. Тогда апостолы никак не могут избежать ответственности за распространение этой веры. И если она ложна, значит они явно не «помощники в деле Аллаха», а в лучшем случае – такие же заблудившиеся, как и все христиане, верящие в воскресение Христа. Если же они не верили в воскресение Христа (как ведущее к Его «обожествлению»), то почему не исполнились следующие слова Корана: "Вот сказал Аллах: "О Иса! Я упокою тебя, и вознесу тебя ко Мне, и очищу тебя от тех, которые не веровали, и сделаю тех, которые последовали за тобой, выше тех, которые не веровали, до дня воскресения» (3, 55). Подлинные последователи Исы, не верующие, как мусульмане, в Его воскресение, должны были быть возвышены, но о таких ни слуху ни духу до самого пришествия Мухаммада. Почему, вопреки аяту, победила вера в воскресшего Иисуса?

Как мусульмане объяснят такой парадокс?

Или взвалить всю ответственность на Бога, Который освободил Ису от распятия, путем мистификации вселенского масштаба? Если Он Сам изначально обманул учеников Исы и очевидцев, а через них и весь мир относительно этого распятия, то почему христиане отвечают за ложь о воскресении?

И поставьте наконец последний вопрос. Если Иса «изводил мертвых с дозволения Аллаха» (5, 110), то почему Сам Аллах не может возвести Его из мертвых? Ведь Аллах над всякою вещью мощен! Он, несомненно, воскресит и каждого из нас, и любой мусульманин в это верит, почему бы не поверить, что для Исы то же самое было сделано несколько раньше?

Строим диалог правильно

На все поставленные здесь вопросы о жизни, проповеди, чудесах, смерти и воскресении Исы я ни разу не услышал от мусульман вразумительного ответа. Но они этим не смущались. Ссылались на мистификации и мистерии и всегда быстро переводили разговор на идею богосыновства, искупления и Троицы. Соскальзывали с истории на догматику. Догматика сложная, непонятная, подрывает, дескать, единобожие, нарушает Божью справедливость, попускает грешникам грешить, надеясь, что за смерть Христа им все простится, и вообще, мол, христианство – это прямой шаг к язычеству и многобожию. И вообще, мол, давайте лучше о ваших иконах поговорим.

Надо не поддаваться на эту провокацию. Хотя это трудно, мне, например, не удавалось.

Наша вера стоит на канве определенных исторических событий. В мире произошли события: А, В и С. Все остальное – их интерпретации. В том числе эти «странные» христианские догматы. Мы никуда не пойдем, и ни о чем другом не станем говорить, пока мы не разберемся с **событиями**. Упритесь здесь всеми четырьмя конечностями и не трогайтесь с места. Не говорите о Троице – так будет лучше для вас. В догматическом поле нас окружают и заболтают. На историческом поле мы вместе с ними стоим перед огромной черной дырой в их аргументации. Покажите им эту дыру и не соскальзывайте с исторического поля. Не удовлетворяйтесь аргументом: да, Аллах, мол, лучше знает, что там произошло на самом деле. Нет, - парируйте вы, - Коран обещал нам навести порядок в прежде бывшем Писании; выньте его, этот порядок, и положите на стол. Где Иса и что с Исой? Пусть ответят на основании сопряжения неоспоримых данных истории первого века и Корана. Вам остается только отсекал их фантазии на все эти темы, фантазии, в изобилии состряпанные на кухне библейских либералов и атеистов.

И самое главное, прочитав Коран, поверьте и не сходите с твердого убеждения: это книга пророческая, возвращающая многобожников к единобожию, а относительно евангельских событий, выражаясь нашим литургическим языком, *сеннопишущая*. Как и древние пророчества. В ней образы

и тени (*сени*). От нее нельзя требовать ясности. Относительно Иисуса Коран дает не ложь, а только неясность – в том числе даже совокупность его аятов о (не)распятии и воскресении Исы. Как Тора для евреев – пестун ко Христу, так и Коран для мусульман. Это не значит, что евреи, прочитав Тору, толпой кинулись поклоняться Иисусу. Это не значит, что мусульмане, прочитав Коран, сразу уверуют в Евангелие. Но если Павел относительно евреев верил в такую возможность, именно как возможность, не более, то чем хуже наша такая же надежда относительно мусульман?

Но вы окончательно утрачиваете эту надежду, если в душе станете презирать Коран, презирать Мухаммада и превозноситься над мусульманами. Здесь вы будете не правы и по существу, и с точки зрения диалога. В этой точке вы незаметно лишитесь Божией помощи и поддержки, поскольку Бог гордым противится. Наша цель в диалоге – отстоять свою веру, ее смысл и логичность от несправедливых нападок.

Поэтому, уважая Коран, всегда ловите мусульманского собеседника за руку, если он захочет ради полемики с вами воспользоваться аргументами атеистов и либеральных библеистов, не верящих в знамения Аллаха. Вот кто подлинные и непримиримые враги нашей веры. Вот кто больше всех сделали для ее опровержения. А вовсе не мусульмане.

Шаг следующий: для чего все это было?

Думается, скорее всего, ваш разговор забуксует вот на этом самом месте, на дыре в исторической аргументации. Распят или не распят? Воскрес или не воскрес? Каковы альтернативные сюжеты?

До этой-то точки добраться, - уже неплохо.

Но если дело пойдет дальше, и собеседник вынужден будет признать: да, распят, да, воскрес, то вот и возникает вопрос: как это все понимать?

Обрисуйте вытекающую отсюда уникальность Иисуса, как Божьего Посланника.

Родился от Девы, совершил чудеса исцелений и воскрешения мертвых, стал Мессией – уникальным Царем, предсказанным пророками. Сам воскрешен из мертвых и вознесен к Аллаху. Это – единственный человек, над которым не властна смерть. Более того, Он сам над нею властен. Можно ли найти Ему подобного?

Евангелисты и апостолы указали, что Его смерть и воскресение будут иметь искупительное значение. Так понимал их Он Сам до и после распятия. Найдите эти места в Новом Завете и приведите их мусульманину. Таково христианское понимание. Если он не принимает такую трактовку, пусть покажет альтернативу.

Иса – посланник от Бога к людям? – Да.

Значит, люди могут и должны понять это послание? – Да.

Его смерть и воскресение (как уже признанные факты) служат элементами Его послания к людям? – Опять, да.

Значит, эти смерть и воскресение должны иметь отношение к каждому, слышавшему о них. Это некий подарок нам, добытый страшно дорогой и тяжелой ценой. А если это не имеет отношения к нам, то зачем все это было? Любой посланник Аллаха должен оставить после себя нечто.

От Ноя остались мы сами как его дети (да еще и сухопутные животные нам в помощь).

От Авраама – избранный народ.

От Моисея – Тора и Земля для этого избранного народа.

От пророков – книги и пророчества о Мессии.

Иисус превосходит их всех по чудесам, по таинственному рождению, по факту своего воскресения. И вот, когда Он вознесся к Богу, что осталось от Него? От Него, не научившего даже писать своих учеников и не продиктовавшего в память потомкам ни строчки?

Он исповедуется как Мессия и избранный Царь. Но Он не создал империй и халифатов. Единственный живой памятник, поставленный Ему, - это Его Церковь, как значительное и видимое явление в мировой жизни. (Евангелие включается внутрь этого явления, как составной элемент). У этой Церкви, конечно, есть человеческая сторона, может быть, очень заметная. Но если это только человеческое произведение, если даже исконно хранимые в ней основы ее мировоззрения тоже

только от людей, то, значит, Иисус не оставил после себя просто ничего. – Этот самый, так сказать, оснащенный, из всех Божиих посланников.

А если хотя бы самая сердцевина Церкви, самая ее духовная основа все-таки от Бога, то на ней написано, что Христос умер за наши грехи по Писаниям и воскрес по Писаниям. Это изначальная и общая вера всех христиан, несмотря на любые разногласия между ними.

В этой Церкви (единственном, что осталось от Иисуса) верят, что Его смерть и воскресение неразрывно связаны с прощением наших грехов. Конечно, - поясняется в первоисточниках – это нельзя понимать, будто теперь позволено грешить. Аллах не приказывает мерзостей, мы это помним. Но все-таки, Тот, Кто, в отличие от всех людей, заимел власть над смертью, а не только преодолел ее власть над собою, должен иметь столь же уникальную власть над причиной смерти – то есть над грехом. Мы грешим и тем укрепляем власть смерти и вечной смерти над собою. Воскресение Иисуса Христа вносит в этот процесс противоположную тенденцию.

Пусть он подумает над этим и согласится. Переходите отсюда к Посланиям к Евреям, Римлянам и Посланию Петра.

Только опасайтесь ясных, как дважды два, трактовок смысла искупления. Не выкуп Отцу, не сделка с дьяволом, не просто пример человеку. Напротив, невидимое, таинственное воздействие на душу, которому должна предшествовать горячая вера с надеждой и мольбой: Господи, измени меня от греха к праведности, от смерти к жизни через непонятное и неведомое мне действие твоей искупительной смерти и твоей оживляющей жизни воскресения. Без этой веры и надежды ничего не произойдет внутри человека, и питать тут иллюзий не следует. Потому и не видно внешне, как христианство изменяет мир. Потому что оно изменяет конкретных, искренно и нелицемерно верующих людей.

Только нужно помнить и уважать собственный аргумент мусульманина: его вера тоже изменила его сердце, изменила его жизнь и поступки, дала ему надежду, неведомую прежде. И он тоже принял свою веру, как ответ на небесный зов, - именно так он это понимает. И если он вам заявит в ответ: ну, это твой путь, а у меня свой, и я не поверю в уникальность христианской веры, потому что меня изменила моя вера, также принятая всем сердцем, - то все-таки убедительного ответа здесь не подобрать, и с этим придется смириться. В религии не столь уж многое проверяется опытом, главное остается за гранью проверки. Этому свидетельству мусульманина мы должны поверить, оно, скорее всего, истинно.

Еще в одном отношении следует сравнить Евангелие с Кораном. Мы уже видели, что Коран допускает для людей Писания достижение ими небесной награды, - если будут жить по заповедям Божиим. Иисус же в Евангелии не раз заявляет, что именно Он – дверь к Отцу, путь к Отцу, без которого не достигнуть ни очищения грехов, ни познания Бога-Отца. Но не следует это принимать в том смысле, что достигнуть спасения можно, только став христианином, членом Церкви Христовой. Иисус говорил не об этом, а немного о другом. Вот мимо Него нельзя будет войти в небесную славу и познать Отца. Ни одному человеку, независимо от того, знал ли он о евангельских событиях при своей жизни, или нет.

В какой-то форме нас непременно ждет столкновение с той глубокой духовной реальностью, с теми подлинно новыми отношениями с Богом, в которые ввел нас Иисус Христос искуплением и воскресением. Ни один человек не минует Того, Кто одесную Бога. Суд отдан Ему, познавшему страдание и смерть человека уже не в качестве Всеведущего, а в качестве жертвы человеческого греха, в качестве пострадавшего, претерпевшего и победившего. И мимо Судьи не проехать никому. Встреча с Ним ждет каждого. Как это произойдет, мы понятия сейчас не имеем. Поэтому и торопиться и нервничать не будем. Пусть наш собеседник будет готов к такой встрече при нашей помощи по мере сил. Остальное – однозначно превышает наши силы.

Кто есть Искупитель?

Продолжаем мечтать дальше, как нам, телятам, волка съесть. Но в жизни всякое бывает. Есть мусульмане, уверовавшие во Христа, еще больше тех, кто верит тайно, ведь они все знают о возможных тяжелых последствиях в случае их публичного отказа от ислама и перехода в христианство. Поэтому есть среди них те, кто приняли не только факт воскресения Христа, но и его

искупительное значение. А что дальше? Дальше вопрос: кто же тогда Тот, Кто подает нам необходимейшую помощь в избавлении от ада?

На этом этапе человек уже верит Евангелию, и видит, что там дается портрет Иисуса, как Господа. Что значит Господь? По самой малой мере, это Бог, так сказать, функционально, то есть обладающий Божественной властью во всей ее полноте. Иисус, особенно после воскресения и вознесения, получает эту власть во всей полноте, уже даже не скованную немощью страдающей плоти. Он еще и в тленной плоти давал заповеди, повелевал стихиями, побеждал бесов, исцелял абсолютно неизлечимые недуги (слепорожденного, например), воскрешал мертвых, прозревал и прощал грехи, обещал самолично судить весь мир. Все это действия (функции) Бога и только Бога.

Встанет вопрос: могут ли они быть не природными, а делегированными? То есть, может ли лицо, совершающее все это, быть личностью человека, наделенной от Бога полнотой полномочий? Или же это Божественное Лицо?

Кажется, все верующие во Святую Троицу, в том числе даже и ариане, и савеллиане, исповедующие ее не православно, отвечают на эти вопросы одинаково: человек не может иметь делегированную власть от Бога, а потому Иисус – Лицо Божественное, Лицо превечного Логоса, лишь принявшего человеческое естество, а не «функциональный» бог. Но есть те, кто и не переходит к пониманию природной Божественности Логоса Божьего, а верит в Иисуса, как Искупителя и даже Господа, но только как человека - «функционального» бога.

Здесь хочется только показать, что путь к признанию православного исповедания долог, труден и многоступенчат. На каждой ступеньке может состояться полная остановка, а то и возвратный шаг. Поэтому не спешите произносить слово Троица, так будет лучше для вас. А нам не помешает вкратце наметить пунктиром путь углубления и понимания того, что написано в Новом Завете, и что самим Апостолам открывалось не вдруг, а постепенно, на протяжении нескольких лет.

Итак, ни проповедать Христа, ни принять Его просто – не получится. Будет трудно и сложно. Особенно тем, кто с пеленок привык, что любая множественность в Боге – это самый страшный и, безусловно, непростительный грех.

Еще раз к Корану за пророческой помощью

Здесь все-таки еще раз хочется призвать христианина получше рассмотреть всю премудрость Божию, открытую разным людям, разных культур. Если последователи довольно изуверских культов и мистерий были не забыты Господом, если в достаточно диких религиях то и дело появлялись пророки Всевышнего Единого Творца, если пророком был и царь инков, и один из египетских фараонов за тысячу лет до Христа, то уж вполне можно допустить и поверить, что и Коран содержит явные пророческие указания на евангельскую истину, хотя эти указания и не поняты ни самим Мухаммадом, ни мусульманами. Укажем лишь на два таких знамения в Коране. Их можно привести нашим собеседникам.

Первое – это жертвоприношение Ибрагимом своего сына. Вот это место:

"И сказал он: "Я иду к Господу моему, Он выведет меня на прямой путь. Господи! Дай мне достойного!" И Мы обрадовали его кротким юношей. А когда он дошел до труда вместе с ним, Он сказал: "Сынок мой, вижу я во сне, что закалываю тебя в жертву, и посмотри, что ты думаешь". Он сказал: "Отец мой, делай, что тебе приказано; ты найдешь меня, если пожелает Аллах, терпеливым". И когда они оба предались Аллаху, и тот поверг его на лоб, и воззвали Мы к нему: "О, Ибрагим! Ты оправдал видение". Так Мы вознаграждаем добродетельных! Поистине, это - явное испытание. **И искупили Мы его великою жертвой.** И оставили Мы над ним в последних: "Мир Ибрагиму!" Так вознаграждаем Мы добродетельных! Ведь он был из рабов Наших верующих (Сура 37, 99-113) .

И это событие не забыто в Коране: в честь него установлен особый праздник, когда приносят в жертву барашка.

Задайте мусульманину этот вопрос: что значит: искупили Мы его великой жертвой?

Я слышал несколько ответов. И то, что речь идет о барашке. И то, что Ибрагим так радовался долгожданному сыну, что начал несколько охладевать в молитве и благодарности к Богу после рождения сына, и Бог напомнил ему, кто его Господь. Кстати, психологически мне нравится такое пояснение, оно звучит очень убедительно. Слышал я и то, что сама готовность Ибрагима

пожертвовать всем, вплоть до самого дорогого, - это и есть искупительная жертва. И против этого я тоже не могу возразить, но просто тогда неизбежен другой вопрос. А нуждается ли величайший из праведников в искуплении такой жертвой? Даже если он погрешил, переключив внимание с Бога на сына, можно ли все происшедшее назвать искупительной жертвой? Великой жертвой?

Авраам ведь жил в те времена, когда человеческие жертвы были повсеместны. Иногда в жертву богам приносили пленников, иногда детей свободных граждан. Жертвоприношения царского (княжеского) сына – это последняя стадия; это уже в самой крайней нужде. Но к этому прибегали в отчаянных обстоятельствах. Авраам об этой практике знал.

Бог испытал его, проверил на экстремальную психологическую нагрузку. И понятны причины и цели этого испытания. Но все же остается непонятным: какая великая жертва искупила Авраама? Какое странное, евангельское и совершенно не кораническое слово попало-таки в Коран, осталось там не понятым, но достаточно усердно сохраненным! Разве это не знамение, с учетом того, что вся христианская Церковь издревле в жертвоприношении Авраама видит прообраз искупительной Жертвы Христа?

И другое подобное же знамение. В Коране Аллах постоянно говорит о Себе то в единственном, то во множественном числе, то Я, то Мы. Я спрашивал мусульман, отчего так. Конечно, они всегда говорят одно: это, мол, царский титул, подчеркивающий Божье величие. На это вы всегда можете задать другой вопрос: а кто создал человеческие языки. И они непременно скажут: Аллах!

Вот именно! – ответите вы. Кстати, это совершенно доказанный факт. У всех человеческих языков, несомненно, неприродное, нечеловеческое, неземное происхождение. Все древние языки грамматически и синтаксически сложнее своих же поздних и современных вариаций. Все языки упрощаются, теряют сложность со временем. Мы движемся от изначально развитых языков к обезьяньим и птичьим звукоподражаниям, но вовсе не наоборот. Это яркое свидетельство в пользу сотворения не только тела человека, но всего его, так сказать, программного обеспечения. Любой компьютер это не просто "кремниевая железка", но это еще и его алгоритмический язык, его информативная нагрузка. Так и человек. Как не может обезьяна переделать свое тело в человеческое, так не может она из своих взвизгиваний произвести человеческие языки, притом языки большей сложности, чем языки современных людей.

Значит, язык – это прямой, не опосредованный дар Творца, дар любому народу. Вот и вопрос: для чего Бог, желая паче всего подчеркнуть свою единственность и уникальность, дает людям такой язык, в котором Его имя и соответствующие ему глаголы постоянно мерцают от множественного числа к единственному и обратно? Причем та же самая картина ведь начинается с самой книги Бытия, с первой строчки, где Элогим стоит во множественном числе, а бара (сотворил) – в единственном. И дальше не раз в уста Бога влагается речь о Себе во множественном числе. Разве это может быть простой случайностью?

У них нет ответа. Поэтому не говорите Троица, так будет лучше для вас. А говорите так: мы веруем в Единственного Бога, в котором пропадает мыслимая нами противоположность между единственностью и множественностью. Мы веруем в такого Бога, Который есть Я и Мы одновременно. И Его мы открываем для себя во всех Писаниях – от Бытия и до Корана. Наше тройческое богословие – лишь попытка интерпретации этого глубоко таинственного явления, с учетом всей информации, которую дает нам Библия, с учетом всего ее исторического контекста, включающего и Предание Церкви. Если это вам неприемлемо, то объясните иначе то чудное знамение, что Бог-Я и Бог-Мы запечатлен на каждой странице Корана.

Таким образом, мы находим, что основные евангельские идеи об искуплении и о Троице имплицитно, таинственно, "зашифровано" содержатся даже в Коране!

Коран постоянно призывает быть внимательным к знамениям Аллаха, слушать их, замечать их, верить им. Что же это, как не знамение Аллаха для имеющих разум?

Неснятые нарекания к исламу. Многоженство

Будем считать, что в самом кратком возможном обзоре мы с принципиальными богословскими вопросами на скорую руку познакомились. У христиан остаются еще две постоянных, широко известных претензии к исламу в его исконной классической форме. Не станем говорить об исламском радикализме и сектантстве – к ним претензий еще больше, но у нас речь не о них. Мы вряд ли сможем говорить с теми, кто во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного взрывают мечети по пятницам, убивая тех мусульман, которых они считают отступниками. Большому шайтану они волей или неволей оказывают большие услуги своим подобным поведением, подавая повод для агрессии, а нормальным мусульманам они служат постоянной проблемой и головной болью. Поэтому по таким радикалам и сектантам делать вывод обо всем исламе неправомерно и несправедливо.

А эти две классические претензии к классическому исламу суть следующие: многоженство и джихад. Разберем их по порядку.

Многоженство в нашей христианской традиции считается злом и грехом, разновидностью половой распущенности и разврата. А ислам его разрешает. Разрешено оно в Коране, освящено примером самого Мухаммада. Как тут быть?

Предлагаю нетривиальный вариант: давайте посмотрим в Библию. В Ветхом Завете мы увидим многоженцев среди праведников: Иакова, родоначальника и дарителя своего имени Израилю, затем Давида и Соломона. Естественно, что нет смысла искать осуждения многоженству в Торе. Там осуждается блуд, прелюбодеяние, половые извращения, но не многоженство. Давайте лучше обратимся к Новому Завету.

Ко временам новозаветным ситуация в Израиле изменилась. Единобрачие практически стало нормой. Хотя, например, царь Ирод Великий, в конце царствования которого родился Христос, имел девять жен, после развода с одной законной и казни другой (тоже законной). Но за факт многоженства его никто не осуждает – и без того грехов у него хватало. И все-таки, повторим, единобрачие было нормой. Иисуса спрашивают о разводе, допустимом по закону Моисея. Иисус осуждает развод, хотя и здесь не безусловно, а при отсутствии такой причины, как прелюбодеяние. (Интересно бы посмотреть на ситуацию такого развода, причиной которого было бы не прелюбодеяние или его желание, а нечто иное!) И по этому поводу Иисус, опираясь на книгу Бытия, говорит, что изначальная воля Божия была в создании союза одного мужчины и одной женщины, соединенных в единую плоть (см.: Мф. 19, 4-6 и паралл.). Вот идеал семьи. Но даже при этом развод признается в качестве относительно терпимого зла во избежание зла большего. Лучше развод, чем убийство жены или отравление мужа. О многоженстве напрямую здесь речь не шла вообще, поскольку для спросивших Иисуса это был вопрос не актуальный. Итак, прямого запрета многоженства не высказал и Сам Иисус.

Удивительно, но аналогичного запрета не высказали нигде и Его ученики. А ведь они не раз перечислили список тяжких грехов, лишаящих человека Царства Божия. В этих списках значатся достаточно редкие и экстравагантные сексуальные грехи вроде скотоложства, но многоженство не упоминается нигде. Вот эти списки: 1 Кор. 6, 9-10; Гал. 5, 19-21; Кол. 3, 5-6; 1 Тим. 1, 9-10; 2 Тим. 3, 2-6; 1 Пет. 4, 3-4; 2 Пет. гл 2; Посл. Иуды. Эти страницы апостольских посланий не помешает лишний раз перелистать. Это именно списки, перечни греховных дел. Можно найти и более подробные разборы какого-то одного конкретного греха. В том числе осуждение блуда, инцеста, прелюбодеяния. Никак нельзя сказать, будто апостолы уделили мало места нравственным наставлениям и обличениям, однако многоженство не упомянуто нигде.

И особенно на этом фоне настораживает требование Павла к ставленникам в епископы и дьяконы, чтобы на такое служение избирался *муж одной жены* (1 Тим. 3, 2; Тит. 1, 6). Скажу сразу: и по контексту, и по традиционному святоотеческому толкованию этих мест, Павел имеет в виду, что этот муж имел в жизни вообще только одну жену, что он не разрушал семьи, не переживал опыта развода. А потому – что очень важно в контексте этих строк – он *хорошо управлял домом своим и детей содержал в послушании со всякой честностью*, ибо именно это служит залогом того, что он сможет *заботиться о Церкви Божией* (см.: 1 Тим. 3, 4-5). Так что здесь конкретно проблема многоженства не рассматривалась, и все-таки написать слова: *муж одной жены*, и при этом вновь никак не прокомментировать такое явление, как многоженство, – вот что настораживает. Требования к священнослужителю, как явствует из всего этого контекста, для того и выдвигаются, что они

выше, чем требования к обычному христианину. С этим никто не дерзнет спорить. И вот, хоть какое-то упоминание об одной жене у мужа мы встречаем только в этом контексте.

Исходя из всего этого, нужно честно признать: ни Ветхий, ни Новый Завет среди своих многочисленных и строгих нравственных обличений, рассматривая очень близко примыкающие к многоженству вопросы, никогда не осудили многоженство, как таковое, по существу. Хотя образец, идеал семьи, как союза одного мужчины и одной женщины, Библия, действительно дает. Но между идеалом, с одной стороны, и грехом, подлежащим суду Бога и Его Писания, с другой стороны, все-таки оставляется зазор. Это зона отклонения от идеала, зона "терпимого зла", в которую внесен развод. И многоженство, хотя суд Библии о нем не произнесен, по-видимому, служит таким же отклонением от идеала.

Задумаемся теперь о том, что есть большее зло: развод или многоженство? Выбросить подурневшую подругу юных лет на улицу и взять молодку, или держать их в доме (в двух домах) параллельно? Спрашивать следует, прежде всего, самих женщин. По молодости они, вероятно, сочтут вопрос издевательским, могут сказать, что им ставят выбор между чумой и холерой. Но после определенного возраста и умудренности жизненным опытом, многие из них, пожалуй, предпочли бы стерпеть появление молодой соперницы, нежели одинокую старость. Впрочем, разумеется, в наибольшей степени их ответ зависит от той культуры, в которой они выросли. Но тогда уместно вспомнить, что миссия – это как раз умение понять чужую культуру.

А теперь можно вернуться ко временам Мухаммада, когда многоженство было в обычае.

В Аравии наблюдалась какая-то странная демографическая ситуация. Мальчики в детстве погибали значительно чаще девочек, кроме того, мужчины всегда и везде состоят в большей группе риска (войны, походы и т.д.). У самого Мухаммада умерло три сына от Хадиджи и потом еще, по меньшей мере, один уже в конце жизни. А четыре дочери от Хадиджи выжили. И такая же ситуация была и у других арабов. Это привело к обычаю закапывать новорожденных девочек: зачем кормить лишний рот, когда нужен сын, а не дочка, сыновья в дефиците.

Демографическую ситуацию в медицинском плане Мухаммад улучшить не мог, но ведь именно он запретил убивать новорожденных. А как в его культуре можно было позаботиться о вдовах, особенно молодых, при таком дефиците мужчин, который Мухаммад еще и увеличил, запретив массовое детоубийство? Ведь и Павел советовал молодым вдовам выходить замуж и рожать детей (см.: 1 Тим. 5, 14). Но как такой сценарий осуществить, если мужчин просто не хватает?

Конечно, можно и нужно заранее психологически приучать женщину к возможному в жизни одиночеству. Такой риск для нее существует в любом обществе. Конечно, неплохо, если государство организует систему социальной помощи, а церковь – женское монашество. Но как быть с овдовевшими женщинами, у которых дети на руках? Их-то никакой монастырь не возьмет. И сам Павел в той же 5-й главе 1 Послания к Тимофею, советуя не принимать молодых вдов на попечение церкви и выдавать их замуж, не рассматривает ситуацию, когда выполнить это будет физически невозможно в условиях единобрачия. А куда деть этих *болтливых и любопытных* молодых вдов, если после войны их останется много, а на шею церкви повесить их всех нельзя (сам же Апостол не велит этого делать)?

Вот решите, пожалуйста, такую реальную социальную проблему, а потом уже клеймите Мухаммада за многоженство. Он предложил раздать вдов по домам, на содержание в качестве жен, а не рабынь. А что предложите вы? В тех условиях? А в наших условиях?

Нам ли тут рот разевать при таком количестве аборт и при таком проценте разводов, как наблюдается в нашем обществе!

Повторим: обвинять самого Мухаммада в сладострастии все-таки несправедливо. До 25 лет он хранил целомудрие. В этом возрасте принял предложение вдовы, которая была старше его. С нею прожил до самой ее смерти, прижив семерых детей, и будучи ей верным. В следующий раз он женится, когда ему уже за пятьдесят, и когда об игре страстей и гормонов говорить как-то не принято. При этом в жены берет тоже пожилую вдову и шестилетнюю девочку, отношения с которой пока складываются лишь так, что он ее только кормит за свой счет, сняв ее с шеи отца, потратившего все свое состояние на нужды уммы. И остальные его жены – это или подобранные вдовы, женщины искалеченной судьбы, или политические союзы, необходимые для выживания

уммы. И все такие "браки по милосердию" начинаются у Мухаммада лишь после Хиджры, когда он становится не частным лицом в своем клане и племени, а родоначальником новой общины, за которую он отвечает в целом. Как в плане ее благополучия внутри, так и в плане внешней безопасности.

Думаю, у нас нет поводов судить его строго. А у арабских женщин есть много поводов к тому, чтобы, произнося имя Пророка добавлять: да благословит его Аллах и приветствует. Если бы не он, их судьба сложилась бы намного печальнее! Начиная с того, что они имели бы гораздо меньше шансов просто появиться на свет.

С другой стороны, многоженство – прецедент опасный. Все-таки это именно нарушение библейской нормы, нормы нашего Творца. Для христиан, для людей Нового Завета, живущих не под Законом (хотя и не в беззаконии – чувствуйте разницу), а во благодати, нормой должно оставаться единобрачие. Многоженство служит лазейкой для многих и тяжких беззаконий, для прикрытия именно распущенности и разврата. В реальной жизни сложно провести грань между милосердием к незащитной вдове и прямым потаканием похоти. Кстати, сам Мухаммад эти опасности прекрасно понимал, и пытался положить им ограничение. Коран разрешает не более четырех жен и лишь при условии, что мужчина будет справедлив ко всем. Заклучая брак, мужчина дает жене определенную материальную гарантию – махр, который в случае развода остается за женщиной. Также оговорены права и сирот-наследников. Короче, для своего времени и своего культурного контекста, Мухаммад, как мог, постарался женщин защитить. И, тем не менее, нестроения и расколы в умме закрубились именно вокруг его собственного гарема, еще при его жизни.

Есть другой, связанный с многоженством предмет для критики и Корана, и ислама. Но о нем мы скажем после разбора второго обвинения относительно джихада. Ибо сам этот предмет стоит на стыке джихада и многоженства.

Джихад

Итак, джихад, священная война, война за веру.

Мы уже видели, что в своей первой идее, в своей изначальной практике джихад не представляет собою чего-либо выходящего за пределы одобряемого и самой Церковью. В этой изначальной исламской "классике" речь идет об оборонительной войне, о том, что изгнанники за веру имеют право на самооборону. Никто из христиан не осуждает Иуду Маккавея за подобную же войну, никто не осуждает Константина за победу над Максенцием и Ликинием, о которых мы уже упоминали. Никто из православных христиан не осудит и Александра Невского за победы над захватчиками, хотя те были, так сказать, "почти единоверцами".

По идее, джихад – это именно усилие в борьбе за добро. В Коране постоянно оговаривается, что война не должна переступать пределы Аллаха. Конкретно там речь идет о пределах места (зона Мекки) и времени (вне священных месяцев), но естественно, подразумеваются и пределы качества (насилие, мародерство, месть и т.д.). Мы видели, что сам Мухаммад воевал с минимально возможной агрессивностью, старался везде, где только можно, решить вопрос миром. И ему это удавалось!

Впоследствии понятие джихада подразделили на четыре группы:

- джихад сердца – борьба со злом в себе самом, со своими грехами;
- джихад языка – разрешение одобряемого и запрет порицаемого;
- джихад руки – наказание преступивших закон и нравственные нормы;
- и лишь последнее: джихад меча – война с неверными, павшим в которой обещается рай.

Так в теории.

Но даже в теории, призывов к военной стойкости и даже беспощадности к врагам в Коране непропорционально много по сравнению с практикой войны самого Мухаммада. Может быть, это и объясняет то, что после Пророка практика джихада достаточно сильно изменилась.

Умма выступила в военный поход против множества окружающих государств, в том числе против людей Писания – христиан, которые на тот момент отнюдь не замыслили разграбление или покорение Аравии. Конечно, повторим, арабское завоевание не похоже на тотальный погром целых стран и народов гуннами или монголами, но все-таки это именно завоевание, и ничто другое. Про

каких-нибудь первых "арабских апостолов" нам ничего неизвестно. Принятие ислама в разных народах служило следствием их покорения. И если такую практику как-то можно оправдать ссылками на Коран по отношению к язычникам, то по отношению к христианам она не проходит никак. И если мусульмане считают завоевание христианской цивилизации оправданным с точки зрения Корана, то и для христиан – с этой же точки зрения – морально и религиозно оправдана военная защита. Такие споры решали в истории мечи, а не собеседования.

Христианство, по крайней мере, раннее, завоевывало мир не мечом, а жертвенной проповедью. Римская империя после апостольского века практически не росла, а наоборот сжималась. Христианство же пришло к разным народам вокруг империи путем проповеди и Божиих чудес, ее сопровождавших, но никак не вследствие завоевания. Так приняли веру Христову народы Персии, Армении, Грузии, Абхазии и другие кавказские народы, затем персы, халдеи, индусы, эфиопы, готы, скифы, нумидийцы и не в последнюю очередь арабы Южной Аравии (Наджран) и северные аравийские племена, проживавшие на территории современной Иордании. Однако впоследствии, после великих географических открытий и развития колониализма, христиане это свое нравственное преимущество перед мусульманами полностью утратили.

Вспоминая историю, давайте же будем справедливы. И в Средние века гораздо больше христианской крови было пролито христианской же рукою. Уже во времена арабского халифата византийские императоры вели борьбу на полное истребление недавно просвещенных болгар. А иконоборческие смуты в самой империи? А всякие столетние войны на Западе? А религиозные боины времен Реформации? Про колониальные войны говорили уже не раз. Наконец, две мировых войны XX века. Положим, здесь говорить о христианских цивилизациях уже поздно. Но все-таки войны развязаны наследниками христианских цивилизаций, которые для мусульман ассоциируются с христианством. И эти войны унесли на порядок больше жизней, чем конфликты (бывших) христиан с мусульманским миром. Какие у нас после этого основания видеть в исламе нечто чудовищно воинственное?

И сейчас, если речь с мусульманами пойдет о джихаде, следует призывать к возвращению к первоисточникам, а именно к Корану, к житию Пророка, к примерам доброго сосуществования христиан и мусульман. А последующие наслоения и предания на эту тему следует отбросить.

Нелишне напомнить мусульманам следующий аят: "И не препирайтесь с обладателями книги, иначе как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: "Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог и ваш Бог один, и мы Ему предаемся" (29, 46). Это не наша рука, протянутая им, - это их рука, протянутая нам, которую мы принимаем, - если, разумеется, они сами способны так ее держать. Но для этого с нас требуется выполнить условие, оговоренное здесь: мы должны быть справедливы.

Несправедлива была бы с христианской стороны идеология крестовых походов и войны цивилизаций, в которую заложена несправедливая исходная посылка, будто мусульмане суть неверные, равные язычникам, и будто бы борьба против них, как таковых, как неверных, благословляется свыше. Нет такого благословения! Но справедливости ради отметим, что и сами крестовые походы были лишь ответом на исламское завоевание, чуть было не подавившее всю Европу совсем. В то же время православный христианский Восток никогда не исповедовал подобной идеологии и не вел никаких крестовых походов. Мы не должны заражаться этой западной идеологией и сейчас.

А от наших мусульманских друзей нужно взамен потребовать пересмотра деления мира на три зоны. В Коране такого деления нет, это плод позднейшей практики. Так вот, эти три зоны суть следующие: 1) зона ислама – мусульманские страны; 2) зона договора, где немусульманское население платит харадж и пользуется относительной свободой; 3) зона войны – по сути все остальное, где отсутствие военных действий рассматривается, как временное затишье. В зону договора должны быть включены немусульманские страны, где христиане и мусульмане проживают мирно бок о бок, не притесняя друг друга и не навязывая свою веру друг другу. А в третью зону могут быть включены лишь страны, враждебные к исламу, активно сопротивляющиеся ему.

Что же касается современного состояния джихада, то здесь уместнее говорить о его целях и методах. Весь мир рассуждает о мусульманской угрозе, а в это время исламские страны одна за другой попадают под оккупацию со стороны НАТО. Разве кто-нибудь из православных христиан

сочувствовал бы разгрому и разграблению Ирака или Афганистана американцами? Разве мы против возвращения палестинских арабов на отнятые у них земли и создание ими собственного государства? Кто из христиан в арабо-израильском конфликте занял бы сторону сионистов? Но на поле боя мы с глубокой скорбью видим одно за другим поражения мусульман, длящиеся десятки лет. Напротив того, свой успех развивает содомский поход Запада – и пусть никто не смеет назвать его крестовым. Весь успех его, как показывает история Египта и Ливии, – в разобщенности мусульман между собой даже перед лицом однозначного и коварного врага. Вместо этого от имени ислама различные радикальные группировки взрывают автобусы и аэропорты, метро и мечети, убивают людей невинных, давая простор по-настоящему виноватым. Вот такие теракты хорошо у них получаются, но, думается, не это назвал бы Пророк джихадом. А на поле настоящего боя у мусульман как-то пока не выходит наладить оборону, как следует.

Итак, и в этом вопросе мы с мусульманами можем мирно договориться. Тому есть исторические примеры, религиозные обоснования и практические интересы. Хватило бы только чувства справедливости.

Рабство. "Чем овладели десницы ваши"

Но есть одно обстоятельство в учении Корана и исламской практике, которое христианам абсолютно неприемлемо. И при всем желании не удастся ему отыскать каких-то оправданий или смягчающих обстоятельств ни в истории, ни в религии.

Это отношение к человеку, а наипаче к женщине, как к добыче. В суре 4, которая так и называется: "Женщины", и где заложены основы брачного права не раз упоминаются рабыни-наложницы, "которыми овладели десницы ваши". Они – вне закона о браке и, похоже, вообще вне всякого закона. Например:

"А если вы не боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах - и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то - на одной или на тех, которыми овладели ваши десницы" (4, 3). В отношении рабынь счетчик выключается, боязнь несправедливости также становится неуместной.

Там же в перечне женщин, брак с которыми запрещается по соображениям кровного родства:

"И запрещены вам ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери брата, и дочери сестры, и ваши матери, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению, и матери ваших жен... **И - замужние из женщин, если ими не овладели ваши десницы** по писанию Аллаха над вами. И разрешено вам в том, что за этим, искать своим имуществом, соблюдая целомудрие, не распутничая. А за то, чем вы пользуетесь от них, давайте им их награду по установлению. И нет греха над вами, в чем вы согласитесь между собой после установления. Поистине, Аллах - знающий, мудрый!" (4, 23-24).

То есть, взять замужнюю женщину – это прелюбодеяние, но рабыня в счет не идет и здесь, лишь бы ее не обидеть в расплате, которую, разумеется, устанавливает сам хозяин.

И вот еще:

"А кто из вас не обладает достатком, чтобы жениться на охраняемых верующих, то - из тех, которыми овладели десницы ваши, из ваших верующих рабынь. Поистине, Аллах лучше знает вашу веру" (4, 25).

Своим, свободным мусульманкам, нужно давать махр, а этим – нет. Перед ними нет никаких обязательств. И вот еще длинная цитата относительно самого Мухаммада:

"О, пророк, Мы разрешили тебе твоими женами тех, которым ты дал их награду, и тех, **которыми овладела твоя десница** из того, что даровал Аллах тебе в добычу, и дочерей твоего дяди со стороны отца, и дочерей твоих теток со стороны отца, и дочерей твоего дяди со стороны матери, и дочерей твоих теток со стороны матери, которые выселились вместе с тобой, и верующую женщину, если она отдала самое себя пророку, если пророк пожелает жениться на ней, - исключительно для тебя, помимо верующих. Мы знаем, что Мы установили для них относительно их жен и того, чем овладели десницы их, для того, чтобы не было на тебе стеснения. Аллах – прощающ, милосерд! Ты можешь отсрочить той из них, кому ты желаешь, и дать приют той, кому желаешь и кого захочешь из тех, что ты отстранил. Нет на тебе греха; это - наиболее подходяще, чтобы глаза их

прохлаждались; пусть они не печалются и будут довольны тем, что ты им дашь - все они. Аллах знает то, что в ваших сердцах. Аллах - знающий, кроткий! После этого тебе не дозволяется больше женщины и заменять их другими женами, хотя бы тебя поражала их красота, если не теми, **которыми овладела десница твоя**" (33, 50-52).

И здесь опять женщина-добыча полностью узаконена, как таковая, хотя она сама при этом поставляется полностью вне закона. У нее никаких прав, перед нею – никаких обязательств, она никак не уравнивается с законными женами. Это ли хваленая исламская справедливость?

Вот это явление нужно отличать от многоженства, от джихада и даже от социальных отношений рабства. Это явление, сексуальное рабство – на стыке всех трех, и оно выпадает за все границы приемлемого и терпимого даже по обстоятельствам.

Оговориться здесь необходимо о том, как понимаются отношения рабства в Новом Завете. Христианство пришло в такой мир, где запретить людям рабовладение в принципе было бы столь же трудно, как запретить современным людям электричество. Поэтому рабства Апостолы не отменили. Но во всех посланиях, касавшихся этой темы, звучит заповедь о человеческом отношении с рабами (см. например, Еф. 6, 9; Кол. 4, 1). Наиболее интересное здесь место звучит так:

Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют [им]. Учи сему и увещевай (1 Тим. 6, 1-2).

Интересно звучит увещание: рабы, не наглейте перед своими господами, не садитесь им на шею, под тем предлогом, что они – ваши братья во Христе! Здесь важно не содержание наставления, а невольно прорывающееся описание уже существующих отношений между рабами и господами в христианской общине, когда осаживать нужно не жестокость господ, а распушенность рабов!

Как говорится, почувствуйте разницу. В таких условиях о сексуальном рабстве речи быть не могло. Такое явление однозначно попадало в разряд блуда и прелюбодеяния. Тем более, не могло быть речи о **захвате** рабынь-наложниц, как явлении, разрешенном для христианина. Если такие факты в истории бывали (сексуальное использование христианами своих служанок), то они незаконны всегда и при любых обстоятельствах.

Кораническая основа для сексуального рабства заложена. Ее признать исходящей от Бога никак нельзя. Но сама она объясняет два явления. Одно – историческое, другое – психологическое.

Русское православное христианство имеет в своей истории несколько военных страниц, описывающих борьбу с исламскими соседями. И всегда главным поводом для этой борьбы – будь то Казанское ханство, будь то Крымское ханство, будь ли то войны на Кавказе, - была работорговля. Даже хивинский поход 1860-х годов имел те же причины. Цель православных царей всегда была одна: раздавить гнездо работорговли, прекратить похищение христиан. А вовсе не враждовать против ислама, как такового.

В те века не было возможности мирно договориться об этом с мусульманскими соседями. Почему? – Ответ приведен выше, другого подыскать невозможно. Может быть, сейчас просвещенные мусульмане согласятся хотя бы с тем, что они не имеют права захвата по отношению к мужчинам и особенно женщинам вне уммы. Ведь если любое слово Корана считать вышедшим непосредственно из уст Бога, то эта позорная практика рабства и работорговли не прекратится никогда.

И теперь становится психологически понятным поведение некоторых выходцев с Кавказа в центральной России. Кажется, этот принцип: "что накрыла твоя десница, то твое" – вошел куда-то в подкорку, в коллективное бессознательное. Понятна правота одного из героев прекрасного фильма Н. Михалкова "12", когда он восклицает в отчаянии: "мы – их добыча!" Кстати, этот фильм служит человеку хорошим лекарством от исламофобии, он вызывает подлинные и высокие христианские чувства, он отстаивает справедливость, он воспевает любовь до самопожертвования между христианами и мусульманами, - но лишь в том случае, когда этот гадкий камень преткновения убран с дороги.

Будем надеяться, что эта подлинная, ненадуманная преграда для мирного и дружного сосуществования преодолевается с Божьей помощью в диалоге хотя бы с просвещенными мусульманами. Существует множество примеров, когда мусульмане вовсе не водятся таким

принципом. Он не собственно коранический, он наследован от племенных обычаев Аравии. Но он прописан в Коране, а Коран никто и никогда не будет редактировать. Так что по временам эта законность рассмотрения любого не мусульманина и не мусульманки, как своей добычи (хотя бы потенциальной), будет и впредь служить для части мусульман причиной вражды и поводом к кровопролитию.

Нам остается лишь надеяться здесь, что просвещенные мусульмане откажутся наконец от древнего языческого обычая, признают его в мусульманстве лишь временным, переходным и случайным. Соображения разума и справедливости возьмут верх.

Заключение

Этот вопрос о неприемлемом расхождении не случайно мы ставим в самый конец. Он должен быть последним в наших разговорах с мусульманами. В противном случае вряд ли получатся и сами разговоры.

Говоря о возможных диалогах читателя с мусульманами, я не имел в виду преподавать этаким "курс молодого бойца" или начинающего агитатора. Для такого диалога требуются определенные качества, которые может воспитать некоторый личный опыт христианской жизни. Его ничем иным не заменишь. И определенное время здесь необходимо. Хочется дать напоследок лишь некоторые ориентиры этой жизни. На каких путях можно будет найти нужный опыт.

Прежде всего, у нас в современном православии уже давно не хватает миссионерского настроя. Конечно, к свидетельству Христову должен быть особый внутренний зов, подобный тому, который вообще призвал нас к вере в Евангелие. Но этому, второму зову должно предшествовать собственное осознание, что Бог действительно хочет, чтобы мы свидетельствовали о своей вере. И Христос действительно дал своей Церкви такое задание: *идите и научите все народы*. Понять эти слова требуется не пошло и плоско: завербуйте, затащите, вручите буклет и приведите на беседу к пастырю, - пусть он расскажет, как прекрасна наша церковь. Не такова задача, поставленная Господом, она гораздо глубже. Нужно словом, делом, жизнью засвидетельствовать тот дар, который дает человеку Бог во Христе Иисусе. Господь действует посредством своей Церкви, как земной институции, но и без ее посредства, используя ее людей, Своих рабов – для свидетельства о Нем.

И в этом деле свидетельства конфессиональные различия христиан должны отойти на второй план. Мусульмане в своих беседах с нами (насколько я могу судить) достаточно осторожны и тщательны. Очень неохотно они выдают, чем различаются шииты от суннитов, а тем более – внутри этих основных направлений. В этом смысле с них нужно взять пример, никогда не задевать конфессиональных различий внутри христианства – хотя бы в их присутствии.

От этих конфессиональных различий следует отличать прямое отступничество в христианстве, выраженное в либеральном богословии, когда уже сама Библия и исконные догматические основы христианства (вера в Творца, в Искушение и Воскресение) подвергаются жесткой и несправедливой ревизии. Когда фантазии эволюционистов выдаются за данные науки, а самая возможность чудес – хотя бы исключительных в истории, - оспаривается, как таковая. Заканчивается это обычно деизмом, или атеизмом, или агностицизмом. Худо то, и другое, и третье. Но именно такие принципиальные враги веры в Личного Бога вооружают мнимых, кажущихся врагов христианства – мусульман своим ядовитым и тяжелым оружием.

И в этой связи нужно отметить истинность евангельского свидетельства: кому больше дано, с того больше спросится. Христианам дано больше, поэтому цивилизация, отступившая от евангельских основ, падает ниже, чем та, что никогда не знала о них. Христианин, отказавшийся от своей веры, лучше бы никогда о ней не слышал. Подлинное зло мира сего возглавляется и будет возглавляться на основе идеологии и культуры, порвавшей с христианским наследием, сознательно отвергшей Иисуса Христа, когда бы ни совершился факт этого отвержения: две тысячи лет назад, два века назад, или только вчера.

А с нас спросится больше. Какие мы ни есть, но мы в этом мире – представители Иисуса Христа для всех, кто Его (еще) не принял. Наши грехи этими людьми автоматически переносятся на Евангелие и на Самого Господа. Видят ли в нас справедливость, доброжелательность, верность,

стойкость, или злобу, фанатизм, двоедушие, маловерие, - все это цветочки и цепочки, которыми мы украшаем икону нашего Господа, сложившуюся в представлении нехристиан.

Вот поэтому нельзя быть ни либералом, ни фундаменталистом. Нужно равно сторониться ксенофобии и ксенофилии. Обе эти крайности не только позорят Евангелие и христианство, но способствуют разрушению нашего дома – церкви и отечества. Ксенофилия несет туда запустение, а ксенофобия несет туда пожар. Удивляться не нужно: огульно и несправедливо ругая ислам и мусульман, ты косвенно будешь готовить новые бомбы для метро и аэропортов.

Если из всей книжки ты вынесешь только осознанное согласие с этими последними строками, мне можно будет считать свою задачу выполненной.

Приложение 1. Библейские тексты, относимые мусульманами к Мухаммаду

1. Наибольшей популярностью пользуется вот это пророчество.

Будь непорочен пред Господом Богом твоим; ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей, а тебе не то дал Господь Бог твой. Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, - Его слушайте, - так как ты просил у Господа Бога твоего при Хориве в день собрания, говоря: да не услышу впредь гласа Господа Бога моего и огня сего великого да не увижу более, дабы мне не умереть. И сказал мне Господь: хорошо то, что они говорили. Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу (Второзаконие, 18, 13-19).

Здесь мусульмане нападают на слова: *"из среды братьев их"* в 18-м стихе и не желают видеть слова, сказанные двумя строками выше: *"из среды тебя, из братьев твоих"*. В этих "братьях" вся соль. Арабы ведь братья израильтянам по Исмаилу. Потому они и считают, что если речь идет о "братьях", о пророке из "братьев", то значит, пророк будет не из самого Израиля, а из братского арабского племени.

Кроме прямого указания: *"из среды тебя"* вполне уместно и такое им возражение, что слушатели Моисея, а тем более, все последующие поколения евреев, никогда не понимали эти слова так, что пророк придет не из их народа. Если бы Моисей хотел сказать такого рода мысль, ему нужно было выразиться чуть яснее. Затем очень важно, что Мухаммад был послан не к евреям (арабизированные кланы Медины не в счет, это не мировое еврейство). Наконец, эти слова о пророке после Моисея могут быть совершенно корректно отнесены к любому из израильских пророков, не исключая ни Иоанна Крестителя, ни Самого Иисуса Христа. Иисус, не давая прямой цитаты, по-видимому, имел в виду именно эти слова, сказав: *Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне* (Ин. 5, 46).

В подтверждение своей точки зрения мусульмане проводят параллели между служением Моисея и Мухаммада. Оба вывели народы свои из язычества к единобожию, оба были теократическими вождями, создали своим народам теократическую государственность, были женаты, воевали, продиктовали Писания, дававшие закон и заповеди, оба по вдохновению свыше лично обустроили способ общественного поклонения и молитвы Богу, создали в своих народах богослужебный чин. Все эти аналогии, относящиеся к двум таким пророкам, не относятся к Иисусу. Но, с другой стороны, служение Иисуса отличается таким же обилием чудес, как у Моисея, чего не было у Мухаммада. А самое главное, Иисус, как и Моисей, является посредником Завета Бога со своим народом, а не просто пророком-простецом, увещателем, пытающимся вернуться к религии Ибрагима-ханифа. На Моисее и на Иисусе провозглашается новая ступень в отношении Бога и людей – отношения Завета.

Но, строго говоря, служение Иисуса, действительно, по ряду внешних признаков и по самому своему источнику, сильно отличается от Моисеева служения. В отличие от Моисея, Иисус - *от вышних и Его Царство не от мира сего*. Поэтому в целом вопрос о толковании этого места Писания однозначно решаемым не является.

2. Ссылаются мусульмане и вот на это место:

Ибо так говорит Господь Саваоф: еще раз, и это будет скоро, Я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы, и придет Желаемый всеми народами, и наполню дом сей славою, говорит Господь Саваоф. Мое серебро и Мое золото, говорит Господь Саваоф. Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Господь Саваоф; и на месте сем Я дам мир, говорит Господь Саваоф (Аггей, 2, 6-9).

Здесь все доказательство строится на этимологии оригинальных слов. Слово, переведенное, как *Желаемый*, имеет тот же корень хмд, что и в арабском Ахмад (Мухаммад), и действительно, означает нечто вожденное. Вот и читают: "придет Ахмад для всех народов". И в последней строчке: *на месте сем дам мир*, - здесь *мир* заменяют переосмысленным арабизированным корнем оригинала. В оригинале стоит "шалом", однозначно родственное арабскому "ислам". Шалом – это мир, а ислам – это скорее смирение и покорность, но слова эти, действительно, однокоренные. Вот и прочитывают: "придет Ахмад... и даст на месте сем ислам". Ведь мир в политическом смысле на Святую Землю не принес ни Иисус, ни Мухаммад, это очевидно. Но ислам дан через Мухаммада. Остается последняя из всех натяжек: как это все привязать к Иерусалимскому Храму? Тоже решаемая задача. Здесь ссылаются на видение, бывшее Пророку около 620 г, когда он был в духе перенесен в Иерусалим и видел там семь небес, беседовал с пророками, поклонился Аллаху и получил наставление о пятикратной ежедневной молитве. Вот, - говорят, - здесь и получил он ислам.

Характерный пример исламской библейской экзегезы. Сравните сами с мессианским толкованием этого пророчества, если его отнести к Иисусу.

Желаемый всеми народами (пожалуйста, можно сказать и Ахмад всех народов, и Эмануил, - смысл не изменится) это тот, кто принесет свет веры в Единого Бога всем народам, кто сделает единобожие универсальной религией, и, более того, кто принесет самой религией спасение всем народам. Был ли такой человек до Мухаммада? Он приходит *в дом сей* – второй Иерусалимский Храм, *наполняет его славою* своих чудес. И по этому факту слава Второго Храма будет больше, чем слава Храма Соломонова. Когда исполнилось это? Естественно, во времена Иисуса, когда Храм считался чудом света, когда в него ехали со всей Римской империи и из-за ее пределов. Нужны ли какие-то лингвистические изыскания, чтобы понять смысл этого пророчества, и на ком оно могло исполниться прежде Мухаммада? Но, пожалуй, гораздо нужнее вера в то, что пришествием Желанного всеми народами люди обретают мир с Богом, который устанавливается Его Крестом и Воскресением. И таким образом, речи о мире в политическом смысле здесь не идет.

3. Цитируют и эту молитвенную песнь пророка Аввакума:

Бог от Фемана грядет и Святой - от горы Фаран. Покрыло небеса величие Его, и славою Его наполнилась земля (Авв. 3, 3). (Для знакомых со славянским богослужением напомним, что это т.н. 4-я библейская песнь, часто употребляемый богослужебный текст в каноне на утрени; и там он звучит так: *Бог от юга приидет и Святой из горы преосененныя чащи; Покры небеса добродетель Его и хвалы Его исполнь земля*).

Для сравнения тот же текст в смысловом переводе для людей мусульманской культуры: *Аллах (Элоах) пришел от Тимана, Святой от горы Паран*.

Если в предыдущем отрывке вся экзегеза строилась от этимологии, то здесь от географии. Единственное доказательство в пользу Мухаммада состоит в том, что здесь упомянуты аравийские топонимы. Но весь контекст этой главы ясно говорит, что здесь рассматривается Божье посещение в смысле наказания, как самому Израильскому народу, так и окружающим его язычникам. Бог приходит здесь, как Промыслитель и Наказатель народов, но речь никоим образом не идет о каком-либо Божьем посланнике. И, кроме того, совершенно непонятно, как Мухаммада можно здесь подразумевать под именем самого Аллаха? Ведь это Он приходит от юга. Гораздо проще и яснее

понять так, что Пророк имел здесь в виду именно военное нашествие на Израиль с юга – по Промыслу Божию. И больше ничего.

4. Продолжая анализировать библейские тексты, относимые христианами к Мессии (будь ли то в прямом или прообразовательном смысле), мусульмане находят и это место, хотя оно цитируется реже:

Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине; не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова (Исаия, 42, 1-4).

Под островами тут равно возможно понимать и еврейское рассеяние, и язычников. В Евангелии от Матфея это самое место цитируется по отношению к Иисусу и там последнее слово переведено именно как язычники (ср: Мф. 12, 18-21).

Здесь вся "игра смысла" состоит в том, что всем народам возвещается Божий суд и даже закон, но совершенно не возвышенным голосом, крайне тихо, подчеркнуто спокойно, так что даже фитиль в лампадке не будет задут. В принципе, это тот же самый парадокс, как и в пришествии Мессии в свой город на осле, как и искупление Иерусалима Рабом Вышнего через Его страдания и смерть, возвещенные в книге Исаии, главы 52-53. Тут каждый сам волен решать, к кому это ближе: к Иисусу, или к Мухаммаду. Но в этом случае полезна параллель с пророчеством Второзакония, приведенным выше. Ведь там, при его истолковании, мусульмане подчеркивали, что Мухаммад похож на Моисея именно как воин, победитель, теократический вождь в этом реальном мире. Тогда придется выбирать между такой вещественной победой меча и недоломанной тростью с незадутой лампадой. Вместе то и другое совместить не получится.

5. Пик мусульманской библейской экзегезы приходится на Евангелие от Иоанна. Все, что там сказано о грядущем Утешителе – Святом Духе, относят к Мухаммаду. Вот эти места:

а) *И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет (14, 16-17).*

б) *Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне (15, 26).*

в) *Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден. Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам (16, 7-15).*

Исламская аргументация здесь идет опять от этимологии. Причем в двух вариантах. У одних авторов слово Утешитель (Параклетос) воспринимается как перевод ассирийского Аль-Муханамна, созвучного с именем пророка ислама. У других авторов это же слово Параклетос из греческого огрубленного языка (койне), на котором написан Новый Завет, считается искажением классического греческого Периклитос, означающего не Утешитель, а Восхваляемый, Прославляемый. И уже это слово ставится каким-то образом в параллель с тем же самым Ахмадом семитского оригинала, который, как мы видели выше, при толковании Аггея, там означал желаемого и вождя. Вполне понятно, что одно слово может включать такие несколько разные оттенки смысла, но ведь все равно при этом необходимо допустить, будто у Евангелия от Иоанна был изначальный вариант на классическом греческом, где Параклетос был Периклитосом. Предположение для всех авторов Нового Завета невозможное. Из них никто не владел языком греческой классики.

Самое же важное, что слова об Утешителе, взятые все вместе, никак не могут относиться к конкретному земному человеку. Такой субъект речи никак не может пребывать внутри учеников.

Кроме того, совершенно очевидно, что он обещан именно этим ученикам, а не каким-то людям другого, братского племени спустя шесть веков после них. Далее необходимо учесть и событие Пятидесятницы, и все дальнейшее понимание Духа Святого в древней Церкви и во всем христианстве. Еще очень важно, что Мухаммад приходит не в христианский мир. Степень его контакта с христианским миром весьма проблематична, он не знает Евангелия. Поэтому ставить его непосредственным продолжателем дела Иисуса среди учеников Иисуса нет никаких оснований. И наконец, в Коране нет ничего такого, что не мог бы понимать и возвещать Иисус. В шестивековой выдержке по времени между двумя пророками нет никакой необходимости. Пророк с незначительными и неясными знамениями не может служить лучшим толкователем и продолжателем Пророка с величайшими знамениями, начиная от Его рождения. Тем более, если второй Пророк не знает ничего определенного о служении и учении Пророка первого.

Все это вместе дает увидеть разницу: пророк – это одно служение, а Мессия – другое. Мухаммад же есть пророк единобожия для арабов и окрестных языческих народов. Он послан к ним с адекватной для этой цели вестью и адекватными средствами ее утверждения. Он действительно только пророк-простец, на котором – только передача определенной вести определенным людям. О служении же Мессии рекомендуем мусульманам узнать из других источников, помимо Корана, и осмыслить полученную доступную информацию.

Приложение 2. Повествования об Исе в Коране с указанием параллельных мест в христианских апокрифических источниках

35 . Вот сказала жена Имрана: "Господи! Я обетовала Тебе то, что у меня в утробе, освобожденным (для Тебя) Прими же от меня, - ведь Ты - слышащий, знающий". 36 . И когда она сложила ее, то сказала: "Господи! Вот, я сложила ее - женского пола". - А Аллах лучше знал, что она сложила, - ведь мужской пол не то, что женский. - "И я назвала ее Марьям, и вот -я отдаю Тебе ее и ее потомство под защиту от сатаны, побиваемого камнями". 37 . И Господь ее принял ее хорошим приемом, и возрастил ее хорошим ростом, и поручил ее Закарии. Всякий раз, как Закарийя входил к ней в михраб, он находил у нее пропитание. Он сказал: "О Марьям! Откуда тебе это?" Она сказала: "Это от Аллаха Поистине, Аллах питает, кого пожелает, без счета! 38 . Там воззвал Закарийя к своему Господу и сказал: "Господи! Дай мне от Тебя потомство благое. Ведь Ты - слышащий воззвание". 39 . И возгласили ему ангелы, когда он стоя молился в михрабе. "Аллах радуется тебе вестью о Йахйе, подтверждающем истинность слова от Аллаха, господине, воздержном и пророке из праведников!" 40 . Он сказал: "Господи! Как будет у меня мальчик, когда до меня дошла уже старость, а жена моя - бесплодна?" Он сказал: "Так! Аллах творит, что пожелает". 41 . Он сказал: "Господи! Сделай мне знамение". Он сказал: "Знамение твое, что ты не будешь говорить с людьми три дня, иначе как знаками. И поминай твоего Господа много и восхваляй по вечерам и утрам". 42 . И вот, сказали ангелы: "О Марьям! Поистине, Аллах избрал тебя, и очистил, и избрал тебя пред женщинами миров. 43 . О Марьям! Благоговей пред твоим Господом, и пади ниц, и поклоняйся с поклоняющимися". 44 . Это - из рассказов о сокровенном, который Мы тебе открываем. Ты не был при них, когда они бросали свои письменные трости: который из них будет заботиться о Марьям. И ты не был при них в то время, как они препирались. 45 . Вот сказали ангелы: "О, Марьям! Вот, Аллах радуется тебе вестью о слове от Него, имя которого Мессия Иса, сын Марьям, славном в ближнем и последнем мире и из приближенных. 46 . И будет говорить он с людьми в колыбели и взрослым и будет из праведников". 47 . Сказала она: "Господи! Откуда будет у меня ребенок, когда меня не касался человек?" Сказал он: "Так! Аллах творит, что желает. Когда Он решит какое-нибудь дело, то только скажет ему: "Будь!" - и оно бывает. 48 . И научит Он его писанию и мудрости, и Торе, и Евангелию, . 49 . и сделает посланником к сынам Исраила". - "Я пришел к вам со знамением от вашего Господа. Я сотворю вам из глины по образу птицы и подую в нее, и станет это птицей по изволению Аллаха. Я исцелю слепого прокаженного и оживлю мертвых с дозволения Аллаха. Я сообщу вам, что вы едите и что сохраняете в ваших домах. Поистине, в этом - знамение для вас, если

вы верующие! 50 . И в подтверждение истинности того, что ниспослано до меня в Торе, и чтобы разрешить вам часть того, что было вам запрещено. И пришел я со знамением от вашего Господа. Побойтесь же Аллаха и повинуйтесь мне. 51 . Ведь Аллах - мой Господь и ваш Господь. Поклоняйтесь же Ему; это - путь прямой!" 52 . И когда Иса почувствовал в них неверие, то сказал: "Кто мои помощники Аллаху?" Сказали апостолы: "Мы - помощники Аллаха. Мы уверовали в Аллаха, засвидетельствуй же, что мы - предавшиеся. 53 . Господи наш! Мы уверовали в то, что Ты ниспослал, и последовали за посланником. Запиши же нас вместе с исповедующими!" 54 . И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах - лучший из хитрецов. 55 . Вот сказал Аллах: "О Иса! Я упокою тебя, и вознесу тебя ко Мне, и очищу тебя от тех, которые не веровали, и сделаю тех, которые последовали за тобой, выше тех, которые не веровали, до дня воскресения. Потом ко Мне будет ваше возвращение, и Я рассужу между вами относительно того, в чем вы разногласили. 56 . Тех же, которые не веровали, Я накажу сильным наказанием в ближайшей жизни и в последней, и нет им помощников!" 57 . А те, которые уверовали, творили благое, - Он полностью даст им их награду: ведь Аллах не любит обидчиков! 58 . Это Мы читаем тебе из знамений и мудрого напоминания. 59 . Поистине, Иса пред Аллахом подобен Адаму: Он создал его из праха, потом сказал ему: "Будь!" - и он стал (3, 35-59).

К аяту 37. Чтобы питаться, она вкушала ежедневно пищу, которую получала из рук ангела. (Книга о рождестве блаженнейшей Марии, гл. VI)

К аяту 44. И когда все они отдали первосвященнику посохи, которые принесли, он принес жертву Богу и спросил Господа, и сказал ему Господь: "... И выйдет из конца одного из посохов голубица, которая улетит на небо, и тому, чей посох будет отличен этим знамением, должна быть поручена для хранения Мария (там же, гл. VIII).

К аяту 49. После сего Иисус взял илу из запруды, которую сделал и слепил при народе двенадцать воробьев. Был день субботний, когда сделал он так, и было много детей с ним. И некоторые из иудеев видели, что делал Он, и сказали Иосифу: "Или ты не видишь, Иосиф, что Младенец Иисус работает в день субботний, что не дозволено Ему? Он сделал двенадцать воробьев, слепив из ила их". Тогда Иосиф укорял Иисуса: "Зачем ты делаешь в день субботний то, что не дозволено нам?" Но Иисус, услышав Иосифа, ударил руками Своими и сказал Своим воробьям: "Летите!" И по повелению этому начали летать они (там же гл. XXVII).

Воспоминание о милости Господа твоего рабу Его Закарии. 3. Вот воззвал он к Господу своему зовом тайным. 4 . Сказал он: "Господи! У меня ослабели мои кости, и голова запылала сединой, а я не был в воззваниях к Тебе, Господи, несчастным. 5 . И я боюсь близких после меня, а жена моя бесплодна; дай же мне от Тебя наследника! 6 . Он наследует мне и наследует роду Йакуба, и сделай его, Господи, угодным". - 7 . "О, Закарийа, Мы радуем тебя вестью про мальчика, имя которого Йахйа! Мы не делали ему раньше одноименного". 8 . Он сказал: "Господи, как будет у меня мальчик: и жена моя бесплодна, и дошел я в старости до предела?" 9 . Сказал Он: "Так сказал твой Господь: "Это для Меня - легко. Я ведь сотворил тебя раньше, а был ты ничем". 10 . Он сказал: "Господи! Дай мне знамение!" Сказал Он: "Знамение для тебя в том, что ты не будешь говорить с людьми три ночи, будучи здоровым". 11 . И вышел он к своему народу из алтаря и внушил им: "Возносите хвалу утром и вечером". 12 . "О, Йахйа, держись писания сильно!" И даровали Мы ему мудрость, когда он был мальчиком, 13 . и милосердие от Нас и чистоту. И был он богобоязненным . 14 . и благим своим родителям, и не был он тираном, ослушником. 15 . Мир ему в день, когда он родился, и в день, когда умрет, и в день, когда будет воскрешен живым! (ср.: Лк. 1, 5-24; 1, 57-80) 16 . И вспомни в писании от Марйам. Вот она удалилась от своей семьи в место восточное 17 . и устроила себе пред ними завесу. Мы отправили к ней Нашего духа, и принял он пред ней обличие совершенного человека. 18 . Она сказала: "Я ищу защиты от тебя у Милосердного, если ты

богобоязнен". 19 . Он сказал: "Я только посланник Господа твоего, чтобы даровать тебе мальчика чистого". 20 . Она сказала: "Как может быть у меня мальчик? Меня не касался человек, и не была я распутницей". 21 . Он сказал: "Так сказал твой Господь: "Это для Меня - легко. И сделаем Мы его знамением для людей и Нашим милосердием". Дело это решено". 22 . И понесла она его и удалилась с ним в далекое место. (ср.:Лк. 1, 26-38) 23 . И привели ее муки к стволу пальмы. Сказала она: "О если бы я умерла раньше этого и была забытою, забвенною!" 24 . И воззвал Он к ней из-под нее: " Не печалься: Господь твой сделал под тобой ручей. 25 . И потряси над собой ствол пальмы, она уронит к тебе свежие, спелые. 26 . Ешь, и пей, и прохлади глаза! А если ты увидишь кого из людей, то скажи: "Я дала Милостивому обет поста и не буду говорить сегодня с человеком". 27 . Она пришла с ним к своему народу, неся его. Они сказали: "О, Марйам, ты совершила дело неслыханное! 28 . О сестра Харуна, не был отец твой дурным человеком, и мать твоя не была распутницей". 29 . А она указала на него. Они сказали: "Как мы можем говорить с тем, кто ребенок в колыбели?" 30 . Он сказал: "Я - раб Аллаха, Он дал мне писание и сделал меня пророком. 31 . И сделал меня благословенным, где бы я ни был, и заповедал мне молитву и милостыню, пока я вижу, 32 . и благодать к моей родительнице и не сделал меня тираном, несчастным. 33 . И мир мне в тот день, как я родился, и в день, что умру, и в день, когда буду воскрешен живым!" 34 . Это - Йса, сын Марйам, по слову истины, в котором они сомневаются. 35 . Не подобает Аллаху брать Себе детей, хвала Ему! Когда Он решит какое-нибудь дело, то лишь скажет ему: "Будь!"- и оно бывает. 36 . И поистине, Аллах - мой Господь и ваш Господь: поклоняйтесь же Ему, это - прямой путь! (19, 2-36).

К аятам 23-25. Случилось на третий день дороги, что Мария утомилась в пустыне от слишком сильного солнечного жара. И увидев дерево, она сказала Иосифу: "отдохнем немного в его тени"... Тогда младенец Иисус, который был на руках Девы Марии, Своей Матери, [ему 45 дней от роду - Т.] сказал пальме: "Дерево, наклони твои ветви и напитай Мою Мать твоими плодами". Тотчас же по слову его, пальма склонила вершину свою к ногам Марии, и, собрав плоды, которые были на ней, все ими насытились... Тогда сказал Иисус: "поднимись, пальма, и будь товарищем Моим деревьям, которые в раю Отца Моего. И пусть из –под корней твоих истечет источник, который скрыт под землею, и пусть даст нам воду утолить жажду нашу". И тотчас пальма поднялась, и между корнями ее начал пробиваться источник воды, весьма прозрачной, и холодной, и величайшей сладости. – ("Книга о рождестве Блаженнейшей Марии", глава XX).

110 . Вот скажет Аллах: "О Иса, сын Марйам! Вспомни милость Мою тебе и твоей родительнице, как Я подкрепил тебя духом святым. Ты говорил с людьми в колыбели и взрослым. И вот научил Я тебя писанию, мудрости, Торе, Евангелию, и вот ты делал из глины подобие птиц с Моего дозволения и дул на них, и становились они птицами с Моего дозволения, и ты изводил мертвых с Моего дозволения. И вот Я удержал сынов Исраила от тебя, когда ты пришел к ним с ясными знамениями. И сказали те, которые не веровали из них: "Это - только очевидное колдовство!" 111 . И вот внушил Я апостолам: "Уверуйте в Меня и в Моего посланника!" Они сказали: "Мы уверовали, свидетельствуй, что мы предались!" 112 . Вот сказали апостолы: "О Иса, сын Марйам! Может ли твой Господь низвести нам трапезу с неба?" Он сказал: "Бойтесь Бога, если вы верующие!" 113 . Они сказали: "Мы хотим поесть с нее, и успокоятся наши сердца, и будем мы знать, что ты сказал нам правду, и мы будем о ней свидетелями". 114 . Сказал Иса, сын Марйам: "Аллах, Господи наш! Низведи нам трапезу с неба! Это будет праздником для первого из нас и для последнего и знамением от Тебя. И даруй нам удел, Ты - лучший из дарующих уделы!" 115 . Сказал Аллах: "Я ниспошлю ее вам, но кто еще из вас будет потом неверующим, того Я накажу наказанием, которым не наказываю никого из миров!" 116 . И вот сказал Аллах: "О Иса, сын Марйам! Разве ты сказал людям: "Примите меня и мою мать двумя богами кроме Аллаха?" Он сказал: "Хвала Тебе! Как можно мне говорить, что мне не по праву? Если я говорил, Ты это знаешь. Ты знаешь то, что у меня в душе, а я не знаю того, что у Тебя в душе: ведь Ты - ведающий скрытое. 117 . Я не говорил им ничего, кроме того, о чем Ты мне приказал: "Поклоняйтесь Аллаху, Господу моему и Господу вашему!" Я был свидетелем о них, пока пребывал среди них, а когда Ты меня упокоил, Ты был наблюдателем за ними, и Ты - свидетель всякой вещи. 118 . Если Ты их накажешь, то ведь они -

рабы Твои, а если Ты простишь им, то ведь Ты - великий, мудрый!" 119 . Сказал Аллах: "Это - день, когда поможет правдивым их правдивость. Им - сады, где внизу текут реки, вечно пребывающими они будут там". Аллах доволен ими, и они довольны Аллахом. Это - великая прибыль! (5, 110-119)